

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

исторический роман

НАВАРИН

Морская слава России

Владимир Шигин

Наварин (Собрание сочинений)

«ИП Каланов»

2010

Шигин В. В.

Наварин (Собрание сочинений) / В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2010 — (Морская слава России)

Шигина посвящен событиям российской истории 20-х годов XIX. Используя редкие архивные материалы и мемуары, автор во всех подробностях описывает плавание эскадры балтийского флота в Средиземное море в 1827 году, соединение с английской и французской эскадрами и победное сражение с турецким флотом в Наваринской бухте. Среди героев книги адмиралы Л. Гейден и М. Лазарев, а также лейтенанты и мичманы П. Нахимов, В. Корнилов. В. Истомин и другие, с впоследствии знаменитые российские флотоводцы. Как всегда, Владимир Шигин интересно и со знанием дела описывает быт русских моряков того времени, их службу на кораблях и отдых на берегу. Вторая часть книги посвящена событиям забытой сегодня русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Подробно описаны боевые действия русской армии и на Кавказе, в частности, штурм крепости Эривань (современного Еревана) и освобождения ее от турок. Мало кто знает, что в 1829 году победоносная русская армия, как никогда ранее, была близка к захвату Стамбула. Наши войска стояли всего в нескольких верстах от турецкой столицы... Прочитав книгу, Вы узнаете, почему фельдмаршал Дибич не решился войти в Стамбул, который лежал у его ног, почему российский адмирал Рикорд отказался стать первым президентом Греции. Почему император Николай Первый присвоил чин контр-адмирала русского флота предводительнице греческих корсаров Ласкарине Бубулине и еще много чего нового и интересного для себя. Исторический роман «Наварин» написан хорошим литературным языком, поэтому читается легко и увлекательно.

© Шигин В. В., 2010

© ИП Каланов, 2010

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	50
Третья четвертая	59
Глава пятая	72
Глава шестая	90
Глава седьмая	108
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Владимир Шигин

Наварин

*Отважными бывали многие.
Кто, не щадя трудов и сил,
На славы бурные дороги
Эскадры флота выводил.
К нам шел с отвагой вместе опыт,
И тех не меркнут имена.
Кто брандеры водил к Синопу,
Зажег костер Наварина.*

А. Лебедев

© Владимир Шигин 2020

Часть первая Греческий гамбит

Глава первая «Азов» поднимает флаг

Царствование императора Николая Первого российский флот встретил мятежом гвардейского экипажа. С кличем: "За Константина и жену его – Конституцию!", матросы вышли на Сенатскую площадь. Затем был картечный расстрел восставших и гражданская казнь главных виновников (из числа морских офицеров) на линейном корабле "Князь Владимир", когда старый адмирал Кроун самолично ломал над головами дерзнувших офицерские кортики...

Корабельное офицерство отнеслось к событиям декабрьским равнодушно. Гвардия, есть гвардия у них свои причуды, а наше дело моряцкое: поднимай паруса да крути штурвал! Восшествие Николая флот встретил с робкой надеждой в день свой завтрашний. На шумных офицерских попойках мичмана и лейтенанты, подперев руками отяжелевшие головы, мечтали о больших походах и блестящих победах. Капитаны ж, вечерами карты тасуя, солидно рассуждали, что новый государь не в пример старому умен и моряков, как его предшественник брат Александр ненавидеть не станет.

В словах капитанских была горькая истинна! При императоре Александре флот вниманием не баловали. Корабли по несколько лет к ряду гнили в портах, так и не сделав ни одной кампании. Когда ж случалось производить смотры высочайшие, то наскоро выкрашивали один из бортов, и начальство этим довольствовало. Оба александровских морских министра и маркиз де Траверсе, и барон фон Моллер нанесли флоту гораздо больше вреда, чем пользы. Экономия на сущей ерунде, они, шутя, пускали на ветер миллионы. Дело дошло до того, что в 1824 году во время сильного наводнения, когда стихия разрушила часть Кронштадта и Петербурга, сорвала с якорей корабли, под общий шум было списано на слом более половины флота, включая и не поврежденные новые корабли. Уничтожив собственный флот, морской министр несказанно обогатился, списав корабли на дрова! Подобного мировая история еще не знала!

Николай I, император всероссийский (1825–1855)

Знаменитый мореплавателю Головнин, бывший в ту пору генерал-интендантом морского министерства с горечью констатировал: "Если гнилые, худо и бедно вооруженные и еще хуже и беднее того снабженные корабли, престарелые, хворые, без познаний и присутствия духа флотовожди, неопытные капитаны и пахари под именем матросов, в корабельные экипажи сформированные, могут составить флот, то мы его имеем".

Нелюбовь Александра Первого к флоту поражала современников. Чего там было больше непонимания или упрямства, сказать трудно. В минуты откровения император признавался близким:

– Я вообще не признаю значения морской силы для России. Деньги на флот уходят как в прорву, а толку от этого нет никакого! Для островитян – англичан корабли, быть может, и полезны, для нас же это сущее разорение!

Когда-то, вступая на престол, Александр, обращаясь к морякам, заявил во всеуслышание: – Я извлеку наш флот из мнимого существования в подлинное бытие!

К концу царствования об этих словах никто уже и не упоминал. Российский флот "дней Александровых прекрасного начала" так и не дождался. Впрочем, кто из сильных мира сего, входя во власть, не обещал легко народу всяческих благ, потом столь же легко напроць, забывая о сказанном по прошествии определенного промежутка времени? Увы, но так было во все времена...

Кому-то может показаться невероятным, но одно время Александр даже носился с идеей передачи всего русского флота англичанам, и лишь открытое возмущение против этой затеи большинства высших сановников заставили императора отказаться от своего сумасбродного плана.

Сегодня может показаться дикостью, но штурманам российским в те годы было велено приобретать инструмент навигационный за свои кровные. А потому как получали штурмана в то время мало и были по причине своей худородности не допускаемы даже в кают-компанию, страдали они от такого приказа крепко. Семьи штурманские едва ли попрошайничеством не побирались, а сами навигаторы питались тем, что со стола офицерского останется.

Главным мериллом служебного рвення в ту пору стала краснота строевого шага, выправка и удаль в ружейных приемах. За согнутые колени и сутулость в строю выгоняли со службы даже самых заслуженных!

Не многим лучше бедолаг штурманов жило и корабельное офицерство. Ближе к осени спускали офицеры с судов кронштадтских баркасы, грузили в них кадки с ведрами и, объеднясь во флотилии, уходили на тех баркасах в финские шхеры. Спустя несколько дней возвращались обратно, доверху нагруженные грибами да ягодами. Часть добычи шла матросам, другая ж (большая) на кормление семей офицерских. Тем и жили. Воровали по этой причине тоже изрядно. А тот, кого ловили, рвал пред всеми на груди рубаху:

– У меня семеро по лавкам! Куды я их на рупь с полтиной подниму! Им што, подыхать!

Одни, терзаясь совестью, брали на прокорм. Вторые, не терзаясь, на пропой. Трети, совесть свою совсем потеряв, на обзаведение. В последнем преуспевал среди иных, люд портювый, чиновный. Никого не удивляло, что госпитальный смотритель, сошка мелкая, но нужная, не таясь, возвел в центре Кронштадта каменный особняк. Рядом с ним вперегонки возводили хоромы из ворованного корабельного леса мастера-корабельщики.

У офицеров корабельных в цене были перегоны Архангельские, когда «посуху» в город Архангельский за новопостроенным кораблем едут, а затем его вокруг Скандинавии на Балтику под парусами гонят. Выгода в тех перегонах была большая. Прибывшие на верфи Соломбальские, перво-наперво скупали у простодушных поморов пудами старые медные еще екатерининские пятаки, затем уж при стоянке в Копенгагене продавали ту медь с выгодой и, тут же на деньги вырученные, закупали контрабандный ром, который с еще большей выгодой перепродавали затем свои сослуживцам в Кронштадте и Ревеле. К прискорбию, но подобных приработков многие не то, что не стеснялись, а наоборот почитали за молодечество!

Бывало, придет новопостроенный транспорт в Кронштадт, а на нем ни якорей, ни парусов.

– При шторме-то и смыло за борт! – вздыхает капитан, глаза пряча.

– Так штормов у нас, почитай, какой месяц и не было! – начнет допытываться какой-нибудь умник из начальства.

– Что-то, вы, Савелий Палыч, как вчерась родились! – изумляется на то капитан. – Да продал я стаксель с верп-якорем купцу голландскому. Цену сторговал хорошую и вам доля немалая!

– Ладно, Никитич, – смягчался сразу начальник, – затылок в раздумьях почесывая. – Чего-то и впрямь шторма зачастили!

Сам Александр Первый в минуту откровения как-то пожаловался ближним:

– Вокруг одни воры и проходимцы! Они бы с радостью украли у меня последние линейные корабли, если бы знали только куда их можно спрятать! Разумеется, что и при самом жутком развале оставались честные и неподкупные. Но, ой, как им было тяжело! А потому ждали они нового царства, что манны небесной в трепетном ожидании возможных перемен.

Конец царствования Александра ознаменовался рядом кругосветных плаваний, организованных, не благодаря, а скорее вопреки императору на голом энтузиазме и порыве наших моряков.

Два отряда кораблей были посланы в ледовые океаны: один на север искать морской путь с востока на запад, второй на юг искать загадочную "Терра Инкогнита".

Подвиг шлюпов "Восток" и "Мирный" известен каждому. Беллинсгаузен с Лазаревым открыли не только множество островов, но и целый, дотоле неведомый материк – Антарктиду. Начальнику северной дивизии капитану 2 ранга Васильеву не повезло. Его шлюпы не смогли пробиться через Берингов пролив далеко на Север и отступили. И хотя вины Васильева в том не было никакой, Петербург встретил его убийственной эпиграммой:

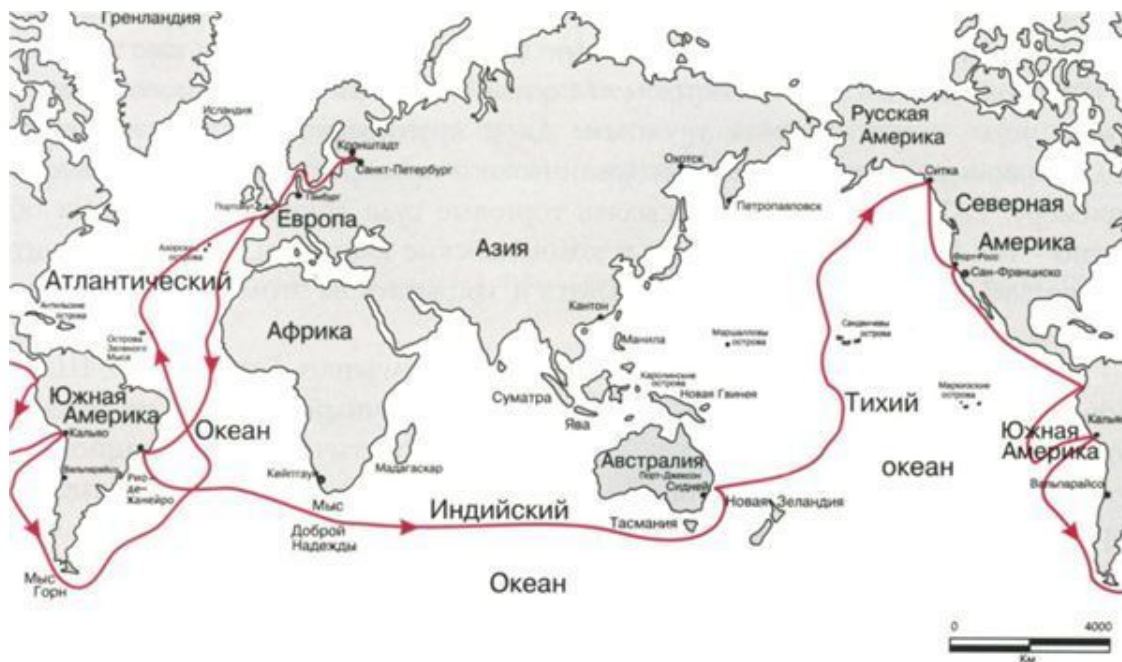
*Васильев, претерпев на море разны бедства,
Два чучела привез в музей Адмиралтейства.*

Во все времена публике были нужны лишь победители, а не побежденные. К моменту воцарения Николая Первого Андреевский флаг развевался уже по всем земным океанам: у берегов русской Америки нес службу шлюп "Предприятие" Отто Коцебу, в Индийских водах плыл транспорт "Кроткий", в южной Атлантике штормовал шлюп "Моллер" капитана Станюковича, а в Кронштадте готовился к кругосветному вояжу транспорт "Сенявин".

Михаил Петрович Лазарев

В первые же дни своего восшествия Николай Первый дал флотским понять, что возложенные на него надежды не беспочвенны. Новый император начал возрождение морской мощи с того, что вернул из отставки героя Калиакрии, Афона и Дарданелл, кумира флотской молодежи вице-адмирала Дмитрия Сенявина. Старику тут же был дан чин полного адмирала и звание генерал-адъютанта. Затем, как при каждом новом воцарении водилось, образовал император комиссию по "воссозданию флота". Из руководства морского Николай разогнал безжалостно немощных и никчемных.

Плавание М. П. Лазарева на фрегате «Суворов» в 1813–1815 годах

В первые же дни своего восшествия Николай Первый дал флотским понять, что возложенные на него надежды не беспочвенны. Новый император начал возрождение морской мощи с того, что вернул из отставки героя Калиакрии, Афона и Дарданелл, кумира флотской молодежи вице-адмирала Дмитрия Сенявина. Старику тут же был дан чин полного адмирала и звание генерал-адъютанта. Затем, как при каждом новом воцарении водилось, образовал император комиссию по "воссозданию флота". Из руководства морского Николай разогнал безжалостно немощных и никчемных.

За развал флота поплатился вице-адмирал Моллер (правда далеко не сразу), его пощадили от отдачи под суд "единственно только по снисхождению и долговременной прежней усердной службе". Новый император давал дорогу молодым и дельным: Беллинсгаузену, Головнину, Крузенштерну. Для надзора же за порядком приставил своего любимца князя Меншикова, в деле морском сущего неуча, но царедворца и остроумца известного. Пока Меншиков был определен лишь наблюдателем, но виды на него император имел министерские.

По приказу нового императора произвели ревизию наличного флота и ужаснулись. На всей Балтике к плаванью оказались годными лишь корабль "Эммануил", да два фрегата "Меркуриус" и "Диана"! Перепуганный Моллер пытался, было, приписать к ним линейный корабль "Лейпциг" со "Святым Петром", но те, как оказалось, дальше Бельтов пускать было нельзя, иначе рассыпятся.

– И это все?! – пришел в ужас император.

– Все, но не совсем, ваше величество, – задрожал бумажкой в руках Моллер. – В ремонте корабли "Фершапенуаз", "Царь Константин" с "Еленой", в достройке "Александр Невский", "Азов" и "Иезекииль" с бригами "Усердие" и "Охта".

– Но ведь "Эммануил" не корабль линейный, а всего-навсего фрегат, почему же вы его в кораблях числите! – тут же разоблачил Моллера император.

– Только для удовольствия вашего величества! – обречено опустил голову глава морского ведомства.

– Что ж! – после долгого и тягостного молчания произнес Николай. – Будем строить флот заново. Лишь бы только не опоздать со временем!

Тотчас были отпущены немалые деньги, и началась и усиленная постройка кораблей. В скорости произошли и другие изменения в жизни российского флота: отменили давно изжившую себя адмиралтейств-коллегию и учредили Главный морской штаб, изъяли чин капитана бригадного ранга и ввели должность дежурного адмирала.

Сам Николай, подражая своему великому предку, считал себя и известным инженером.

– Чтоб немедля заменили пеньковые штуртросы на кожаные, а крюйт-камеры стали оббивать листом свинцовым! – наставлял он морского министра Моллера. – О ходе работ докладывать мне лично!

Тот только записывал.

Закрутилось, завертелось! Полетели приказы, наказы и инструкции. оживился Кронштадт. Забегали чиновники. Повеселели моряки.

– Дай-то бог! Дай-то бог! – крестились старики-ветераны, не одно "восстановление флота" пережившие. – Чтоб в ентот раз навсегда и всурьез за дело морское взялись!

* * *

5 августа 1825 года командир фрегата "Крейсер" капитан 2 ранга Михаил Лазарев 2-й был вызван в Главный Морской штаб. Начальствующий там вице-адмирал Моллер (уже томившийся в это время в ожидании суда или отставки за воровство), не задерживая капитана второго ранга в приемной, сразу пригласил его в свой кабинет.

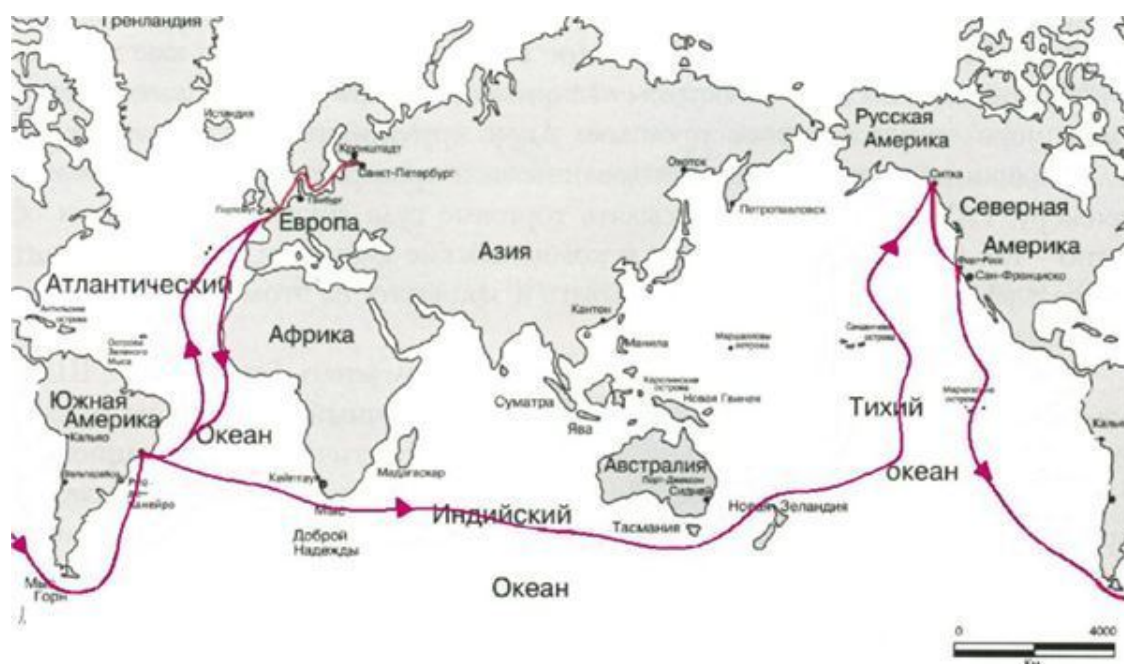
– Ну-с, Михаил Петрович, присаживайтесь! – махнул рукой, на стоявшую рядом резную стулу, Моллер. – Должен вас обрадовать, что государь, несмотря на всю свою занятость, не забыл о вас и не далее, как день назад велел мне подыскать для вас хорошую должность!

– Премного благодарен его величеству и вам господин вице-адмирал за работу и внимание к моей особе! – сидевшей на краю стула Лазарев, нервно теребил парадную треуголку.

– Принимая во внимание ваши заслуги перед Отечеством и, прежде всего, успешное завершение последнего вашего вокругосветного вояжа, но продолжал начальник штаба. – Мы сочли возможным предложить вам капитанство на новостроящемся в Архангельске 74-пушечном корабле.

– Лучшая награда моряку – это хорошее судно! – радостно улыбнулся капитан второго ранга. – Столь высокое назначение почитаю за честь!

– Вот и славно, – потер пухлые ладошки Моллер. – Более вас не задерживаю. Ждите официального приказа!

Маршрут кругосветного плавания М. П. Лазарева на фрегате «Крейсер» в 1822–1825 гг.

Весь обратный путь до Кронштадта в продуваемом ветром баркасе. Лазарев напряженно обдумывал, как теперь ему теперь скорее завершить дела по сдаче к порту своего фрегата, оприходовании «остатных припасов» и расформировании команды.

Михаил Петрович Лазарев родился 3 ноября 1788 году во Владимире в дворянской семье. После смерти отца, сенатора, три его сына Андрей, Михаил и Алексей по Высочайшему соизволению императора Павла были зачислены кадетами в Морской корпус.

Известно, что за «отличные успехи» во время обучения в Морском корпусе Михаил Лазарев был премирован секстаном. В 1803 году произведен в гардемарины и по распоряжению правительства в числе 30 лучших выпускников корпуса был отправлен в Англию для службы волонтером. Проведя пять лет в непрерывных плаваниях в Атлантическом океане, Средиземном море, а на судах Ост-Индской компании – и в Тихом океане, неоднократно участвуя в боях с французскими кораблями, Лазарев вернулся в Россию уже опытным офицером.

Служба в британском флоте оставила неизгладимый след в характере «юноши острого ума и благородного поведения», как аттестовали его английские капитаны. Именно здесь молодой Лазарев проникся тем чувством долга к службе, любовью к морю, стремлением достигнуть в каждом деле наилучшего результата. Однако пребывание на английском флоте приучило Лазарева и к иному. Отныне до конца своих дней он будет достаточно жесток в обхождении с матросами.

М. П. Лазарев – первый командир «Азова»

Во время начавшейся вскоре войны с Англией и Швецией мичман Лазарев служил на линейном корабле «Благодать» в эскадре адмирала П.И. Ханькова. Именно тогда он вызвался в числе других охотников идти на помощь атакованному при Рогервике английскими кораблями и пленному линкору «Всеволоду». Вскоре после этого Лазарев вернулся в эскадру Ханькова, на которой служил до конца сентября 1808 г.

В феврале 1811 года Лазарев уже лейтенант. В Отечественной войне 1812 года, служа на бриге «Феникс», участвует в высадке десантов в районе Данцига, предпринятых с целью отвлечения от Риги французов.

Получив боевое крещение в сражениях с французскими корсарами, побывав в плену, поучаствовав в двух войнах, испытал на себе все тяготы морской службы, Лазарев проникся глубоким убеждением, что «всякое положение человека, прежде всего, возлагает на него обязанности» и что «с точным, безукоризненным их выполнением связана не только служебная, но и личная честь».

Значительно превосходя организаторским способностям окружающих его офицеров, Лазарев был всегда ценным начальством. Когда в 1813 году Российско-Американская компания обратилась с просьбой к морскому министру назначить офицера для командования новым компанейским кораблем «Суворов» в предстоящем ему кругосветном плавании, был выбран именно он. Факт сам по себе поразительный, ведь опытных капитанов для столь трудного, но почетного мероприятия было предостаточно.

1 сентября 1813 года молодой офицер принял в командование свой первый корабль, который должен был доставить груз на остров Ситху через Северное море, Атлантический и Тихий океаны. Это первое кругосветное плавание Лазарева на Аляску, во время которого им были открыты необитаемые коралловые острова, названные островами Суворова, продолжалось без малого 3 года. Здесь заслуживает внимание и судебный процесс, выигранный лейтенантом против тогдашнего начальника колоний Российско-Американской компании Баранова. Самовластие Баранова заставило Лазарева самовольно оставить Ситху, под выстрелами батареи. Дирекция компании вначале протестовала против такого поступка, но потом, удостоверившись в крайнем положении командира и офицеров «Суворова», окончила спор отставкой Баранова с поста правителя Аляски.

Трудности этого возвращения – без медика и суперкарга – показали решительный и твердый характер Лазарева и его глубокие познания в морском деле, что во многом способствовало его последующей карьере.

1 сентября 1816 года «Суворов» благополучно бросил якорь в Кронштадте и Лазарев, сдав его компании, снова возвратился в разряд флотских офицеров. В 1817 году за выслугу на море 18-ти шестимесячных компаний он был в соответствии со статутом награжден орденом Святого Георгия 4-го класса. Лето 1818 года лейтенант Лазарев провел на корабле «Память Евстафия» в плавании по Финскому заливу, а в 1819–1821 годах, командуя шлюпом «Мирный», участвовал в своем втором кругосветном плавании в экспедиции под командованием капитана 2 ранга Фаддея Беллинсгаузена, направленной для исследования Южного Ледовитого океана. Плавание это длилось 751 сутки, за время которых было пройдено 49 тысяч миль. Во время экспедиции, как известно, была открыта Антарктида, обойден вокруг антарктический материк и нанесено на карту около 30 новых островов.

В связи с успешным завершением Антарктической экспедиции лейтенант Лазарев был произведен через чин в капитаны 2 ранга «за отличие» и пожалован пенсией по чину лейтенанта, а спустя год награжден еще и орденом Владимира 4-й степени.

Назначенный командиром 36-пушечного фрегата «Крейсер», Лазарев почти сразу отправился на нем в свое третье кругосветное плавание – на остров Ситху, из которого возвратился спустя 3 года в 1825 года. Среди офицеров шлюпа были лейтенанты Нахимов, Бутенев и Завалишин (будущий декабрист), мичманы Домашенко и Путятин. Все лучшие из лучших!

Вместе с «Крейсером» к Аляске был направлен 20-пушечный шлюп «Ладога» под командованием капитан-лейтенанта Андрея Петровича Лазарева – старшего брата Михаила Петровича.

Русские корабли у берегов Аляски вели отчаянную борьбу с американскими и английскими браконьерами, хищнически бившими в наших водах пушного зверя и ведшими контрабандную торговлю оружием с туземными племенами. Во время этого плавания экипажем фрегата была также проведена и серия широтных научных исследований по океанографии и метеорологии.

Вокруг него объединялись наиболее способные и инициативные молодые офицеры: на «Крейсере» – Нахимов, Путятин, Завалишин.

Блестящий вид фрегата «Крейсер» при возвращении в Кронштадт после трудного и длительного похода, образцовый порядок на корабле, вызывал всеобщее изумление. За успешное выполнение задач этого плавания Лазарев сразу же получил чин капитана 1 ранга, орден Владимира 3-й степени и был пожалован пенсией по чину капитана 2 ранга.

Теперь же Лазареву предстояло подняться на высшую из капитанских ступеней – стать командиром новейшего линейного корабля, честь, о которой всегда мечтал каждый настоящий морской офицер!

* * *

После рождественских праздников Лазарев 2-й отправлялся в Архангельск. Вместе с капитанской должностью он прицепил на свой сюртук и новенькие эполеты капитана 1 ранга. Ехали целым санным поездом. Используя все свои связи, Лазарев забрал на новостройку почти половину своего старого экипажа. Из офицеров с ним поехали лейтенанты Павел Нахимов и Иван Бутенев, мичмана Ефимий Путятин и Александр Домашенко. Помимо личных вещей везли с собой немало и корабельного имущества. С особой бережливостью оберегали ящик с навигационным инструментом. За ящик отвечал мичман Домашенко, который и спал, обнявшись с вверенным ему казенным добром.

Архангельск встретил балтийцев пронзительным ветром и мокрым снегом.

– Точь-в-точь, как у нас в Кронштадте, а ишо север! – делились впечатлениями промеж себя матросы.

Матросов разместили в казармах местного флотского экипажа, офицеры сняли квартиры. Павла Нахимова прямо с саней забрал к себе квартировать друг и однокашник по Морскому корпусу Миша Рейнеке, только что назначенный начальником Беломорской гидрографической экспедиции. Едва вещи по углам закинули и сразу все на верфь. Там среди бревен и сугробов уже высился огромный корабельный короб. При виде будущего корабля матросы кричали "ура", офицеры радостно жали друг другу руки.

А через пару дней Лазарев вступил в хозяйственное наблюдение за кораблем и начал принимать в его достройке самое деятельное участие. Корабельный мастер Никита Иванов, много разных капитанов на своем веку повидавший, не зная, печалился или радоваться этому последнему, уж слишком дотошному! С одной стороны, ну кому понравится, когда в твои дела то и дело встречаются и с советами лезут, с другой, однако, чего печалится, когда советы те порой весьма дельные и дает их капитан весьма к званию твоему и годам уважительно.

По предложению "неугомонного капитана Лазарева" и его офицеров на достраиваемся корабле и то, и дело, что-то переделывали и меняли. Работный люд ворчал:

– И принесла нелегкая умников на нашу голову это им не так, другое ни этак! Матросы лазаревские на слова такие обижались:

– Вот ты душа плотницкая топориком постукал и к бабе своей под бок на печь, а нам на корабелике тобою кое-как сделанном по окиянам плысть! Так неужто, ты душа окаянная, хочешь, чтоб кораблик твой от волны рассыпался, а наши бабы вдовами стали?

– Ладно вам! – махали рукавицами плотники да конопатчики соломбальские. – Мы свое дело без Вас знаем. Наши кораблики хоть семь окиянов проплывут, и нечего им не станет!

Вечерами офицеры собирались у гостеприимного Миши Рейнеке. "Крейсерцы" вспоминали о недавнем кругосветном плавании, Рейнеке рассказывал о Беломорье...

Разговоры заводил обычно розовощекий Ефимий Путятин. Опившись чаю и вытирая полотенцем вспотевший лоб, он важно начинал:

– А помните, господа, бурю на траверзе Сан-Франциско? Когда мы штормовали без малого две недели. Могу вам задним числом нонче сознаться, уж, на что я крепок и стоек, но и то мысленно тогда со всеми домашними распрощался!

Павел Нахимов рыжий и ироничный, улыбаясь, кивал:

– Помним, помним, Ефимушка, как ты царю морскому "ура" кричал, Михайле Петровичу весь сюртук обрызгать изволил!

Ну, это с кем не бывает, – супился Путятин, – Поди, разбери, куда обед из себя выбрасывать, когда такая круговерть вокруг!

– Господа! Господа! А помните, как в порту Дервентском, по джунглям гулявши, мы заблудились, а дохтор Алиман, испугавшись, плакал и просил не бросать его на съеденье

тамошним зверям! – скороговоркой закричал со своего места наивно-простодушный Саша Домашенко, – Вот смеху-то было!

– Положим, смеху было, когда из чащоб тех нас туземец местный вывел, а до того что-то не припомню, чтобы кто-то хохотал! – вставил со своего места Иван Бутенев, серьезный и рассудительный.

Михаил Францевич Рейнеке, 1801–1859

...Гуляя вечерами по дощатым архангельским тротуарам, Нахимов с Рейнеке вспоминали Морской корпус и однокашников.

– А что Павлуша, нынче с Завалишиным? – спрашивал Нахимова Рейнеке. – А то здесь о нем разное болтают?

– Митрий нынче в крепости Петропавловской сидит за участие в обществе преступном рылеевском. Мы еще на "Крейсере" в Новоархангельске стояли, как туда пришел именной указ немедленно отправить его в Петербург. Так на попутном компанейском карбасе и уплыл. Сколько не спрашивали, за что? Так ни чего, не сказал.

– Ну, а Володьку Даля встречал ли в столице? – Виделся пару раз после возвращения с морей. Даль нынче докторством практикует, да еще говорит, что на досуге словесностью баловаться начал, поговорки да прибаутки деревенские записывает.

– Вот как жизнь нас, Павлуша, раскидывает, – вздохнул Рейнеке,

– Кому море, кому словесность, а иным и острог! Вскоре главный командир архангельского порта вице-адмирал Миницкий вызвал к себе Лазарева и командира второго достраивавшегося корабля капитана 2 ранга Иосифа Свинкина.

– Его императорское величество милостиво соизволил дать наименование вашим кораблям. – Торжественно объявил он. – Отныне корабль, где капитанствует Михаил Петрович, следует именовать "Азовом", а тот, где Иосиф Иванович "Иезекии́лем". Объявите о том командам и примите мои поздравления!

В тот день обе команды от работ были освобождены. Матросам Миницкий от порта выкатил несколько бочек вина, а офицеры обоих "новопоименованных" кораблей прочно засели в местной ресторации. До глубокой ночи оттуда доносились возбужденные голоса:

– Офицеры "Иезекии́ля" презентуют азовскому столу ящик шампанского!

– "Азовцы" отвечают собраться с "Иезекии́ля" двумя! В марте оба корабля были освещены и спущены на воду, довооружены и сделали по несколько пробных выходов в море. Пополнились и команды. Еще одна партия офицеров прибыла из Кронштадта, а матросами укомплектовались из здешнего экипажа.

Затем, когда оба командира доложили главному командиру порта о готовности к плаванию, Миницкий зачитал им приказ Моллера об образовании особого отдельного отряда кораблей, переходящих из Архангельска в Кронштадт, В отряд помимо "Азова" и "Иезекии́ля" вошел и 24-пушечный шлюп "Спокойный", доставивший прошлым летом в Архангельск артиллерийские стволы для строящихся кораблей. Начальником отряда был определен Лазарева.

Когда командиры вышли из конторы командира порта, седой Свинкин, помнивший еще далекие и славные екатерининские времена, с сожалением сказал:

– Ну, вот вы, Михаил Петрович, и обходите нас стариков! Неловко почувствовавший себя Лазарев, лишь развел руками:

– Не от меня то зависит, Иосиф Иванович, а что назначили меня, там им на паркетах виднее кого из нас куда распахивать! – Да, нет, – усмехнулся сквозь редкие усы Свинкин. – Я на вас не в обиде, а на переходе за меня не волнуйтесь – старый конь борозды не портит!

Перед выходом в море простились и Нахимов с Рейнеке. – Искренне завидую тебе, Павлуша! Большому кораблю большое плавание! – обнял друга Рейнеке. – Твое дело, Миша тоже не из последних. Я ж твердо обещаю тебе, что, обо всех событиях моей жизни и службы непременно буду тебя извещать!

5 августа 1826 года 74-пушечные корабли "Азов" и "Иезекии́ль" в сопровождении 24-пушечного шлюпа "Спокойный" вышли на бар, а затем, вступив под паруса, взяли курс на неблизкий Кронштадт.

Частые штили и тихие переменные ветра почти на две недели задержали отряд в Белом море, затем начались шторма. В целом плавание, однако, прошло без особых происшествий, если не считать, что "Иезекии́ль" потерял в шторм шлюпку и трех человек, а на "Азове" при свежем ветре переломилась грот-марса-рея.

Первые дни команды питались припасенным свежим мясом и зеленью, затем как всегда с сожалением перешли на солонину и кислую капусту. В доставке было и столь любезной матросскому сердцу сушеной трески.

Много занимались различными доделками. Соблюдая осторожность, "обкуривали" огнем трюм, выгоняя сырость еще мокрого дерева. Играли ученья парусные и артиллерийские, кладя в стволы пороху четвертую долю против ядра.

Из письма П.С. Нахимова М.Ф. Рейнеке. "...Кампания наша началась довольно неприятно; мы вытерпели на море жесткий шторм от NW, так что нижние реи были спущены... Под парусами ничего не случилось примечательного, кроме того, что мы потеряли грот-марса-рей и презабавно – в бомбрамсельный ветер, без волнения, днем; никто не знает истинной при-

чины... Выхожу я с седьмого до первого на вахту сменить Шемана, спрашиваю, что сдачи. Он говорит, что шлюп отстаёт и он, по приказанию капитана, взял, первый риф. Марса-фал был не очень туго поднят, я спрашиваю: больше ничего? В это время сломился грот-марса-рей, "а вот вам ещё сдача!" – отвечает он. Но это послужило в пользу нашей дурной команде. Ветер вдруг начал свежеть и скоро вогнал во все рифы, так что развело порядочное волнение. Однако ж мы довольно скоро исправили свое повреждение. В Шкагераке прихватил нас крепкий NW, мы зашли в Винго, и я оттуда успел съездить в Готеборг; поступил там не хуже, чем в Лондоне, то есть, – издержал много денег. Не знаю, жалеть ли об них? Мне кажется, каждый морской офицер обязан поступать таким образом. Пробывши долгое время в море в беспрестанной деятельности, можно ли, ступивши на берег, отказать себе в чем-нибудь, что доставляет удовольствие? В Копенгагене за противным ветром простояли три дня. В Кронштадт пришли 19 сентября... Вообще кампания наша кончилась очень приятно, не было никаких неудовольствий, и офицеры между собой были очень согласны. Надо послушать, любезный Миша, как все относятся об капитане, как все его любят! Право, такого капитана русский флот не имел, и ты на будущий год без всяких отговорок изволь переходить к нам в экипаж, и тогда с удовольствием моим ничто не в состоянии будет сравниться! Прощай".

Первым по прибытии "Азова" в Кронштадт побывал на нем командующий эскадрой адмирал Кроун, въедливый и дотошный старик. Корабль ему понравился, и адмирал на прощанье пожал руку Лазареву:

– "Азов" ваш отличается примерной опрятностью и обращает внимание своею чистотой. Об этом я буду докладывать начальству!

Затем после череды мелких проверок "Азову" устроили депутатский смотр – высшую и самую строгую проверку в российском флоте. На палубу линейного корабля прибыл весь цвет тогдашнего адмиралитета: вицеадмирал Пустошкин – герой Очакова и Анапы, контр-адмирал Сорокин – боевой соратник знаменитого Ушакова, прошедший с ним все черноморские и средиземноморские бои, генерал-интендант Головнин – знаменитый российский мореплаватель и прочие не менее в своем деле сведущие. Целый день продолжался вымотавший всех и проверяющих и проверяемых смотр, пока вице-адмирал Семен Пустошкин, наконец, не объявил:

– Капитан, команда, да и сам корабль хороши, а нововведения на "Азове" придуманные, отмечаю особо, и полагал бы полезным на всем флоте использовать!

И уж в довершение всего посмотреть новые пополнение своего флота приехал сам император Николай Первый. И ему "Азов" с "Иезекиилем" тоже пришелся по душе.

Лишь к ноябрю высокие начальники оставили прибывшие корабли в покое и команды смогли свободно вздохнуть. И "Азов" и "Иезекииль" бы ли определены в состав бригады 74-пушечных линейных кораблей под командой контр-адмирала Логина Гейдена. Впереди была очередная морская кампания.

В ходе нее предполагалось продемонстрировать средиземноморским державам Андреевский флаг.

– Чтобы, ежели, кто забыл, то вспомнил, а ежели кто и не забыл, то чтобы помнил и далее! – решил молодой император и велел звать к себе знаменитого кругосветчика и открывателя Антарктиды Фаддея Беллинсгаузена.

Когда капитан-командор прибыл, то ему было велено готовить к Средиземноморскому плаванию фрегаты "Константин" и "Елена". Команды же укомплектовать офицерами и матросами гвардейского экипажа.

– Пусть проветрятся, а то у них от безделья одни революции на уме! – резюмировал Николай Первый.

Но вначале на фрегаты была возложена секретная и чрезвычайно важная миссия. Они должны были доставить английским банкирам 174 пуда (почти три тонны!) русского золота. Справившись с этой задачей, фрегаты вернулись в Кронштадт. Затем фрегат "Константин"

был заменен на почти одноименный линейный корабль "Царь Константин" и отряд убыл в Средиземноморье. Плавание Беллинсгаузена ничем примечательным отмечено не было. Вдоволь поштормовав зимой в Средиземном море, суда посетили Сардинию и Тулон. Там Беллинсгаузен некоторое время ждал решения своей судьбы: ждать на месте возможного прибытия эскадры для оказания помощи грекам или следовать домой. В Петербурге мнения разделились. Адмирал Сенявин ратовал за то, чтобы суда оставить в Средиземном море, вице-адмирал Моллер за то чтобы вернуть.

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен

– Команды судов за время непрерывного пребывания в море приобретут опыт ни с чем несравнимый, изучат театр, кроме этого наличие боевого отряда в столь важном для нас месте позволит действовать более смело в вопросах политических! – говорил Сенявин.

– Покупка продовольствия и неизбежные ремонтные работы будут стоить большой валюты! – аргументировал Моллер.

– Если мы хотим иметь боеспособный флот, то на плаваниях экономить нельзя иначе это будет лишь груда дров! – возражал Сенявин.

Николай Первый внимательно выслушал обеих, сердечно поблагодарил за государственную заботу Сенявина, но принял сторону Моллера. В Тулон была отправлена бумага: идти в Кронштадт!

Сами моряки были, впрочем, этим плаванием вполне довольны.

– Хоть поразвезались немного! – говорили они промеж себя. – Не все же время в "маркизовой луже" шляться! Дай Бог, чтобы за этим плаванием и иные были!

Глава вторая Восстань, о, Греция, восстань!

В последних числах марта 1826 года император Николай Первый принимал в Зимнем дворце поздравления по случаю своего восшествия на престол от британского представителя герцога Веллингтона.

Событие это обратило на себя внимание всей Европы. Ведь на подобных встречах зачастую делаются важные политические заявления, объявляются целые поэтические программы. Что-то скажет теперь новый всероссийский самодержец? Насколько отныне будет угрожать европейскому спокойствию новое обострение русско-турецких отношений?

Наиважнейшим же в ту пору был для всех вопрос греческий, а потому европейские дворы пребывали в особом ожидании речи Николая Первого.

Вот уже несколько лет, как на Балканах шла ожесточенная борьба. Греки пытались, не считаясь с жертвами, сбросить с себя ярмо турецкого ига, воины султана карали за свободулюбие кроваво...

В Англии в ту пору царствовал король Георг Четвертый – самый мерзкий из династии Ганноверов. Ни один из королей Англии за всю ее историю не был столь непопулярен в стране. Кутежи и сожительство с сомнительными особами, тайные браки и скандальные разводы, и самое разгульное пьянство. Увы, выбирать англичанам было особенно не из кого. Два младших брата Георга были во всем под стать старшему.

Георг IV

В 1811 году после помешательства короля Георга Третьего его сын Георг был назначен регентом, а в 1820 после смерти отца взошел на престол. Современники отмечали, что королем Георг Четвертый стал уже на исходе своих физических и психических сил, имея расшатанное

пьянством здоровье и безнадежно загубленную репутацию. Первое что сделал, одевши корону, Генрих Четвертый был развод с женой. После этого в Виндзоре последовали новые пьянки и скандальные похождения. В перерывах между ними король пытался заниматься политикой.

На российскую миссию Веллингтона Георг Четвертый возлагал большие надежды:

– Начинать новую политику, едва усевшись на трон, глупо! Вначале царю Николаю следует изучить старую!

Британскому монарху вторил лорд Каннинг, расчетливый и верткий, глава внешнеполитического кабинета:

– Царю Николаю незачем раскачивать европейские весы, которые с таким трудом остановил его старший брат на Венском конгрессе!

Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург цу Бейльштейн

С мнением Лондона, относительно возможных сюрпризов из Петербурга, соглашалась и Вена в лице своего канцлера. Взвесив все "за" и "против" Миттерних объявил:

– Войны со стороны России быть не может. Ведь у Николая вот-вот начнется очередная схватка с персами за Кавказ, зачем же искать себе еще одного врага!

Турки, однако, были настроены не столь благодушно. И министр двора Саид-эфенди твердил султану Махмуду неустанно:

– Новый русский царь всю свою жизнь был солдатом. Теперь, сев на трон, он захочет стать и героем. Война неизбежна и эта война будет с нами!

* * *

Император Николай встречал победителя Наполеона при Ватерлоо радушно. После обмена приветствиями и общих разговоров Веллингтон повернул беседу в нужное ему русло.

– Я сочувствую вам, ваше величество, что свое правление вы начали с усмирения гвардейского мятежа, – начал он издали, – Думается, сейчас самое главное для вас – установление порядка по всей империи!

– Порядок и законность – есть цель каждого монарха! – кивнул Николай, пока еще не понимая, куда клонит его гость.

– О, за Россию с таким государем как вы можно быть спокойным, – продолжал между тем, доверительно улыбаясь, Веллингтон, – Мое же правительство сейчас более всего волнуют распри турок с греками. Не кажется ли вам, что в данной ситуации уместно было бы поручить разрешение этого щекотливого дела британским политикам?

Николай Первый сразу помрачнел. Предложение герцога было ударом по его самолюбию. Конечно, он еще новичок на троне, но кто дал право тому заносчивому британцу столь беспардонно отстранять его от европейских дел, где Россия традиционно играла роль ведущую!

Герцог Веллингтон

– Я твердо решил вернуться к политике моей бабки Екатерины, – обратился император к Веллингтону ледяным голосом. – А она, как известно, мечтала с мечом в руках завоевать Константинополь! Я никогда не оставлю в беде наших единоверцев-греков и заставлю султана уважать как себя, так и подписанные моей державой договоры! Мой брат завещал мне крайне важные дела и самое важное из них – восточное. А потому я непременно должен положить конец этому делу!

– Но ведь турки не отказываются признавать подписанные между вами трактаты? – возразил, было, "железный герцог".

– Но они их и не выполняют! – резонно заметил Николай. – Могу вам сказать откровенно, что если дело дойдет до чести моей короны, то не я сделаю первый шаг к отступлению!

Посланник британского короля подавленно молчал, а император все продолжал добивать его своими откровениями:

– Турция, как неизлечимо больной человек и меня, поэтому, интересует сейчас не день его кончины, а то, как поступить с его наследством! Веллингтон в замешательстве лишь развел руками:

– Ваше величество, вопрос о наследстве решался бы легко, будь в Турции два Константинополя: один – вам, другой – нам! К сожалению, Константинополь один. Что же касается Высокой Порты, то не забывайте, что она "умирает" уже несколько веков и до сих пор жива!

– Тогда ее следует побыстрее добить, дав свободу угнетенным христианам! – встал с кресла Николай, давая тем самым понять, что аудиенция окончена. Было совершенно очевидно, что британская миссия в Петербурге терпит полный крах. Веллингтону было предложено подписать Петербургский протокол о примирении греков и турок, суть которого заключалась в признании Греции автономным государством, но с уплатой ежегодной дани султану. Веллингтон запросил время посоветоваться с Лондоном. Николай, понимая, что англичанам деваться некуда, не торопил:

– Дело важное советуйтесь!

Как показало время, в этой партии император Николай переиграл герцога Веллингтона. Россия все больше и больше втягивала Англию в решение греческого вопроса, от которого последняя открепивалась, как только могла.

Следом за англичанами отправились "прощупать" Николая в балканском вопросе и австрийцы. Российский император, однако, ответил на все попытки эрцгерцога Фердинанда Эсте, коснуться этой темы, молчанием. Австрийцы тоже ушли ни с чем.

Говорят, английский король Георг Четвертый, получив письмо Веллингтона, воскликнул в сердцах:

– Русский царь задирист и упрям, хлопот с ним все будет много! Пусть Каннинг взвесит все "за и "против" предлагаемого протокола. Сейчас нам главное выждать время!

Австрийский канцлер Миттерних, узнав о ходе переговоров в Петербурге, был огорчен не менее короля английского:

– Русский император не может навести порядок среди собственных офицеров, а уже тщится решать судьбы Европы! Какая глупость и какое тщеславие! Он даже не понимает, что балканский вопрос будет решаться не в Петербурге или Лондоне, а в Вене!

Послу России в Вене графу Дмитрию Татищеву он кричал, брызгая слюной:

– Священный континентальный союз, на котором покоилась тишина, и благоденствие Европы, отныне перестал существовать! И все это по вине Петербурга!

Понять неистовство Миттерниха было можно. В активизации русской внешней политики австрийский канцлер зорко усмотрел смертельную опасность для Австрийской империи.

Балканский клубок наматывал на себя одну интригу за другой. Политический барометр указывал приближение бури.

* * *

Вот уже пять лет в ущельях Пелопоннеса и Аттики гремели выстрелы, потоками лилась невинная кровь. Еще весной 1821 года, когда по всей Греции зацвели оливковые сады, земля древней Эллады поднялась против турок. Отчаянно сражались греки с турками и на море. Флотилия отчаянных корсаров с островов Идра, Специя и Псара под началом Якова Томбазиса и Андрея Миаулиса дерзко подстерегла десантную флотилию Халил-бея, доставлявший янычар в Грецию. Несмотря на малые силы и противный ветер, греки отважно вступили в бой, атаковали и наголову разгромили турок. Остатки неприятельского флота бежали, но видимо, бог в тот день был все же на стороне греков, и остатки флота поглотил внезапно налетевший шторм. Лишь несколько избитых судов добрались тогда до спасительной Александрии. А вскоре новая удача: дерзкой атакой брандера был взорван двухпалубный турецкий фрегат, опрометчиво зашедший в Патрасский залив пополнить запасы воды. Это был уже вызов. В ответ в Константинополе и других городах Турции начались погромы христиан. Греков, армян и славян вырезали тысячами. С особой жестокостью убивали православных священников. В Константинополе озверевшей толпой был растерзан Вселенский патриарх. Его обезглавленное тело, спустя несколько дней, обнаружили в море греческие рыбаки и отвезли в Одессу, где мученик за веру и был похоронен при огромном стечении народа.

Чтобы задушить восстание, султан бросил к побережью Греции свой линейный флот. Битва за Эгейское море только начиналась.

К концу первого года борьбы отважные инсургенты освободили от захватчиков почти всю страну. Впервые за много веков греки стали хозяевами своей земли.

В январе следующего 1822 года национальное собрание официально провозгласило независимость страны и приняло конституцию.

В Константинополе, однако, мирится с потерей столь обширного и богатого пашалыка не желали. Но собственный сил для подавление столь обширного мятежа султан Махмуд Второй тоже не имел. Янычары, бывшие на протяжении столетий надеждой и опорой Османов, ныне воевать не желали. Большинство из них давно обзавелись всевозможными лавками, удачно торговали и богатели, а потому умирать за величие Порты им никакого резона не было. Зачем утруждать себя ненужными опасностями, когда можно ограбить собственных единоверцев, отбирая все, что приглянулось. Они бесчинствовали на базарах и улицах, горланили, требуя от султана своей любимой бараньей похлебки.

Султан Махмуд II

– Эти ненасытные еничери ныне больше страшны для меня, чем для врагов Блистательной Порты! – говорил Махмуд в узком кругу преданных вельмож, и в словах его была горькая правда.

Махмуд еще слишком хорошо помнил, как разъяренные янычары в один день сбросили с трона его дядю султана Селима. Тоже самое они могли в любой момент сделать и с ним самим

– Положение мое хуже самого ужасного! – печалился султан Махмуд. – У меня нет войска, чтобы удержать в повиновении восставшие пашалыки! У моих ног вся вселенная, но я бессильный заложник в руках обстоятельств!

И тогда Махмуд обратился за помощью к своему могущественному вассалу – египетскому паше Мухаммеду-Али, властителю умному и беспощадному. В награду за покорение Греции обещаны были ему Сирия и Крит. Мухаммед уже давно (и это не было ни для кого секретом) мечтал отложиться от Высокой Порты и стать египетским падишахом. Унижаясь перед своим несильным вассалом, Махмуд понимал, что отныне тот будет говорить с ним уже на равных. Это таило неисчислимые беды в будущем. Но иного выхода у султана все равно не было...

Тем временем по всему Эгейскому морю гремели бои. Возглавивший объединенный корсарский флот Андрей Миаулис¹ разбил эскадру капудан-пашы Хозрева на рейде острова Псара, прогнал турок от острова Самос и пожег египетские суда у Самоса и Кандии.

Султан был разъярен. Он сослал в ссылку неудачника Хозрева и призвал к себе более удачливого тунисского разбойника Кары-Али.

– Жалую тебя капудан-пашой, шубой и гаремом! – объявил султан. – Но наведи порядок в Эгейских водах!

– Я исполню твое повеление, о, великий из великих! – обещал новый капудан-паша. – Клянусь тебе, сосредоточие силы и мудрости, что я вычищу море или погибну за твою славу!

Самосское сражение 5 (17) августа 1824 года.

¹ Миаулис Андрей Вокос (1772–1835 гг.) с детских лет плавал простым матросом на торговых судах, быстро разбогател. С началом восстания вооружил на острове Идра собственное судно и воевал в составе идриотской флотилии наварха Томбазиса. Позднее сам возглавил эту флотилию. Одержал ряд побед над турками. После установления греческой независимости, командовал эскадрой регулярного флота. Активно участвовал на стороне оппозиции в гражданской войне. Впоследствии был прощен и руководил восстановлением греческих ВМС.

– Я верю, что ты сдержишь свое слово! – кивнул султан белоснежным тюрбаном. – Ступай и да пребудет с тобой милость Аллаха!

В наверхье султанского тюрбана хищно сверкнул огромный солитер.

– Пленных не брать, резать головы всем! – велел Кары-Али своим капитанам, посылая их на поиски корсаров.

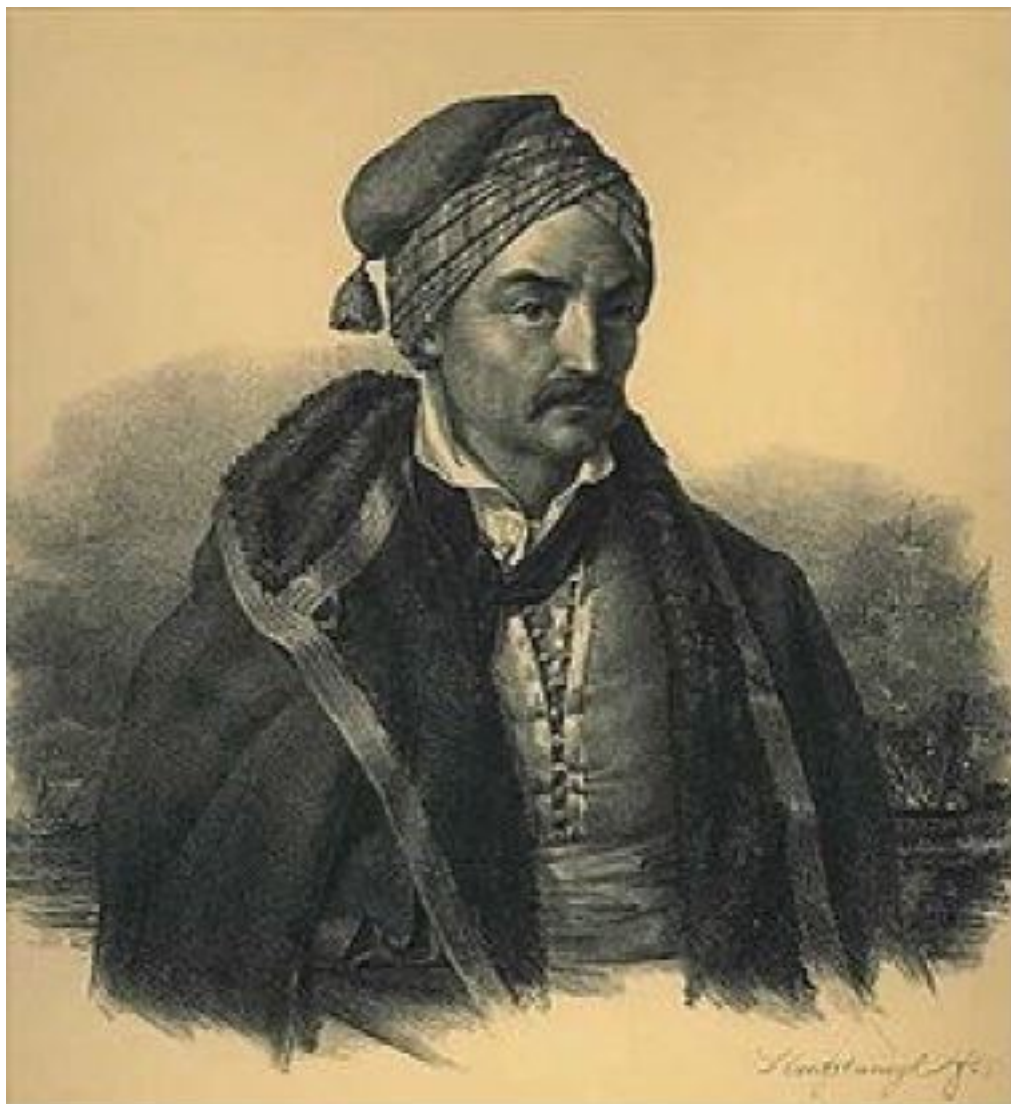
Но последние были неуловимы. При этом корсары не столько скрывались от турецкого линейного флота, сколько нападали на него!

Бессмертный подвиг совершил уроженец острова Псары Константин Канарис². Храбрец темной ночью подкрался на брандере к стоящему на якоре в Хиосском проливе 84-пушечному флагману капудан-паши и подпалил его. Турки пытались потушить свой линкор, да куда там! От взрыва корабль взлетел на воздух, а вместе с ним и более двух тысяч турок, включая самого Кары-Али. Данное султану слово капудан-паша сдержал...

Уничтожение Канарисом турецкого флагмана

² Канарис Константин (1792–1877 гг.) – национальный герой Греции. Уроженец острова Псары. Участник и победитель ряда морских сражений. После провозглашения независимости Греции являлся министром морского флота в 1843 – 1844 гг. и 1854 г., глава правительства в 1864 – 1865 гг. и 1877 г.

Константин Канарис

На сухопуте дела, однако, складывались совсем иначе. Жарким летом 1824 года египетские дивизии старшего сына Мухаммеда Ибрагима сошли с кораблей на греческую землю. Первым пал порт и крепость Наварино, ставший отныне опорной базой египетской армии.

Миаулис с Канарисом сожгли у Модона брандерами два десятка египетских транспортов, но удержать Наварин так и не смогли и вынуждены были отойти к Патрасскому заливу, где, и вели тяжелые морские бои.

Осада Наварино (1825)

А двадцатитысячная египетская армия уже готовилась к карательному маршу по греческой земле. Арабам было объявлено: "Все что возьмете – все ваше!" – Тогда мы возьмем все! – ответили те.

При этом все бумаги "египтяне" писали только на французском. Полки и дивизии каирского правителя вели ветераны Ваграма и Аустерлица. Уставшие от долгого безделья и безденежья, они предложившие себя каирскому паше в качестве инструкторов. Все пушки и артиллерийские парки тоже были из арсеналов Тулона.

Разрозненным отрядам повстанцев устоять против такой мощи было невозможно. Терпя одно поражение за другим, они откатывались все дальше и дальше вглубь страны. Следом за ними по пятам шла мамелюкская конница неутомимая и беспощадная.

Очевидец так описывает, увиденное им в ту пору: "Ибрагим-паша... прошел по Морее, предав ее огню, проливая потоки крови. Он жег и разрушал города и села. Вырезал обитателей, превращал женщин и детей в рабов..."

Пытаясь найти заступничество у англичан, греки отправили в Лондон своих посланцев. Принимал их в своей резиденции лорд Каннинг – глава иностранного ведомства. Когда-то лорд баловался стихами и любил при случае обратиться к образам героев древней Эллады.

Осада Триполицы

Теперь же выслушав послов Луриотиса и Орландоса, Каннинг лишь заметил им желчно:
– Ссориться из-за вас с Константинополем я не буду!
– Но что же нам тогда делать? – был к нему вопрос отчаяния.
– Кайтесь перед султаном! – отвечал им любитель героических од.
– Мы лучше умрем, но на колени не встанем! – заявили просители, уходя. Миссия в Лондон завершилась ничем. А положение греков меж тем ухудшалось с каждым днем. Из своей государственной казны они уже выгребли последние крохи – шестьдесят пиастров. На

них купили несколько мешков пороха, а саму казну прикрыли за ненадобностью. Турки продолжали наступать всюду. Город за городом, область за областью предавали они огню, загоня инсургентов все дальше в горы. Положение усугублялось враждой землевладельческого и судовладельческого кланов, соперничеством "полевых капитанов" и разворовыванием средств. Вскоре пал один из главных оплотов инсургентов – остров Псара, затем крепости Триполица и Каламата.

В апреле 1826 года после одиннадцатимесячной героической защиты пала крепость Миссолунги. Население ее вырезали полностью... Совсем недавно стало известно, что среди героических защитников Миссолунги были и русские добровольцы. Все они пали в той неравной борьбе. Увы, но мы почти ничего не знаем о них. Дошли только их имена Иван, Василий и еще один Иван. Кто они были, эти безвестные борцы за освобождение братской Греции? Этого мы, наверное, уже никогда не узнаем. Да и так ли это уже важно сейчас? Важнее иное, русский народ был рядом со своими греческими братьями в этой очистительной битве. Миссолунги пали, но величие их подвига осознала вся Греция, и пламя народной войны вспыхнуло еще ярче. Усилили натиск и египетские каратели. Вскоре ими были взяты и Афины. Горстка повстанцев укрылась на вершине Акрополя и отбивалась там почти год!

Ибрагим-паша

Вернувшись после покорения Афин в Морею, Ибрагим-паша утвердился на полуострове, заняв все города и селенья. К концу 1826 года греки продолжали сопротивление только в нескольких горных районах на юге и востоке Мореи, где держались остатки регулярной грече-

ской армии, да на островах Киклад. В горах было много мелких отрядов повстанцев-клефтов. Вождь клефтов суровый и длинноусый Федор Колокотрони в красной скуфейке набекрень, ободрял воинов:

– Мы еще возвратим дни былых побед, и наши длинные ружья будут, как и прежде, греметь в ущельях Пелопонесса!

Повстанцы-клефты сражались отчаянно, но они были бессильны против огромной вымученной армии Ибрагим-паши. Греческое правительство перебралось на маленький остров Эгина, а самые непримиримые укрепились на острове Гидре, куда египтяне даже и не помышляли сунуться.

Именно тогда греческий народ обратился свои мольбы к великой и единой России. Но официальный Петербург оказался глух к этим мольбам. Император Александр Первый, создав своими руками Священный союз монархов, никак не мог поддержать свергших "законную" власть султана. Петербург объявил дружественный нейтралитет... Остальные столицы не удостоили Грецию и этим.

Дальше, однако, произошло то, о чем никто не мог даже предположить! Пусть зверства пресытившихся от крови карателей оставляли равнодушными монархов и министров, но они не оставили равнодушными людей честных! Движение в пользу Греции, получившее название филэлинского, было стихийным и всеобщим. Повсюду собирались деньги в пользу повстанцев, закупалось оружие, отправлялись добровольцы.

В Париже местный прогреческий комитет для удобства сбора средств поделил город на участки, а дамы высшего света обходили дома, собирая ценности и деньги. В палате депутатов кипели настоящие страсти. Там яростный Бенжамен Констан требовал смертной казни соотечественникам, служившим под знаменами Ибрагима. Констан горячо поддержали Шатобриан, Ларошфуко и Лафайет.

Среди германских государств первенствовала в греческих симпатиях Бавария. Баварский король Людовик Первый во всеуслышание объявил, что он сам является первым филэллином своей страны. Прижимистые немцы на этот раз гульденами не скупались.

Людвиг I Баварский

– Кто бы мог подумать, что в баварском короле столько благородства! – восхищалась Людовиком европейская общественность. – Какое бескорыстие! Какое величие души!

Сам Людовик Первый, тем временем, таскал за уши младшего сына Оттона:

– Ты сегодня опять не учил греческую грамматику! За это останешься без сладкого, и завтра будешь заниматься вдвое больше!

– Но почему, мой фаттер! – плакал тот, горящие уши от отцовской длани прикрывая. – Неужели для того, чтобы править добрыми баварцами мне не хватит немецкой грамматики?

– Ты должен быть готов к большому повороту в судьбе! – поучал его мудрый папа Людовик. – Не сегодня-завтра греки станут свободными и тогда им, конечно же, понадобится король, а где им его взять? Тогда-то вспомнят и о нас, ведь мы первейшие филэллы в Европе! А потому ты должен быть готовым, чтобы встать Оттоном Первым Греческим!

– О, я буду строгим королем, мой фаттер, и наведу у этих греков настоящий немецкий порядок! – закивал молодой Оттон, отправляясь учить несносную кириллицу.

Пройдут годы, и хитрый Людовик Баварский претворит в жизнь сокровенную мечту, навязав грекам своего отпрыска. Но пока до этого еще далеко...

В моду тем временем возвращались греческие мотивы, как в дамском платье, так и в искусстве.

Отто, первый король Греции

Модницы разом облачились в свободные "хитоны", в театрах на "ура" шли пьесы о древних героях, а с живописуемых картин смотрели на ценителей широкогрудые Гераклы и изящные Афродиты. Великий Шатобриан посвящал грекам свои книги. В салонах опять зазвучал всеми забытый Гомер. Все желали Греции добра, и все искренне верили в чудо, в ее освобождение. Но от пожеланий и слов до конкретных дел путь бывает порой весьма неблизок.

... Еще весной в пропахшем треской и пивом лондонской трактире "Корона и якорь" образовался британский греческий комитет. В него вошли лучшие и честнейшие.

– Мы всегда будем восхищаться величием нации, пробудившейся к свету! – провозгласил глава собрания герцог Глостер.

– Много сочувствия, но мало результатов! – мрачно констатировал Дэвид Рикардо.

Присутствовавший поэт Байрон молчал, сосредоточенно щелкая курками только что купленных пистолетов.

Из воспоминаний знакомой поэта Маргерит Блессингтон: «Байрон уверен – из Греции ему не вернуться. Ему много раз снилось, как там подстерегает его смерть, и предчувствие, что так и произойдет, не покидает его.

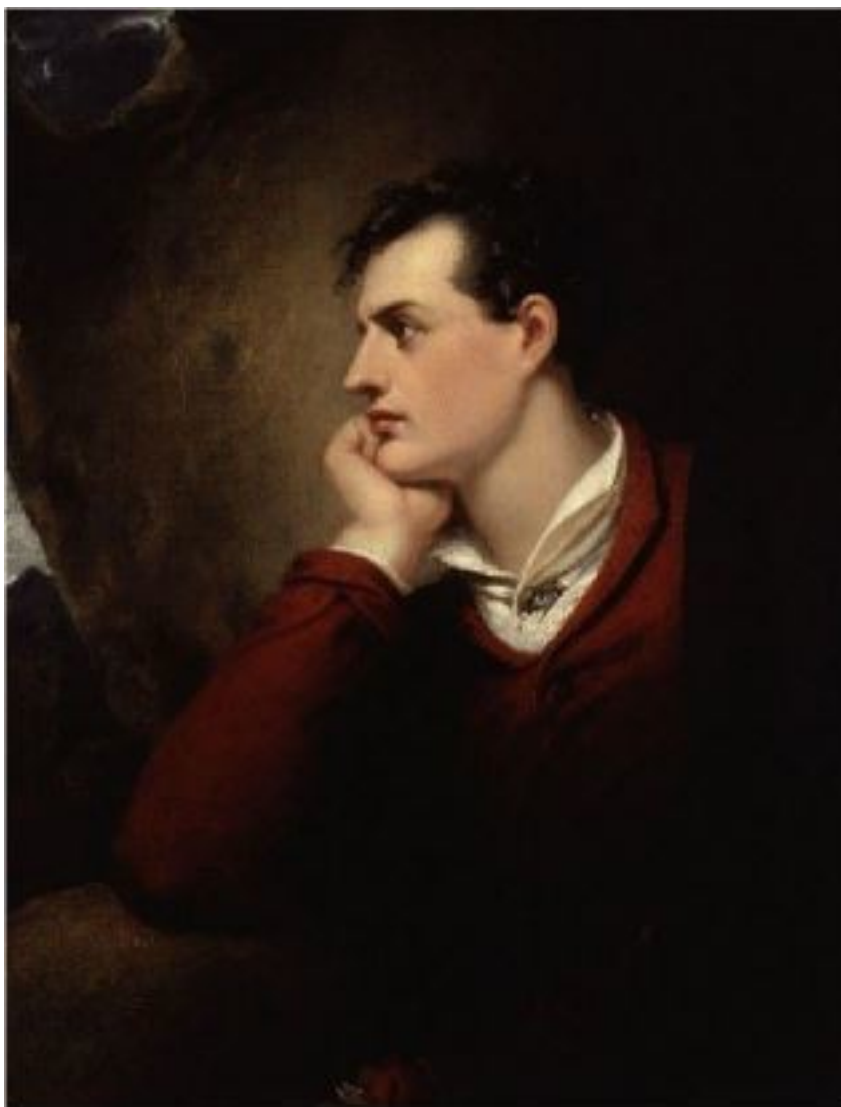
– Зачем же вы едете? – спросила я.

– Как раз затем, чтобы отдаться велениям неотвратимой судьбы и обрести вечный покой в земле, священной для меня по юношеским воспоминаниям, и тем мечтам о счастье, которые не сбылись. Пусть так! Простая могила в Греции, простой надгробный камень мне желанней, чем мраморная плита в Вестминстерском аббатстве; честь, которой мне, вероятно, не отказали бы, случись мне окончить свои дни в Англии. Мои соотечественники – о, эти благородные души! – сделали все, чтобы воспрепятствовать мне жить в стране отцов, однако они не стали возражать против того, чтобы мой прах покоился там, где лежат останки наших поэтов».

Через несколько месяцев он встретит смерть среди отважных защитников Миссолунги...

Иногда в Лондоне раздавались голоса в защиту Греции и с трибун высоких. Глава палаты общин Хатчинсон не раз заявлял во всеуслышание:

– Правительство делает все возможное для истребления несчастных греков. Такое поведение вызывает презрение у живущих ныне и будет проклято потомками!

Байрон на картине Ричарда Весталла (1813)

Но аплодировали храброму Хотчинсону в общем-то жидко. Возмутителю спокойствия на британском Олимпе апеллировал лорд Каннинг.

– Я не желаю обращать внимания на эти сопли! – ухмыляясь, заявлял он. – В политике существует только выгода, а остальное лишь демагогия для простаков!

Официальный Лондон отрешивался от греков до тех пор, пока там не прознали, что взоры инсургентов обратились к России. Теперь в Уайт-холле заволновались не на шутку.

– Пока мы взвешиваем все "за" и "против", русские уже готовятся к новому броску на юг. Их флот готовится войти в Средиземное море, а казаки клялись доскакать до Ганга!

Образ бородатых казаков во все времена внушал ужас британскому обывателю. Русский фактор неумолимо вторгался в греческую проблему и чем дальше, тем больше... В те дни всеобщего британского смятения австрийский посланник Эстерхази шифрованно депешировал в Вену: "Публика здесь... не желает, чтобы свобода Греции была достигнута за счет русского преобладания на Средиземном море".

Джордж Каннинг подумал и объявил о признании греков воюющей стороной.

– Почему вы идете на уступки? – накинулись на него тори.

– Никаких уступок джентльмены! – заверил их министр иностранных дел. – Этой ничего не значащей бумагой мы оставляем за собой место покровителя Греции, которое нам пригодится при любом дальнейшем раскладе сил,

кроме этого действия греческих корсаров стали наносить вред нашей торговле. Отныне они не только не будут грабить наши суда, а наоборот, станут их защищать! В остальном же наша политика по Греции останется пока прежней!

– А наш Джордж вовсе не глуп! – обменивались представители тори, покидая министра. – И оппозиции кусок сунул и нас не огорчил!

Джордж Каннинг

Ну, а что же Россия неофициальная, как она отнеслась к боли и трагедии братского народа? Наверное, нигде к страданиям греков не отнеслись так понимающе, как у нас. Да и как могло быть иначе! Ведь исстари Россию с Грецией связывала не симпатия, а любовь, не интриги, а взаимопомощь. И азбука была у нас одна – кириллица, и вера единая – греческая православная! Издавна, спасаясь от преследования, бежали на Русь к единоверцам греки, и каждому находилась там кров и стол. Не раз приходил к греческим берегам и российский флот, чтобы огнем своих пушек, облегчить жизнь единоверцам. Такое не забывается!

Помимо всего прочего Грецию с Россией связывали и самые тесные торговые узы. Закрытие с началом восстания турками проливов для русских и греческих судов сразу же сказало на экономике южных губерний. Некуда стало вывозить хлеб, шерсть и кожи. Это вызвало ропот, одних и открытое возмущение других:

– Виданное ли дело притеснительства от басурманов терпеть неслыханные! Не это ли есть позор флагу и чести российской! Неужто перевелись у нас Суворовы и Кутузовы, чтобы навести должный порядок в Царьграде!

Современники тех дней пишут, что в кабаках, в ту пору зашедших греков, запаивали в усмерть, денег притом не требуя.

– Пейте, сердешные! – слезились кабатчики, щеку ладонью подпирая. – И так сколько вы от поганцев басурманских понатерпелися!

Прогречески была настроена не только вся православная церковь, но и весь российский генералитет. Все чаще и чаще теперь раскатывались в тиши штабных кабинетов балканские карты.

– Здесь обычным войскам делать нечего! – делились мнением меж собой генералы да полковники. – Нужны полки горные, наподобие кавказских!

– Как же идти-то в эту Грецию? – вопрошали те, что был поосторожней.

– Походом через княжества дунайские или десантом флотским через проливы черноморские напролом! – отвечали те, кто был решительнее.

Командующим освободительной армией видели одного человека – героя двенадцатого года знаменитого Ермолова. Будущий декабрист Кондратий Рылеев писал о нем:

*Наперсник Марса и Паллады,
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! Поспеши спасти сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!*

В те дни и великий Пушкин, мечтая умереть за свободу Греции, писал строки, не менее вдохновенные:

*Встань, о, Греция, встань!
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань Олимп
И Пинд, и Фермопилы...*

* * *

Заявление императора Николая Первого о скором его вмешательстве в балканские дела вызвало незамедлительную реакцию по всей Европе и особенно на британских островах. Там взволновались не на шутку! Ведь Россия в лице своего императора уведомила всех о новом самостоятельном политическом курсе, и трудно теперь было точно сказать, куда повернет ее "политический корабль".

В Лондоне совещались лихорадочно, надо было что-то срочно предпринимать, но что конкретно не знал никто.

Первым изложил свой подход к "русской проблеме в балканских делах" министр иностранных дел граф Гровенор:

– Россия настроена решительно и будет добиваться независимости Греции. Оставшись в стороне, мы сами отдаем Петербургу судьбы всего Средиземноморья!

Министра поддержали лорды Эрскин (из вигов) и Абердин (из тори):

– Если поторопимся, то еще успеем выхватить Грецию из русских зубов!

– Что же делать? – вопрошали члены палаты лордов в тягостных раздумьях.

– Выход один! – объявил им, вошедший на трибуну, лорд Каннинг. – Надо подать России руку и быть рядом с ней в греческих делах. Конечно, это смена политики, но это сегодня единственно реальная политика!

Единодушие британских политиков было полным. Единственно, что немного смущало, так это давняя любовь к своему турецкому "другу". Ведь Стамбул издавна был не только бездонным рынком британских товаров, но и верным стражем черноморских проливов и все же выбор был сделан!

4 апреля 1826 года российский канцлер Карл Нессельроде подписал в Петербурге с герцогом Веллингтоном тайную декларацию по греческим делам. В ней обе стороны заявляли, что позволяют друг другу вмешиваться в балканские дела и готовы предостеречь султана от дальнейшего пролития крови. В конце декларации граф с герцогом оставили свободное место на тот случай, если Франция решит примкнуть к союзу "двух", то ее пожелания тоже будут внесены в протокол.

Подмахнув пером бумагу и скрепив ее королевской печатью, Веллингтон, повздыхав, внезапно заявил:

– Я надеюсь, граф, что ни о каком военном вмешательстве здесь вопрос не стоит, только чистая дипломатия!

Карл Нессельроде

Нессельроде согласно закивал:

– Разумеется, но дипломатия во имя пресечения кровопролития!

Когда же довольный собой герцог, обменивался с канцлером прощальным рукопожатием, Нессельроде угостил его заранее подготовленным монологом:

– Мы будем неукоснительно следовать подписанным протоколам лишь касаясь Греции. Что же до наших личных претензий к Турции, то здесь Россия будет поступать независимо от британской позиции!

Почти одновременно российское правительство потребовало от Стамбула обсуждения спорных вопросов, прежде всего, относительно возобновления русского торгового судоходства в проливах фактически прерванного с началом восстания.

Столицу Российской империи "железный герцог" покидал в настроении самом сумрачном...

– Веллингтон потерпел свое Ватерлоо! – говорили в те дни остряки и были недалеки от истины.

Россия круто меняла свой внешний политический курс. И этот новый курс был направлен на освобождении Греции.

* * *

Весна 1826 года пришла в столицу Высокой Порты рано. Уже давно отцвел душистый миндаль, а воды Босфора были на редкость теплы и спокойны. Над крышами домов кружили стремительные ласточки, а на базарах было не протолкнуться от снующего туда-сюда люда.

За крепкими запорами «Порога Счастья» (именно так возвышенно именовался дворец султана) вот уже несколько дней Махмуд Второй совещался с ближайшими вельможами.

– Положение дел в Греции, положение в Европе и рост могущества Мухаммеда-Али египетского заставляют нас думать об усилении военной мощи! – говорил Махмуд. – нервно перебирая сапфировые четки. – Нам нужно сильное войско, организованное по образцу франков! Иного пути просто нет! Только так мы сможем вернуть утраченное могущество! Забранные от сохи крестьяне не могут на равных драться с опытными солдатами гяуров! Они могут лишь храбро умирать, но, увы, не побеждать! Мысль о создании регулярной армии европейского типа не первому пришла в голову султану Махмуду. Об этом в свое время мечтал еще его дядя султан Селим Третий, начавший создавать войско нового вида «низам-джедид». Но тогда с султаном быстро расправились взбунтовавшие янычары, усмотревшие в новых преобразованиях опасность для своих вековых привилегий. Поводом к янычарскому мятежу стал страшный голод, вызванный блокадой Константинополя эскадрой вице-адмирала Сенявина в 1807 году.

– Но еничери! Что скажут еничери?! – был невольный вскрик вельмож. – Ведь они снова взбунтуются и посадят на престол того, кого захотят!

– Я не намерен, как баран, ждать пока меня поведут на заклание! – передернул плечами Махмуд. – Мы их перебьем до того, как они поднимутся на нас!

– Но хватит ли у нас сил? – заволновался владыка Адрианополя Эссет-Мегмет-паша.

– Хватит! – качнул белоснежным тюрбаном Махмуд. – Я уже все продумал! Настало время покончить с проклятыми еничери раз и навсегда!

14 июня 1826 года янычарский ага-паша Гуссейн объявил своим подопечным, что скоро в столицу приедут египетские советники и станут учить янычар маршировать на пример гяуров.

– Не бывать тому! – зароптали собравшиеся на площади янычары. – Мы еничери, а не какие-то там презренные франки!

– В таком случае султан лишает вас баранины и оставляет лишь похлебку!

– Нам пустую похлебку! – загалдели янычары. – Султан хочет лишить нас древней привилегии, дарованной еще Сулейманом Великим! Гордыня помutilа разум падишаха! Пришло время выносить на площадь котлы! Вынос котлов – дело не шуточное! Вынос котлов – это начало мятежа! Узнав о намерении янычар, Махмуд послал крикунов, которые принялись кричать на площадях о милостях султана, если янычары разойдутся. Крикунов прогнали с позором. И началось! Толпы разъяренный янычар бросились к казармам выносить котлы, в которых они варили баранину. Одновременно началось избиение всех, кто попадался на пути, потом начался грабеж домов, Кто пытался оказать сопротивление, тут же рубили ятаганами! Люди разбегались в ужасе:

– Еничери несут свои котлы! О горе нам несчастным! Спасайтесь, кто может! И вот огромные медные котлы вынесены на площадь Эйтмандана и перевернуты кверху дном у каменных ворот с вывеской «Здесь султан кормит своих янычар». Полуголые и потные котловары-яшчи тут же начали лупить в звонкие днища деревянными колотушками. Тут же, невесть откуда, появились дервиши-бекташи, и сразу же начали свой страшный танец. Орден бекташей издавна покровительствовал свирепым янычарам. Впадая в экстаз, «пляшущие дервиши» вертелись волчками все быстрее и быстрее, истошно выкрикивая воинственные сурны. Затем, все еще продолжая крутиться, бекташи начали рвать халаты и разбрасывать вокруг себя лоскутья. Янычары с благоговением хватали их и повязывали себе на голову. Теперь им был не страшен даже сам султан, ибо дервиши освятили их бунт!

Из записок французского посла: «Янычары срывали с себя мундиры и топтали их своими ногами, остальная же часть их одежд была уже изодрана в клочья, чтобы все видели их ярость. Разрушив дворец Порты, они разграбили его, расхитив все, что имело хоть малую цену, янычары истребили даже архивы, в которых искали уставы новых порядков...»

А мятеж все разрастался. По призыву бекташей к янычарам примкнули носильщики тяжестей – здоровенные мужланы, убивающие ударом кулака быка. За носильщиками прибежали пожарные. Эти начали с того, что подпалили несколько кварталов и принялись таскать себе из пожара все ценное. Беспорядки охватили теперь уже всю столицу.

Султан Махмуд немедленно покинул «Порог Счастья» и укрылся в мечети султана Ахмета. Разъяренных янычар мечеть бы тоже не остановила, но она позволяла выиграть некоторое время. А время в данной ситуации определяло все. С султаном были великий визир, главный духовник – шейх-уль-ислам, начальник артиллерии – топчу-баши Карижегем-Ибрагим и насмерть перепуганный янычарский ага-паша Гуссейн. В качестве охраны египетские офицеры, которым султан сейчас доверял куда больше, чем своим.

– Настал решающий час, от которого зависит уже не моя жизнь и даже не судьба династии, но судьба всей Блистательной Порты! – вздохнул Махмуд, выслушав очередного лазутчика о творимых янычарами безобразиях. – Выносите на улицу Санджак-шериф!

– Только не это! Помилосердствуй, о, великий падишах! – закричал, заламывая руки шейх-уль-ислам и пал ниц перед султаном.

Махмуд, не глядя, перешагнул через него:

– Седлайте моего скакуна, я выеду на улицы вместе с Санджак-шерифом!

Вынос Санджака-шерифа был событием из ряда вон выходящим. Предание гласило, что священное зеленое знамя ислама, сшито из халата самого пророка Мухаммеда. Последний раз Санджак-шериф выносили на улицу два поколения назад. По древнему закону каждый мусульманин должен беспрекословно повиноваться повелениям, сказанным под Санджак- шерифом. И вот теперь султан Махмуд решил снова явить его правоверным.

Расчет Махмуда был верен. За долгие века обыватели натерпелись от янычар столько, что ненавидели их, как только может ненавидеть человек своего самого лютого врага. Ныне Махмуд спровоцировал янычар на новый мятеж, от которого опять пострадал простой люд.

Теперь, вынося из хранилища Санджак-шериф, султан мог призвать народ к полному истреблению ненавистных янычар.

Священное знамя, при чтении Алкорана, торжественно внесли в мечеть султана Ахмета. Толпы людей сбежались, чтобы коснуться складок халата самого пророка. Тысячи верующих в исступлении ползли на коленях к священному стягу. А с кафедры сам султан во весь голос проклинал проклятых отступников янычар и призывал расправиться с ними, не зная пощады.

– Убивайте еничери, иначе они убьют вас! – срывая голоса, кричали снующие в толпе крикуны.

Первыми откликнулись на этот призыв матросы капудан-паши, отчаянные голово-резы-галионджи. У этих с янычарами имелись свои старые счеты. Прибежали садовники-бостанжи, которых в цветущем Константинополе было видимо-невидимо. Топчу-баши Каражегем-Ибрагим призвал своих пушкарей, а те прикатали пушки.

– Заряжайте картечью! И торопитесь! Слышите, еничери уже идут сюда! – волновался султан.

Вдалеке слышался звон литавр и бой барабанов. То еничери шли свергать старого султана, чтобы посадить нового, того, кто бы соблюдал их старые обычаи и кормил жирной бараниной.

– Картечи нет и ядер тоже! – вздохнул топчу-баши. – Все давно разворовано!

– Что же делать? – в ужасе натянул поводья скакуну Махмуд Второй. – Они порвут нас на куски!

– Мы зарядим пушки ржавыми гвоздями! – ответил сообразительный начальник артиллерии. – И еничери проклянут день, когда родились на этот свет!

Подтащив пушки к площади Эйтмандана, топчу-баши самолично подпалил их фитили. Залп отдался громким эхом от стен близстоящих домов. На площади поднялся истошный вой. Это значило, что ни один гвоздь не пропал даром. Янычары кинулись, было, бежать, но пушечные залпы настигали их, и спасения не было никому. Эйтмандан был завален трупами.

– Теперь надо вырезать всех, кто успел разбежаться! – велел султан.

И началось! От тихих Сладких Вод до шумной Галаты спасения не было никому. Янычар убивали тысячами. Вместе с ними лишали жизни пожарных и носильщиков тяжестей, пинками разгоняли пляшущих дервишей-бекташей. Улицы Константинополя были залиты кровью, и бродячие псы отъедались свежей человечиной. Янычар убивали везде: в домах и на улицах, в банях и даже в мечетях. Они пытались спрятаться в подвалах, в огородах и в колодцах. Но их отыскивали, а, отыскав, убивали на месте. Заодно с янычарами вырезали их жен и детей.

– Выкорчем проклятое семя с корнем! – кричали городские мясники, ловко орудуя своими страшными ножами.

Из воспоминаний очевидца: «Несколько дней на арбах и телегах вывозили мертвые тела янычар, которые были брошены в воду Босфора. Они плавали по волнам Мраморного моря, а поверхность вод так была покрыта ими, что трупы даже препятствовали плаванию кораблей...»

Фридрих Вильгельм III

– Слава великому падишаху и потрясателю вселенной Махмуду – прекрасному убийце проклятых янычар, да продлит Аллах его счастливые годы на земле! – кричали толпы людей, пиная ногами изувеченные трупы своих недавних врагов.

Через два дня с янычарами в столице было покончено навсегда. Затем их начали резать в других городах Блистательной Порты, но убили далеко не всех. Не смотря на все усилия, несколько янычарских гарнизонов все же уцелели. Эти гарнизоны располагались на границе с Россией, а потому желающих служить там просто не было. Дунайские янычары чудом остались в живых. Придет совсем не много времени и Махмуд Второй об этом еще сильно пожалеет...

По странному совпадению выступление янычар произошло по времени почти одновременно с мятежом русской гвардии в Петербурге, вошедшей в историю, как восстание декабристов. Схожего в обоих случаях очень много. Даже разгоняли мятежников одинаково – пушками. Разумеется, причины обоих мятежей были совершенно разными. Однако совпадение по времени и характеру восстания достаточно знаковое.

Едва с янычарами было покончено, султан Махмуд сразу же приступил к созданию новой регулярной армии. Египетские инструкторы, которые сами толком ничего не умели, его уже не устраивали. И султан обратился к прусскому королю Фридриху Вильгельму Третьему.

– О, да! – обрадовался Фридрих Вильгельм, в предвкушении турецкого золота. – Мы научим вас настоящей выправке и вымуштруем ваших феллахов так, что они будут маршировать не хуже потсдамских гренадер!

Среди инструкторов, посланных в Турцию был и молодой, но уже весьма амбициозный капитан Гельмут фон Мольтке. Его кровавая слава еще далеко впереди...

Турция несколько отстала в развитии от остальной Европы, и теперь всеми силами стремилась ее догнать. Прусским инструкторам султан велел подготовить новую армию «низам-джедид» за два года.

– Через две весны я верну себе Грецию, усмирю Сербию и наведу порядок в Египте. Мое имя будет столь же грозным как имя Сулеймана Великолепного! Еще ничего не было решено. Все еще только начиналось.

* * *

Высказывая свои претензии Константинополю, Россия не шутила, но султан Махмуд Второй этого так не понял. Раздосадованный тем, что многие из возмутителей греческого восстания были в свое время возвращены в Петербурге, султан в припадке бешенства, ни с того ни с сего, порвал в клочья присланную из Петербурга бумагу.

– О, коварные, гяуры москов! – кричал он, стуча кулаками в шелковые подушки. – Я знаю, что разбойник Ипсилати был русским генералом, а негодяй Каподистрия ведал в России всеми делами европейскими!

Отныне по капризу Махмуда Босфор и Дарданеллы закрывались полностью. Если раньше удавалось провозить через проливы хоть часть товаров, то теперь и с этим было покончено. В Петербурге встревожились не на шутку. Турки уже начали конфисковывать товары. Склады Одессы и Херсона, Николаева и Таганрога были доверху забиты зерном и шерстью.

– Куды девать все, когда продать некуда! – хватались за голову купцы и тут же наставляли приказчиков. – Больше не брать!

– А нам что теперь делать прикажите! – кричали помещики, показывая на нескончаемые вереницы телег с зерном. – Жечь все это добро, что ли?

– А хоть и жгите! Все одно пропадет! Вывоза та нету, и не будет!

– Это от чего же? – срывались на плачь хозяева полей и усадеб.

– Да от того, что турка окаянный ворота босфорские закрыл накрепко!

– Где же наши Суворовы да Кутузовы, чтобы ворота те открыть, а турку наказать примерно! – раздавалось повсюду.

Все несли миллионные убытки. Возмущены были судовладельцы и помещики. Нечем было платить и работному люду. Зароптали крестьяне в деревнях и ремесленники на фабриках. В одно мгновение империя лишилась вывоза большей части хлеба – главной статьи экспорта. Теперь речь шла уже о безопасности самой России. Полицейское начальство доносило в тревоге:

– Брожение умов скоро достигнет точки кипения и тогда все выплеснется разом!

– Неужели возможен бунт? – тарасили глаза интеллигенты.

– Еще какой! – просвещали их. – Не просто бунт, а наш русский, самый беспощадный!

– Нешто новая пугачевщина? – крестились помещики и интеллигенты. – Свят, свят, свят!

Надо было что-то срочно предпринимать... Но что?!

– Нам ли победителям Наполеона, разгромивших нашествие двенадцати народов терпеть капризы гололобых! – в открытую кричали на улицах городов и деревень. – Не хотят добром ворота открывать, так мы сорвем запоры цареградские сами, чай не впервой!

Герцог Веллингтон еще не добрался до родных британских берегов, а российская политика уже совершила крутой поворот. Русский посол в Константинополе Минчиаки (тоже из

греков!) предъявил султану ноту, составленную в выражениях угрожающих. Россия требовала немедленного восстановления договора о проливах, освобождения из застенков сербских депутатов и отвода турецких войск от русских границ.

Турки бумагу приняли и затаились, словно ничего и не было. Тогда настырный Минчиаки явился в диван вторично, и там громогласно объявил:

– Российский император дает вашему султану еще шесть недель для раздумий. После чего я покидаю Стамбул. А что ожидает вашу страну, скоро узнаете!

К пограничному Пруту уже потянулись русские полки: с песнями и барабанным боем пехота, на рысях казачьи сотни. Колотились по дорожным колдобинам пушки и фуры. То двинулась с места Вторая Южная армия империи. У Босфора забелели паруса Черноморского флота. Россия серчала, и серчала сильно!

И тогда испугался не на шутку и султан.

– О, я несчастный! – горестно вздыхал он, будучи о скорой войне извещенным. – И все из-за этой проклятой Аллахом Греции! Что же мне теперь делать?

А делать, к слову сказать, ему было и в правду нечего. К большой войне Высокая Порта была совершенно не готова. Виной же тому был сам Махмуд Второй. Немногим более года назад он, устав от своеволия и непомерных требований янычарского корпуса, решился навсегда от них избавиться. Спровоцировав янычар на бунт, Махмуд затем подавил его с ужасающей жестокостью. Очевидцы вспоминали, что трупы в те дни валялись на стамбульских улицах внавалку, а добивать раненных поручали уличным мальчишкам (у палачей просто не было сил этим заниматься). Так навсегда исчезли с исторической сцены свирепые янычары, те, что на протяжении многих веков внушали ужас и трепет всей Европе.

Рубя головы строптивцам, султан Махмуд мечтал о создании настоящей европейской армии с полками и дивизиями, с дисциплиной и выправкой. Но реальность оказалась сложнее. Набранные в новоустроенные полки землепашцы и скотоводы никак не желали маршировать и при каждом удобном случае разбегались. Создать армию пока никак не получалось... Даже греческую смуту султану пришлось давить руками египетского паши, что ж тогда говорить о возможной войне с Россией!

И Махмуд Второй пошел на попятную. Уже через день турки торопливо начали очищать Молдавию и Валахию. А когда на левом берегу Прута стала восьмидесятитысячное русское воинство, готовое к стремительному броску на Константинополь, то в Анкерман прикатили турецкие дипломаты. Переговоры с ними вел генерал-губернатор Новороссии граф Воронцов. Без лишних слов турки подписали все требуемые бумаги и заверили графа в своей вечной и безмерной любви. Провожали послов под грохот орудийных залпов, чем окончательно повергли последних в смятение.

В Петербурге ликовали! Несмотря на весь воинский пыл, там желали мира не меньше турок. Причины тому были веские: еще не улеглись отголоски декабристского восстания, не спокойно было и в Польше, плохо обстояло дело с финансами, да и позиции ведущих держав внушали известные опасения.

Аккерманский договор произвел на Европу впечатление неприятное. Ведь Россия отныне развязала себе руки. Настораживало всех и то, что о греческих делах в Аккермане не было произнесено ни слова. Первым почувал неладное британский министр иностранных дел лорд Каннинг.

– В Аккермане русские продиктовали свою волю загнанному в угол Махмуду, – резюмировал Каннинг. – О Греции ж они промолчали, так как не пожелали пока ограничивать себя в этом деле какими-либо обязательствами. Но какими? Откуда царь Николай, теперь нанесет нам удар и когда?

В тот же день британскому послу в Петербурге полетела соответствующая шифровка. За англичанами зашевелились и другие.

Канцлер Священной римской империи Меттерних был раздосадован не менее.

– Образ действий царя Николая в этом дипломатическом походе поразил меня в самое сердце! – высказал он своему министру иностранных дел фон Генцу. – Ничего не помню более вероломного со времен Наполеона!

– О, ваше сиятельство, я разделяю ваше возмущение! – энергично кивал головой белобрысый Генц. – Я не могу передать словами свою ненависть к русским. Они оторвали нас от союзной Англии!

Многоопытный Меттерних, заложив за спину руки, подошел к окну. Внизу, за дубовыми ставнями нес воды мутный Дунай.

– Не это главное сейчас, – покачал он седой головой. – Естественный ход событий все равно вернет Лондон в наши объятия. Нам же следует попытаться вырвать из этого чудовищного альянса хотя бы Париж!

Глава третья Повстанцы и каратели

А Петербург готовил соседям все новые и новые сюрпризы. После многих совещаний было признано, что наиболее приемлемый вариант помощи Греции – это посылка в Эгейское море и Дарданеллам боевой эскадры с одновременным крейсированием Черноморского флота у Босфора. Но и здесь было, над чем подумать. Английский флот к этому времени насчитывал более ста тридцати линейных кораблей и две сотни фрегатов, не считая прочей мелочи. Российский флот только еще начинал приходить в себя после александровского правления. Но выбора не было, и Николай Первый передал указание Балтийский флот к плаванию готовить.

24 июня 1827 года оттуда последовал новый политический шаг. Российский посол в Лондоне князь Ливен, французский посол принц Полиньяк и британский министр виконт Дублей по настоянию Ливена, подписали тройственный договор в защиту греческой независимости.

Особая статья этого договора гласила о том, что Турция дается всего месяц на заключение перемирия с греками. В противном случае союзники обязывались послать в Средиземное море свои эскадры, дабы воспрепятствовать дальнейшей переброске в Пелопонес свежих египетских войск. И хотя Дублей с Полиньяком уговорили Ливена применительно к эскадрам, употребить фразу "ограничиться наблюдением", главное было достигнуто.

Больше других перечитывал присланный документ французский король Карл Десятый.

Александр Иванович Рибопьер

Сын дофина Людовика, граф д, Артуа (этот титул носил Карл до коронации) большую часть своей жизни провел в эмиграции, спасаясь от якобинской гильотины. После отречения Наполеона он вернулся во Францию, а после смерти своего старшего брата Людовика Восемнадцатого, стал королем. В молодости будущий король отличался беспутством, но затем стал ревнителем самой строгой нравственности. Карла, по свидетельству современников, отличали изящные манеры, придворная элегантность и весьма ограниченный ум.

Вот и теперь, листая присланные бумаги, король с напряжением силился понять, не прогадал ли он?

– Разумеется, ослабление Стамбула даст наш шанс вернуть влияние в Египте, – рассуждал осторожный "бурбон" в кругу своего кабинета. – Но ведь с ослаблением Стамбула, усиливают свои позиции Англия с Россией! Вот и австрийский посол умоляет меня не торопиться исполнять все параграфы Лондонского договора. Думаю, что мы пока ограничимся лишь общими обещаниями!

– Вы правы, ваше величество! – склонили головы министры. – На кону слишком много и игра должна быть беспрюирышна!

В то время союзные державы имели в турецкой столице послами: Россия – Александра Ивановича Рибопьера, сына французского дворянина бежавшего от ужасов революции. Рибопьер был неплохим политиком и превосходным финансистом, успев в свое время побывать

даже директором Государственного коммерческого банка. В уме он легко множил восьмизначные на восьмизначные, чем вызывал всеобщий восторг и зависть.

Англичане держали нынче при султанине Стратфорда Каннинга, двоюродного брата министра иностранных дел Джорджа Каннинга. К этому времени, Каннинг-младший успел уже послужить на дипломатическом поприще в Швейцарии и в США. Участвовал он и на Венском конгрессе. Излишне говорить, что младший брат пользовался полным доверием у старшего. В Константинополь его перевели из Петербурга как бы в доказательство неизменных сочувствий лондонского кабинета к Порте, да и сам Каннинг-младший был известным туркофилом.

Французский король в отличие от остальных прислал на Босфор бывшего наполеоновского генерала Гильемино Армана-Шарля. Генерал успел повоевать от Пиреней до Малоярославца и от Данцига до египетских пирамид. Последней боевой кампанией ветерана было недавнее вторжение армии герцога Ангулемского, где Арман-Шарль участвовал в качестве начальника штаба. И вот теперь, закаленного в ратных делах ветерана, бросили на поприще дипломатическое совершенно для него новое.

Арман Шарль Гильемино

Перед убытием его наскоро посвятили в тонкость дипломатического мастерства:
– Всем улыбаться, но никому не верить! Больше слушать и меньше говорить! Все остальное вам укажут в инструкциях!

Перед тем как навестить сообща турецкий диван, послы собрались вместе и совещались. Каждый говорил в соответствии со своим прошлым опытом.

– Надо посильней треснуть кулаком по столу и сказать, что, если не выполнят наших требований, в дело вступят армии и уж они не оставят от всей Турции камня на камне! – заявлял бравый генерал Арман-Шарль. – Нечего миндальничать с этими прохвостами! Восток признает лишь силу!

– Штыки хорошо, но золото лучше! – благостно вздохнул бывший банкир Рибопьер Александр Иванович. – От штыка уцелеть можно, но хорошей взятки никогда! Надо подкупать всех и вся, а потом уже диктовать свои условия!

– Что вы, что вы, господа! – махал руками Стратфорд Каннинг. – Какие штыки, какие взятки, когда мы, перво-наперво, должны получить подробнейшие инструкции от своих министров. Пока не будет этого, я и пальцем не шевельну!

... Как бы то ни было, но в конце июля все три посла в Стамбуле: русский, английский и французский, заявили к министру иностранных дел Рейс-эфенди с решительным ультиматумом.

– Главы наших государств настаивают на посредничестве между Стамбулом и Афинами в решении греческого вопроса!

– Не желаю, и слышать! – отвечал им рейс-эфенди³ Портев-паша, на подушках возлежа в меланхолии пространной. – Никогда и ни от кого я не приму, какого бы тони было предложения о греках, ибо этот вопрос есть внутренние дела Оттоманской Порты, а ваша нота – вмешательство в наши внутренние дела! Бумаги ж ваши брать я не буду!

Делать нечего, послы вышли в приемную и деликатно "забыли" свой ультиматум на софе. Случай сам по себе аналогов в истории не имеющий! Так весьма необычно состоялось вручение важного политического документа.

– Последствия не заставят себя ждать! – заявил Рейс-эфенди, уходя российский посол Рибопьер.

– И последствия суровые! – добавил генерал Арман-Шарль.

– Мой брат Каннинг-старший еще скажет свое веское слово! – погрозил холеным пальцем Каннинг-младший. – Вот тогда дождетесь у нас!

Едва послы покинули диван, Рейсми-эфенди велел звать переводчика- драгомана и переводить послание союзников. Когда переводчик прочитал текст ноты, Пертев-паша призадумался:

– Это кажется уже война!

– Нет, но союзники уже твердо решили препятствовать нам в высадке войск на греческий берег! – подал голос кто-то из советников.

– Но как совместить понятия о дружбе с понятием о принуждении? – воскликнул рейс-эфенди. – Не могут хворост и огонь безопасно лежать друг против друга! Не могут!

Спустя месяц, ровно день в день, послы вновь дружно заявили к меланхоличному Рейс-эфенди. – Что решило ваше правительство, ведь срок ультиматума истек? – спросили они министра.

Рейс-эфенди был внешне надменен:

– Я опять заявляю, что определяющий, неизменный, вечный и окончательный ответ царя царей и владыки правоверных: никогда и ни от кого он не примет, какого бы ни было, предложения о греках!

Сидевшие на скамьях вдоль стен вельможи согласно закачали огромными тюрбанами:

– Греция – наше дело! – Нам решать, карать или миловать прахоподобных греков!

Тогда вперед иных вышел Рибопьер, тайный советник и кавалер многих орденов.

³ Рейс-эфенди – должность в султанской Турции соответствующая европейскому министру иностранных дел.

– Султан шутит с огнем! – мрачно заявил он.

– Вы объявляете нам войну? – скривил презрительно губы министр.

– Война еще не объявлена, но наши эскадры блокируют берега Греции и по первому приказу готовы вступить за честь своих флагов!

– Как можно совмещать дружбу с угрозами. Не могут огонь и хворост безопасно лежать друг подле друга! – пустился в философствования рейс-эфенди. – А впрочем, великий флот и войско падишаха вселенной сумеют постоять за себя!

– Ну, это мы еще посмотрим! – мрачно хмыкнул ветеран наполеоновских войн генерал Арман-Шарль. – Хотя по мне лучше было бы и обойтись без пролития крови!

В тот же день, посоветовавшись, послы решили известить о несговорчивости турок командующих своих эскадр, которым предписано было в ближайшее время появиться у греческих берегов.

Более иных настойчив в том был Александр Рибопьер:

– Коль меры убедительные успеха не имели, следует непременно переходить к мерам принудительным!

Рибопьера горячо поддержал старый вояка Арман-Шарль. Британский посол отмолчался, но и против не выступил.

Что касается греков, то их правительство, находившееся к тому времени на острове Поросе, немедленно известило всех и вся, что они принимают все параграфы Лондонского трактата союзников незамедлительно и с радостью. Таким образом, принудительные меры союзникам следовало принимать лишь против находившихся в Морее турок и египтян.

Весь демарш предпринятый тремя союзными послами в Константинополе, обернулся их полным поражением. Турция ни на какие уступки идти так и не согласилась. Отныне исход конфликта должен был решаться уже не в дипломатических салонах, а на шканцах боевых кораблей. Время политиков заканчивалось, начиналось время адмиралов!

Сэр Стратфорд Каннинг писал в те дни вице-адмиралу Кондрингтону: "... Хотя и не следует принимать враждебных мер и, хотя союзные правительства желают избежать всего, что могло бы привести к войне, тем не менее, в случае надобности, прибытие турецких подкреплений должно быть, в конце концов, предупреждено силой и если бы все другие средства были истощены, то пушечными выстрелами."

Эдвард Кодрингтон

А Махмуд Второй, ни его рейс-эфенди все никак не могли поверить в, казалось бы, очевидное, что три великие державы готовы выступить против них из-за столь, казалось бы, ничтожного повода, как свобода Греции. А потому султаном было велено своему министру иностранных дел проявлять в переговорах известную выдержку. Пусть союзники пошумят и отступят! Кроме того, послано было и ободряющее письмо Ибрагим-паше в Наварино.

События в Греции ждать себя долго не заставили. Египетские полки Ибрагима снова пришли в движение и устремились в новый опустошительный поход по окровавленной Элладе. Поход этот по разумению султана должен был показать всем сомневающимся, что отдавать кому-либо свой законный пашалык он не намерен. Пока сам Ибрагим жег города и села в Морее, его первый помощник Решид-паша громил провинции на западе страны. Мелкие отряды инсургентов отступали все дальше и дальше в горы. Крупных боев уже не было, но мелкие ожесточенные стычки происходили повсеместно.

В довершение всего, как обычно бывает в пору поражений, в греческом стане начался разброд и дрязги. Партия землевладельцев стала подозревать в диктаторских устремлениях немногочисленных, но ершистых буржуа, а те с подозрением косились в свою очередь на влиятельную группировку владельцев судов. Обвиняли друг друга и генералы. Народ же молил о пришествии настоящего спасителя отечества, звал его, и этот спаситель пришел. Звали его

Иван Каподистия. был он генералом российской службы и выдающимся европейским политиком. Каподистия еще не прибыл в греческие пределы, а его уже избрали президентом.

– Берегите силы! – слал советы соратником Каподистия, пытавшийся сам тем временем, незаметно для турок пересечь границу. – Изматывайте врага в мелких боях. В больше ж не ввязывайтесь! Нам надо лишь выиграть время, и Россия придет нам на помощь!

Новый греческий президент говорил со знанием дела. Каподистия был свидетелем партизанской борьбы двенадцатого года в России. Но его голосу на родине не вняли. Во главе греческой армии в те дни встали новые генералы – английские. Один из них Джон Черч даже самолично произвел себя в генералиссимусы. Эти-то генералы и решили собрать воедино все отряды и дать туркам генеральный бой. Трезвые головы, правда, нашлись и здесь:

– Граф Каподистия советует переходить на войну партизанскую.

– Рисковать последним – это смерть!

– У Эллады наверно уже не осталось никого из ее героев! – презрительно усмехались Джон Черч (генералиссимус!) и Пол Конкрейн (адмирал!). – Неужели ныне в цене здесь одни трусы!

Последние письма лорда Каннинга требовали немедленного успеха. Это укрепило бы позиции Англии среди греков, партизанская борьба, провозглашаемая Каподистрией, была на руку России, а этого допустить было никак нельзя!

Масла в огонь добавило и неожиданное отбитие у турок одним из небольших отрядов монастыря Святого Спиридония. И хотя этот мелкий успех ничего, в сущности, не менял, уверенность у поборников генерального боя окрепла. Тогда-то правители и решили бесповоротно – генеральному сражению быть!

...На рассвете 5 мая 1827 года, когда в тесных горных ущельях еще стоял туман, а солнце еще только начинало свое восхождение в небо, греческие войска лавиной устремились на врага. Когда же на западе запламенел закат, все было кончено. Греческая армия, разгромленная наголову, более не существовала. Лишь неутомимые башибузуки, бродя меж павших, с азартом резали головы раненым. А буквально спустя несколько дней пал и последний оплот повстанцев – афинский Акрополь. С этого момента всякое сколько-нибудь организованное сопротивление Ибрагиму-паше прекратилась. Отныне каждый отряд, каждый еще державший в руках ружье повстанец, был предоставлен самому себе. Многие, епархии, не видя более смысла в борьбе, передавались на милость турок, надеясь этим спасти людские жизни и нажитое добро.

Сокрушительное поражение сразу же привело к окончательному разброду в рядах повстанцев.

– Будем сражаться до последней капли крови! – призывал греков неукротимый вождь храбрецов Колокотрони.

За Колокотрони стеной стояли отважные спартиаты, в чьих жилах текла кровь героев Фермопил и Марафона. За Колокотрони были и все полевые капитаны.

– Зачем умирать, когда можно попробовать выгодно договориться! – вещал умеренный и осторожный купец Мавромихали.

Мавромихали поддерживали ионийцы – народ предприимчивый и торговый. Ионийцам война была ни к чему, принося одни убытки. За Мавромихали стояли купцы и землевладельцы.

* * *

К осени 1827 года передовые байраки Ибрагим-паши вышли к горному проходу Армиро на Корифском перешейке, что соединяет материковую Грецию с Пелопонессом. Армирское ущелье узкое, обрывистое и длинное, но это единственный путь и миновать его невозможно никому.

У Армиро длинноусый и воинственный Колокотрони собрал полторы тысячи воинов, поклявшихся умереть, но не отступить.

– У царя Леонида было всего лишь триста спартанцев против миллиона персов, и он не дрогнул! Неужели мы дрогнем, ведь нас впятеро больше!

– Ура! – кричали инсургенты, потрясая своими длинными ружьями.

Однако и египетский паша в деле воинском сведущ был не хуже Колокотрони. Выставив против греков сильный заслон, он исподволь готовил им в тыл десант на заранее припасенных лодках. Высадившись в заливе Каламата, десантники должны были внезапно ударить защитникам Армиро в спину. Однако десант Ибрагиму приходилось все время откладывать и откладывать. Неподалеку бродили английская и французская эскадры, и кто знает, что ожидало утлые лодки, переполненные солдатами, при встрече с ними.

Тем временем по всей линии противостояния противников шли каждодневные стычки и перестрелки. В перерывах же между ними греки с турками переругивались, прячась за камнями.

– Сдавайтесь неверные собаки! – кричали турки. – Иначе мы намотаем ваши кишки на свои ятаганы!

– Это нам теперь не к чему! – откликались им с противоположной стороны. – Мы не сдавались даже тогда, когда не видели конца своим несчастиям, так зачем же теперь нам сдаваться, когда за Грецию встал весь христианский мир!

– Тогда мы опустошим вашу землю! – Попробуйте, но прежде переступите через наши трупы!

Тем временем главные силы греков под началом английского генерала Джона Черча бесцельно стояли лагерем далеко от Армирского прохода в местечке Мегиспелизме. Все послания Колокотрони с просьбой действовать сообща Черч оставлял без ответа. Генерал презирал грубияна и разбойника Колокотрони и помогать ему ни в коем случае не собирался. У Черча было свое отношение к происходящим событиям, генерал ждал очередных инструкций из Лондона.

Весть о том, что европейские правительства решили отправить к берегам Греции боевые эскадры, вселила новые надежды в разрозненные отряды инсургентов. Пользуясь тем, что Ибрагим-паша несколько увлекся разорением всех, даже самых маленьких селений и ослабил натиск на ушедшие в горы дружины, те понемногу вновь стали объединяться, а объединяясь, приступали к новой партизанской войне.

Тем временем восемь тысяч арабов методично и безжалостно вырубали фруктовые сады Миссении и Аркадии. Избивая греков, наемники Ибрагима не забывали при случае поживиться и за счет местных турок.

– Зачем рубить наши виноградные лозы! – кричали турки и плевали в лица египетским наемникам.

– Затем, чтобы превратить здешние края в нашу пустыню! – хохотали им в лицо египтяне.

Видя, как одноверцы дружно выкорчевывают их многолетние сады, старейшины морейских турок потрясали кулаками:

– О, если б греки протянули нам руку дружбы, мы собственноручно задушили бы этих головорезов!

К этому времени свободным остался лишь маленький гористый островок со звучным именем – Гидра, да и то, только потому, что за явной малозначительностью, Ибрагим-паша о нем поначалу попросту позабыл. На Гидре собрались самые отчаянные и непримиримые, давшие клятву драться до конца.

Махмуд Второй торопил Ибрагима с занятием острова. Гонца, спешащего в Наварино, он наставлял лично:

– Следует как можно поспешить с занятием этой скалы. Тогда нам просто не о чем будет говорить с франками!

Под франками султан подразумевал всех сразу: и французов, и англичан... и русских.

"Лев Мореи" (этот титул Ибрагим-паша получил после захвата Акрополя) начал деятельные приготовления к вторжению на Гидру. Для этого в Наварин стал стягиваться мощный флот. Первой подошла из Александрии египетская эскадра, за ней турецкая. Одновременно на берегу готовился и десантный корпус. "Лев Мореи" готовился к своему последнему прыжку...

Третья четвертая Эскадра особого назначения

Если Петербург – столица России, то Кронштадт – ее морские ворота. Балтийский све- жак неустанно разгоняет волну, и та с маха бьет в гранит прибрежных фортов. Здесь начина- ются дороги в океан и здесь они заканчиваются. Здесь воздух насквозь пропитан морем и смо- лянными канатами, а над головами мореходов пронзительно кричат чайки.

В доме капитана Лазарева, что на Дворянской, в двух шагах от Якорной площади, скром- ное застолье. Повод приличествующий – гости. Из Петербурга приехал дядька супруги отстав- ной капитан 1 ранга Алексей Михайлович Корнилов с письмами и гостинцами. И хотя капитан Лазарев застолий не жаловал на сей раз, сам подливал в бокалы и гости говорили затейливые.

Женился капитан в года зрелые, и жену свою молодую любя, старался ей во всем угодить. Вот и теперь, как мог, поддерживал веселого дядюшку, но тот смотрел зорко:

– Чтой-то, ты, Мишель, бокал свой половинишь? Ведь моряк ты первостатейный, а посе- му должен быть таковым и в застолье!

– Что ж поделать, – пожимал плечами Лазарев. – Коль на завтра мне велено в министер- стве быть. Куда ж я на утро с больной головой?

– Что верно, то верно, – кивал дядюшка, себе из штофа между тем подливая, – Голова у казенного человека завсегда должна быть светлой!

Когда же выпито и съедено было изрядно, дядюшка перешел к главному, ради чего, соб- ственно говоря, и занесло его в эти края.

– Вот, Мишель, хочу попросить тебя как сродственника о деле одном весьма для меня важном, – молвил он, от стола отстраняясь и губы салфеточкой вытирая.

– Всегда рад помочь, коль в моих силах! – развел руками хозяин.

– Младшенький мой Володька в прошлом году корпус кончает, а служит в 20 м экипаже и на "Проворном" уже до Доггер-банка сходить успел, но хочу я, чтоб службу свою продолжил он под твоей командой. Ты человек опытный и у начальства на счету хорошем, я уже узнавал! А мне покойней за него будет, когда в окиян поплывете! Так, что уж не откажи сродственнику!

Лазарев поморщился. Уж очень не любил капитан протежированных, предпочитая всегда сам отбирать к себе самых боевых и хватких. Видя раздумья мужа, немедленно вмешалась супруга.

– Ну, что ты, Миша, – подошла и обняла сзади ласково. – Володя прекрасный мальчик, очень начитан и романтичен! Как же мы откажем нашему маленькому кузену!

И Лазарев сдался. – Хорошо! – сказал, брови морща. – Беру вашего Володю к себе, но учтите, что спуску ему ни в чем не будет! А гонять стану больше, чем иных!

– Вот и славно, опрокинул в себя еще рюмочку дядюшка. – Большое дело сделано!

Через пару недель в казарменный кабинет, где сживал командир линейного корабля "Азов" капитан 1 ранга Лазарев, бумаги, к кампании предстоящей составляя, постучали.

– Входите поживее! – бросил каперанг, от бумаг не отстраняясь.

– Мичман Владимир Корнилов! – звонко раздалось с порога. – Прибыл к вам для слу- жебного прохождения!

К. П. Брюллов. В. А. Корнилов на борту брига «Фемистокл» (1835)

Лазарев поднял глаза. Против его стоял подтянутый красивый юноша с восторженными глазами.

Встав, Лазарев подошел к мичману и, пристально глядя в лице, сказал:

– Поздравляю с вступлением в морскую семью! Это большая трудность, но и честь немалая! Будь достойным ее! Вечером с супругой ждем тебя к чаю, а теперь ступай к лейтенанту Бутеневу, будешь пока под его началом!

В дверях Корнилов разминулся с писарем. тот ташил на стол капитану новую стопку служебных бумаг. Ничего удивительного в том не было. Во все времена на флоте российском писали столь обильно, что только в море, капитаны от дел чернильных и отдыхали.

Весной в Кронштадте всегда оживленно. Город и порт просыпаются от зимней спячки. Моряки начинают готовиться к летним плаваниям. В гавани вместо привычной тишины шум и гам: скрипят тали, стучат молотки, визжат пилы, то и дело грохочут пушки, это комендоры опробуют орудийные стволы. Так было всегда, так было и в году 1827-м, когда, закончив вооружение, назначенные в кампанию корабли по одному вытягивались на рейд.

Майские дни были солнечны, а легкий бриз лишь слегка рябил волну. Где-то в середине месяца в Кронштадт прибыл адмирал Сенявин.

Дмитрий Николаевич из старейшей династии российских мореходов. Когда-то был в любимцах у светлейшего Потемкина, сражался с турками под началом Ушакова, с которым даже соперничал в славе. Но подлинным венцом славы флотоводца стала Архипелагская экспедиция. Две войны провел там Сенявин: вначале с французами, а затем с турками. И если французов он громил на берегах Далмации, то турок у скал Дарданельских. Дважды жестоко истреблял он султанский флот. По окончании ж экспедиции, возвращаясь на Балтику был блокирован англичанами в Лиссабоне. пока моряки дрались в пределах средиземноморских, император Александр замирился с фразами и рассорился с англичанами. русская эскадра оказалась в Портсмутской ловушке. Но и здесь Сенявин нашел достойный выход, чтоб сохранить Отечеству не только корабли и людей, но и честь Андреевского флага. Александр, однако, остался флотоводцем недоволен. Сенявин, сам того не подозревая, где-то, помешал императору в его хитроумных комбинациях. Поэтому едва вице-адмирал вернулся, как был тут же спроважен в отставку без почестей и шума.

Дмитрий Николаевич Сенявин

Но и это еще не все! Будучи командующим эскадрой Сенявин из-за финансовых трудностей с согласия экипажей удерживал часть причитающихся офицерам и матросам денег на общие нужды в счет будущей оплаты по возвращении домой. Но по прибытии в Кронштадт оказалось, что никто выдавать морякам деньги не собирается. Александр Первый просто отшвырнул бумагу с прошением Сенявина прочь. Для флотоводца это был удар, ведь он не сдержал слова, данного своим подчиненным, обреченным отныне из-за него на нищенское существование. Личные средства Сенявина, которые он тут же пустил в дело, решить проблемы не могли. В результате этого, распродав все свое имущество, сам вице-адмирал впал в крайнюю нужду и вынужден был нищенствовать.

Разве мог когда-нибудь представить себе гордый и блестящий потемкинский адъютант Дмитрий Сенявин, что в преклонные годы и в адмиральских чинах будет стоять на паперти! Наверное, такое не могло, приведется ему и в самом страшном сне...

В те годы часто можно было видеть грязного и босого старика, бредущего куда-то по петербургским улицам в рваном больничном халате, То был герой Афона и Дарданелл вице-адмирал и кавалер Сенявин. Старик заходил в дома своих старых знакомцев, и стоял в передней, просил подавание. Отводя взгляд, знакомцы молча совали ему, когда целковый, а когда и трешку. Собравши в тряпицу десяток другой рублей, нес их Сенявин в петербургские ночлежки, где доживали свои дни больные и увечные ветераны Средиземноморской компании.

– Благодетель ты наш, Дмитрий Николаич, – крестились, слезу смахивая, безрукие да безногие инвалиды. – Не бросал ты нас среди огня турецкого, не бросаешь и сейчас в горестях наших!

Нищенство знаменитого флотоводца оттолкнуло от него многих именитых друзей. Да и кому охота знаться с завшивленным и убогим! Конечно, обращение с Сенявиным возмущало тоже многих, но царь был неумолим, а послушаться его было небезопасно.

В мгновение ока изменилась судьба Сенявина лишь с воцарением на троне Николая Первого. Новый император сразу же вернул заслуженному флотоводцу все его имущество, присвоил чин полного адмирала. По приказу Николая было велено вернуть все причитающиеся деньги участникам средиземноморской экспедиции Сенявина. До последнего дня своей жизни будет разыскивать своих сослуживцев по городам и весям Дмитрий Николаевич, восстанавливая справедливость и выполняя данное им свое адмиральское слово.

Мало кто знает, но в своем завещании, оставленном задолго до смерти, велел Сенявин положить себя в гроб не в раззолоченном адмиральском мундире при регалиях, а в том самом рваном больничном халате, в котором просил подавание на улицах Петербурга. Хоронить же себя велел флотоводец на Охтенском кладбище среди безродного люда. Забегая, вперед скажем, что завещание старого адмирала так никогда исполнено и не было. Ему воспротивился Николай Первый, который, наоборот, велел придать похоронам выдающегося флотоводца исключительную торжественность и пышность, самолично командуя (случай небывалый) войсками, отдававшими воинские почести покойному. Но это все еще далеко впереди, а пока...

Возвращенный на службу Николаем и прошедший проверку на преданность в Верховном уголовном суде по делу декабристов, Сенявин наконец-то был отпущен к флоту.

В парадной зале Морского собрания адмирал собрал флагманов и корабельных командиров.

– Мне велено его величеством отныне возглавлять комиссию по возрождению и совершенству нашего флота! – объявил он. – Начинать же я решил с проверки эскадр практических и посему в нынешний год самолично поведу их в море!

Сенявин бросился на флотские дела истово, так, наверное, припадает к источнику живой влаги изможденный дорогой путник... За плечами ж флотоводца было два долгих десятилетия отставки и забвения...

* * *

Едва суда капитан-командора Беллингаузена вернулись из Средиземного моря в Кронштадт, до Николая Первого стали поступать сведения, что английские крейсера уже всю "охраняют торговлю" в Архипелаге. Там же объявилась и так называемая "летучая эскадра" французов.

– Каюсь, что надо было слушать не вора, а моряка! – признал свою ошибку Николай Первый, помятуя о не столь давнем споре Сенявина с Моллером по возвращению Беллингау-

зена на Балтику. – Теперь надо думать о посылке новой эскадры, иначе мы можем остаться на обочине!

За полтора года царствования Николаю Первому удалось несколько поправить дело с флотом, но не настолько чтобы вернуть ему всю былую силу. Было очевидно, что идти в столь грозном виде, как в прошлую Сеньявинскую экспедицию никаких кораблей не хватит, ведь надо было еще оставить флот и на Балтике! А потому в настоящих обстоятельствах можно было говорить лишь о посылке небольшой вспомогательной эскадры.

Сам император, готовясь к кампании 1827 года, весьма детально самолично расписал новый штат флотского экипажа, которого вполне должно было хватать на укомплектование линейного корабля с фрегатом, все боеспособные корабли и суда император разделил на две дивизии: синего и белого флага.

Дивизия Синего флага считалась в то время 1-й дивизией, а дивизия Белого флага – 2-й. В каждую из дивизий входили отныне по три бригады, а каждая бригада состояла из трех экипажей. Впоследствии в 1829 году, по мере постройки новых судов, была сформирована и 3-я дивизия Красного флага.

* * *

Корабли Балтийского флота готовились к предстоящей морской кампании. Один за другим выходили на рейд: "Князь Владимир", "Святой Андрей", "Изекииль", Александр Невский", "Азов", "Гангут", фрегаты "Константин", "Вестовой" и "Кастор". За ними остальные. Все они образовывали эволюционную эскадру, командование которой вручалось адмиралу Сеньявину. Согласно воле императора, им надлежало за летние месяцы «отработать практические эволюции в море». Вот уже и команды переселились из казарм в еще сырые от снега и дождей палубы. Младшие флагманы вице-адмирал Ефим Лутохин и контр-адмирал Логин Гейден подняли свои флаги. Первый на "Владимире", второй на "Андрее".

Помимо сеньявинской эскадры готовилась к практическому плаванью суда гвардейского отряда под началом директора Морского корпуса Ивана Крузенштерна, брандвахтенные фрегаты, различные транспорты и мелкие суда.

Всего в море должны были в полном составе отправиться двенадцать флотских экипажей. Давненько такого не было!

Флотские ликовали:

– Неужели и взаправду возрождаться начали! Неужели теперь и плавать, и служить будем по-настоящему, а не маршировать до одури на плацах солдатских!

А вокруг все только и говорили, что о скорой возможной войне и, хотя никаких неофициальных заявлений не было, газеты ежедневно доносили все новые и новые тревожные вести с Балкан. Естественно, что и в капитанских салонах, и в мичманских выгородках обсуждали один и тот же вопрос: будут ли воевать? Затем уж терялись в догадках с кем и когда! Ходили упорные слухи, что будет снаряжаться эскадра в Америку помогать испанцам, восстановить их пошатнувшееся могущество, однако все сходились во мнении, что, все-таки, было бы лучше помочь грекам.

Логин Петрович Гейден

По-своему тревожились и матросы:

– Неспроста нынче главнокомандовать над нами самого Сенявина приставили, видать что-то серьезное затевают!

Изо дня в день младшее офицерство изводило вопросами старших, те, в свою очередь, донимали старших бригадных, да эскадренных начальников. Наконец, флагмана, устав от распросов, заявили к Сенявину.

– Дмитрий Николаевич! – обратился от имени всех вице-адмирал Лутохин, – Что в столице говорят? Куда мы ныне форштевни свои повернем? Уж, не в Средиземные ли воды?

Сенявин лысую голову почесал, глаза прищурил. Старый адмирал был не только опытным моряком, но и дипломатом известным.

– Кто знает, господа! – только и сказал. – На все монаршая воля. Куда пошлют, туда и двинемся!

А спустя несколько дней, лег на сенявинский стол, доставленный императорским флигель-адъютантом пакет. Ножичком для резки книг вскрыл его адмирал. Рука при этом дрожала то ли от старости, то ли от волнения. В пакете оказалось высочайшее повеление о немедленном довооружении и следовании эскадрой к берегам Англии. Текст повеления гласил: "Господин адмирал Сенявин, избранный высочайшей ответственностью к принятию главного начальства над эскадрой, отправляемой из Кронштадта, имеет следовать по данной ему уже инструкции

в Портсмут. По прибытии в Англию и предварительном сношении с пребывающим в Лондоне послом князем Ливеном г. адмирал Сенявин по воле Е.И.В. отделит от эскадры, ему вверенной, и по собственному его выбору 4 линейных корабля, 4 фрегата и 2 брига для составления эскадры под командой контр-адмирала Гейдена. Эскадре сей, назначается идти в Средиземное море..."

Сенявин, бумагу прочитав, остался недоволен:

– Турок не то, что бить, даже страшать запрещается! Да и какая сила десятков судов? Тут как бы самим на чей-нибудь кулак не нарваться!

Так как послание Николая было секретным, то разглашать его адмирал не посмел. Эскадра готовилась к плаванию в полном неведении. Сенявин велел лишь предельно ускорить все работы.

Буквально на следующий день подоспела и бумага начальника Главного штаба Моллера, разъясняющее императорское повеление: "... Высочайшая Государя Императора воля есть, дабы в. в. пр-во во время плавания вашего приложили все старание довести эскадру экзерцициями и строгой военной дисциплиной до должного совершенства по всем частям морской службы. Когда эскадра, вам вверенная, совершенно будет готова к предназначенному ей плаванию и сделан будет депутатский смотр, вы, г. адмирал, при первом попутном ветре благоволите сняться с якоря и следовать в Портсмут. На вашем пути не оставьте зайти сперва в Ревель, потом в Свеаборг и быть на рейдах сих портов не более 3-х дней в каждом... Ежели в Портсмуте не получите особых повелений, то следовать вам в Брест и там, пробыв несколько дней по вашему усмотрению, идти в обратный путь к Кронштадту..."

Современники вспоминают, что в те дни Кронштадт напоминал разворошенный муравейник. Все куда-то спешили, каждый что-то тащил. Повсюду сновали шлюпки и баркасы, ялики и прочая портовая мелюзга. У складов с припасами очереди преогромные. Случались и скандалы. Приходят, к примеру, матросы с "Азова", а там уже команда с "Гангута" бочки катит.

– Мы первыми тут стояли! – пропихиваются "азовцы".

– Ишшо чего! – напирают гангутские. – Наш шхипер еще с вечера под тутошними воротами дрых, место держал! Скажи, Трофимыч!

Спорщиков утихомиривали чиновники интендантские:

– Хорош лаяться! Всем мякоти пороховой насыпем. Еще полыхнет, не возрадуетесь! Таш-шы бочата!

– Тьфу ты, – плевались, расходясь, матросы азовские да гангутские. – Не накаркал бы черт языкатый!

К главным силам эскадры, согласно плана, позднее должны были присоединиться фрегаты "Константин" и "Вестовой". Первый из них был задействован для отправки в Голландию семейства посла князя Волконского, а второй для перевозки в Ревель со всем огромным скарбом семью и свиту графа Кочубея.

"Вестовому" отчаянно не повезло. Вначале он долго ждал прибытия Кочубея с домочадцами и слугами, затем вышел в море, но вернулся из-за штормовой погоды. Второй раз плыть морем Кочубей наотрез отказался:

– Уж больно у вас сильно качает. Почитай всю душу у меня вывернуло, одной желчью и плевался! Лучше уж я до города Ревеля в коляске проедусь! На фрегате осталась лишь графская прислуга и имущество. Вновь выйдя в море, "Вестовой" у самого Ревеля выскочи на камни. Трое суток моряки пытались спасти судно, а затем съехали на берег. "Вестовой" разбило волнами, а вместе с ним ушло на дно и все кочубеевское барахло. Слава Богу, хоть все живы остались.

Адмирал Сенявин первоначально планировал включить "Вестовой" в отряд Гейдена и таким образом фрегат вполне мог бы принять участи в Наваринском сражении. Командир

"Вестового" капитан-лейтенант П.Б. Домогацкий за потерю судна был отдан под суд и после проведенного разбирательства изгнан со службы.

* * *

Незадолго до выхода в море эскадры вернулись в Кронштадт со Средиземного моря суда отряда Беллинсгаузена, укомплектованные офицерами и матросами гвардейского экипажа: "Царь Константин" и "Елена". Моллер настаивал, чтобы Сенявин включил их в эскадру. Но тот наотрез отказался.

– Гвардейские команды уже в Петербург сбежали отдыхать от трудов праведных и веселиться, а новые еще только осваиваться начали. Куда их сейчас опять за пять морей гнать. Пусть к плаванию готовятся со всей серьезностью и без спешки авральной!

– Но ведь от этого эскадра ваша слабее станет! – не унимался Моллер.

– От того, что два не готовых судна в ней состоять не будут, она, наоборот, станет сильнее! Что же касемо участия в плавании средиземноморском, то, помяните мое слово, что одним отрядом рейсовым все не ограничится и нам еще не раз придется посылать туда новые эскадры! Коль с турками драку затеваем, то там всем делов хватит!

Но командиры судов капитан 2 ранга Зеленой и капитан-лейтенант Епанчин горели желанием успеть выйти в море со всеми. На "Царе Константине" и "Елене" авралили круглые сутки.

В конце концов, Сенявин согласился взять их до Портсмута.

– Прилежание и старание ваше награды достойны! – сказал он довольным командирам.

К удивлению многих, и сам старик Сенявин не ограничивался чисто начальственным делом, а лично разъезжал по кораблям вверенной ему эскадры, вникая там в каждую мелочь вплоть до проверки ружейных замков. А бумаг у него все пребывало. Особенно много забот было с парусами. Как обнаружилось, выданные в порту паруса, оказались сгнившими.

– А что мы сделать можем, когда столько лет на складе провалялись! Новые- то и забыли, когда присылали!

Сенявин же требовал только надежные и непременно три комплекта.

– Ежели нет трех, давайте хотя бы один надежный, а остальные парусиной! Сами в походе шить будем, а гниль не возьму!

Известие о том, что адмирал требует три полных парусных комплекта, уверило в том, что намечается большое плавание и последних скептиков, ибо по Балтике всегда обходились и двумя.

Вслед за императорским указом прислало свою инструкцию министерство иностранных дел, затем целой грудой предписаний и разъяснений разродился главный Морской штаб.

Приезжала и комиссия депутатская: вице-адмиралы Пустошкин, Галь, Огильви, контр-адмиралы Крузенштерн с Головинным да капитан-командор Митьков. Во главе комиссии известный мореплаватель вод дальневосточных адмирал Гавриил Сарычев. Депутаты корабли осматривали тщательно, но вели себя деликатно, помня об авторитете командующего. Сенявин принимал всех радушно, но особо был рад своему соплавателю по прошлой Средиземноморской экспедиции Митькову.

– Ну, Феденька, здравствуй! Давненько мы с тобой не виделись! – целовал его при встрече. – Поплыли со мной, душа моя!

– Да я бы с дорогой душой, Дмитрий Николаевич! Вам ли не знать, сколь люблю я наше дело корабельное! – разводил тот в стороны руками. – Да вот приставили меня к делам береговым и, как червяк в земле, в бумаженциях нынче роюсь и все никак из оных выбраться на свет не могу!

А в один из дней на эскадру внезапно пожаловал и сам император Николай Первый. С ним вице-адмирал Моллер, генерал от инфантерии Дибич и новый "куратор" флота князь Меншиков.

На правом – парадном трапе флагманского "Азова" его встречал сам Сенявин и командир корабля Лазарев. Эскадру Николай застал врасплох. О его приезде никто не знал, и к приему не готовились. На "Азове" не успели даже вызвать караул, а матросы с офицерами выстроились, как были, в рабочем платье. Но император разносов не чинил. Осмотрев сначала "Азов", а затем стоящий подле на якоре "Гангут", Николай заявил, что ходом работ вполне доволен.

На этом, однако, внимание императора к уходящим кораблям не кончилось. Оставаясь в Кронштадте, он теперь наезжал на эскадру почти ежедневно. В один из таких приездов Николай прихватил с собой и союзных послов: английского и французского. Объехав все корабли, высокие гости прибыли на "Азов". Показывая послам корабельный арсенал, император обратил внимание на искусно выложенные там из ружейных замков имена великих побед: Гангут, Ревель, Чесма. После последнего слова была буква "и".

Александр Сергеевич Меншиков

- Что значит эта буквица? – обернулся Николай к сопровождавшему его Лазареву.
- Сие означает дальнейшее продолжение всех выше выставленных имен! – отвечал лихой моряк.
- И что же будет дальше? – поинтересовался царь, улыбаясь.
- Имя первой победы флота Вашего императорского величества! – был достойный ответ.
- Что ж, – покосился на притихших послов Николай Первый. – С такими молодцами ждать мне придется недолго!

Командиру он объявил благодарность, офицерам – благоволение, а команде по два целковых, по двойной порции вина и "приварок" в два фунта мяса каждому.

* * *

Данному своей супруге слову – сделать из ее у кузена мичмана Корнилова настоящего моряка, Лазарев остался верен. Незадолго до выхода из Кронштадта, на переходе морем обходя корабль, капитан 1 ранга зашел в выгородку над кубриком, где квартировали мичмана. А зайдя, остановился в изумлении – все свободное пространство выгородки было буквально завалено связками французских любовных романов.

– Кто у вас здесь охотник до этой дряни? – спросил он сурово.

– Корнилов! – был робкий ответ.

– Вестовой! – не оборачиваясь, крикнул Лазарев. – Весь хлам за борт! Сам же виновник был зван в капитанскую каюту после вечерних чаев.

– Вот, что, Владимир Алексеевич, – подошел к замершему в дверном проеме мичману капитан "Азова". – На сем вашим фривольностям конец! Отныне станете читать лишь вот эти книжицы. От них и дури в голове не будет, а польза несомненная. С этого я и начну ваше воспитание!

На столе стопкой лежали толстые тома навигации, морской практики и жизнеописания великих флотовождей.

* * *

В ночь перед уходом эскадры император прибыл на "Азов" вновь. Была полночь и разбуженные свистками сонные матросы, одеваясь на ходу, стремглав выскакивали из люков.

– Снимайтесь с якоря! – объявил Николай, следуя, во главе свиты, на шканцы. Оповестив эскадру фонарем о начале движения, "Азов" первым воздел паруса и положил руль на вост. Белая пузырящаяся пена с шипением отхлынула в стороны. Упираясь грудью в вымпловки, матросы выхаживали якорь. За кормой быстро окутывалась облаками парусов остальная эскадра. Ловя ветер, корабли постепенно набирали ход.

С восходом солнца на "Азове" подняли штандарт – символ личного предводительства императора своим флотом. На золотом поле двуглавый орел цепко сжимал клювами и когтями карты четырех морей: Белого, Азовского, Балтийского и Черного. Подъем самого главного флага империи корабли сопроводили оглушительным салютом. Штандарт на корабле для моряков событие не частое. Последний раз его поднимал более четверти века назад еще императора Павел...

Вытянувшись в кильватер, корабли держали курс на выход из Финского залива. За "Азовом" в струе держался 84-пушечный "Царь Константин", за ним 74-пушечные "Князь Владимир", "Иезекииль", "Александр Невский", "Сысой Великий", "Святой Андрей". Несколько поодаль по обеим сторонам главных сил следовали фрегаты: "Константин" и "Меркуриус", "Проворный" и "Кастор", "Вестовой" им "Диана", каждый в 44 пушки. Замыкал эскадру арьергард: 36-пушечные "Елена" и "Крейсер" да посыльные корветы: "Гремящий". "Усердие" и "Ахиллес".

За Красной Горкой, приведясь в бейдевинд и разделясь на два отряда, корабли провели показательные маневры. Сенявин волновался. Ведь столько лет сам уже не был в море, а тут еще эскадра не сплавана, команды не притерлись. Но все обошлось как нельзя лучше. Командиры дело свое знали, матросы были расторопны, и Николай остался вполне доволен увиденным.

В завершении учений Сенявин произвел примерное сражение. Часть кораблей, образовавших подветренный отряд, подняли красные флаги, другая, наветренная, паля холостыми зарядами, прорезала линию "противника" и атаковала его. Особенно лихо управлялся в этом маневре командир "Сисоя Великого" капитан 2 ранга Дурасов. Он столь удачно проложил курс, что ухитрился дать два полновесных продольных залпа по подставившему ему корму "Азову". К 14 часам флот перестроился в одну колонну и лег в дрейф.

После маневров на флагмане подняли сигнал общего богослужения.

Весь напутственный молебен Николай, обнажив голову, отстоял в строю команды "Азова". Когда же корабельный иеромонах Герасим закончил песнопение, император простился с моряками словами:

– Надеюсь, что в случае военных действий, с неприятелем будет поступлено по-русски!

Ответом ему было троекратное "ура". Императорская яхта легко отвалила от борта флагманского корабля. На корме ее золотой вязью значилось: "Дружба".

– Курс вест-норд-вест! – объявил Сенявин, самолично сверившись с картой и компасом.

Салютуя уходящей яхте палубными пушками, эскадра легла на развороте широкой дугой. Упругий балтийский ветер пучил полотнища парусов. На ходу перестроились в две колонны. Правую повел сам Сенявин. Левую – вице-адмирал Лутохин, державший свой флаг на "Князе Владимире". Мелкие суда составили арьергард под началом контр-адмирала Гейдена.

Так начался поход, навсегда вошедший в историю нашего Отечества одной из самых блистательных ее страниц.

Глава пятая

В походе

Эскадра адмирала Сенявина растянулась на несколько миль. Срываясь с гребней волн, летала по воздуху пена. Обтянутые винты гудели глухо и тревожно.

На траверзе Ревеля у острова Кошкар русских моряков поджидал первый сюрприз – британский фрегат "Галатея". Держась на почтительном расстоянии, англичанин некоторое время сопровождал эскадру, то, забегаая вперед, то, наоборот, пропуская ее мимо себя. Наконец, все подсчитав и определив, "Галатея" окончательно отвернула в сторону.

– Англичане, есть англичане, – убрал зрительную трубу от глаз Сенявин, – Они и себе-то верят лишь по большим праздникам!

Появление фрегата вызвало заметное оживление и среди офицеров.

– Что-то почуяли британцы, коль аж до Финского залива добрались! Знали б, что мы и сами не знаем, куда путь держим! – высказал свое мнение лейтенант Нахимов.

– Известно куда идем, – пожал плечами Бутенев. – Как всегда в Средиземку турок бить, оттого и секретность такая.

– Как же бить, когда войны нет! – возражал ему подошедший Путятин. – Скорее будем плыть в Америку, помогать тамошним испанцам!

Никто на эскадре, разумеется, не знал. Что на «Галатее» находился чрезвычайный посол Великобритании маркиз Герфорд. Маркиз спешил доставить императору Николаю последние новости о переговорах в Лондоне по греческому вопросу.

Стоянка в Ревеле была краткой. Из исторического журнала эскадры: "Адмирал, находясь в порте сем, занимался на эскадре различными практическими и тактическими учениями, а для подкрепления здоровья экипажа оной приказал привозить свежее мясо и зелень и брать с берега свежую воду – достойное попечение достойного начальника".

Там же в Ревеле к эскадре присоединился бриг "Ахиллес".

Ни флагмана, ни командиры корабельные на берег не съезжали, но мичманов с лейтенантами пустили. Старик Сенявин к офицерской молодежи был снисходителен:

– Пусть разомнутся да карманы свои вывернут! Чего им тут с нами стариками киснуть, еще надоедим друг другу!

К полуночи, оставив все свои деньги в небезызвестном в морских кругах клубе "Черноголовых", вдоволь нафлиртовавшись с хорошенькими эстляндками в Екатерининтале, мичмана да лейтенанты возвратились на корабли с чувством исполненного долга.

На рассвете следующего дня эскадра оставила за кормой островерхие ревельские кирхи.

Из-за встречного ветра Сенявин решил не тратить время на заход в Свеаборг, а сразу развернул эскадру на восток.

У острова Кошкар эскадра разминулась с английским фрегатом "Галатея". Капитан фрегата вежливо приветствовал русского адмирала. Английский капитан шел под всеми парусами.

– Ишь, как поспешает, сердешный! – говорили, поглядывая на него матросы. – Видать уж больно что-то ему от нас надоть!

Как это обычно бывает, матросские предположения оказались недалеко от истины. Ни Сенявин, ни остальные наши моряки не могли знать, что на борту фрегата торопится в российскую столицу чрезвычайный посол маркиз Герфорд, везущий последние новости о переговорах в Лондоне по греческому вопросу.

Путь русским морякам знакомый. Как всегда, томительной была череда однообразных суток, заполненных вахтами, работами и ученьями. То и дело недолгая радость попутного ветра сменялась долгой маевой томительных лавировок. Вот как описывал этот начальный период экспедиции один из ее участников: "Наше плавание с выхода из Ревеля... было так

однообразно, что при всем желании я не могу ничего внести в журнал. Свежие и постоянно противные ветры, сильная качка, дождь, длинные вахты, однообразные повороты через фордевинд так надоели, что хотелось взяться за перо... Мы так привыкли к противным ветрам, что потеряли всякую надежду на попутный, но за всем тем свободное от службы время проводим довольно приятно в кругу своих товарищей..."

За Готландом корабли попали в первый крепкий шторм. Пришлось укрыться у берега, держась под малыми парусами. Больше всего хлопот доставляли паруса, которые из-за плохого качества парусины то и дело рвались. В одну из ночей потеряли из вида бриг "Ахиллес", отставший из-за малого хода. Как всегда бывает, в начале кампании, стали выявляться и всевозможные неисправности. То на "Святом Андрее" струнулись с места бимсы, и державший на этом корабле свой флаг контр-адмирал Гейден велел крепить их железными подпорами. Затем появилась течь на фрегате "Меркуриус", однако конопатчики справились за несколько часов. На траверзе острова Борнхольм Сенявина ожидала первая большая неприятность. Внезапно сильно потек 74-пушечный "Сисой Великий". По распоряжению адмирала эскадра легла в дрейф и на потерпевший "Сисой" отправили шлюпками конопатчиков со всей эскадры. Расшатанные волнами пазы кое-как наскоро забили вымоченной в сале пенькой, но флагманам было ясно, что линейный корабль в отряд выделяемый в Средиземное море уже не попадет наверняка. Особенно сильно был огорчен такому повороту командир "Сисоя" Дурасов, еще недавно столь блестяще отличившийся перед императором на маневрах. За время шторма отстал бриг "Ахиллес".

– Название бриг имеет достойное, а вот ход дурной! – высказался по этому поводу адмирал. – А потому ждать не будем. Сможет, пусть догоняет, не сможет, пусть разворачивается обратно. Не велика потеря!

В Копенгагене корабли пополнились припасами, налились водой. Офицерство, сменяясь с вахты ездило отобедывать в славящиеся своими изысками "Хотель де Май" и "Англитер" на сельдевые котлеты, вареных раков и старый добрый рейнвейн. Гардемарины, которым столь известные заведения были не по чину, да и не по карману, пили по кофейням горячий шоколад, и гуляли по саду наследного принца Фрединсборг, где раскланивались на тенистых дорожках с датским королем, спешившим с удочкой в руках на рыбалку.

Приехал посмотреть российские корабли директор датской морской академии Вульф. Гостя, как положено, пригласили "отведать хлеба и соли" в кают-кампанию. После десятой рюмки Вульф сообщил офицерам:

– Господа! Поздравляю вас, ведь вы плывете в Средиземное море блокировать Константинополь!

Офицеры ошалело переглядывались:

– Нам ничто ничего такого не сообщал!

– Ах, полноте, господа! – рассеяно махал им рукой академический директор. – О том уже вся Европа знает... кроме, конечно, вас!

Из Копенгагена Сенявин доносил Николаю Первому: "...Западные крепкие ветры с пасмурностью и теперь еще продолжают, эскадра, пользуясь сим неудобством быть на море, поспешает запастись свежей водой и с первым попутным ветром отправиться к Англии".

Получив послание от Сенявина из Копенгагена, где тот сетовал на негодные паруса, Николай Первый пришел в ярость, вызвав Моллера он устроил ему взбучку:

– Ну, когда же хоть что-то будет делаться у нас без пинков, сразу и как должно! Строжайше расследовать, отчего отпущены паруса худой доброты. Отрядить для сего комиссию, доложить немедленно, что открыто!

Увы, открыть ничего толком так и не удалось, а потому еще несколько лет наши моряки мучались со сгнившей на складах парусиной.

* * *

Во время стоянки в Копенгагене команды сидели на кораблях. Чтобы матросы не скучали, командующий велел давать им ежедневно по лишней чарке, играть музыку, а перед сном читать вслух сказки со счастливым концом.

И снова море... история донесла до нас достаточно сведений о судьбах великих мужей и до обидного мало о жизни обычных людей. Нетрудно узнать, что делал в тот или иной день король или знаменитый полководец, но почти невозможно выяснить, что делал тогда же какой-нибудь сапожник или скорняк. Ну, а как складывался распорядок дня у моряка русского флота тех лет, о которых идет повествование? Чем они занимались в свободное от службы время? О чем мечтали? К счастью такое свидетельство есть. Его оставил для потомков лейтенант Рыкачев шедший в эскадре Сенявина на линейном корабле "Гангут". Вот как он описывает обычный день плавания: "... До 2-х часов ходил один взад и вперед на баке. Мечты сменялись мечтами, я с удовольствием вспоминал первые годы молодости, и бог знает, чего не передумал! Но всего чаще мысли мои обращались туда... туда... все к одному предмету!

В 3 часа всех вахтенные офицеры и гардемарины собрались на шканцах и начались наши любимые беседы о берегах Италии и Средиземном море. Отважные уже летели в Дарданеллы и, бог знает, остановились бы они в Константинополе, если бы голос вахтенного лейтенанта "на марсафалах!" не заставил нас разойтись по местам...

В 4-м часу приказано было на кухне развести огонь и готовить чай в кают-компанию. Пробило 8 склянок; рассыльные торопятся вызвать новых вахтенных, наконец, они вышли, мы пустились вниз, переменяли мокрое платье и вместе в кают-компании сели пить чай... К чаю мы потребовали ветчины, сыру и яиц и, позавтракав довольно плотно, провели еще два часа в приятной беседе..., а в 6-ть разошлись по своим маленьким каюткам и легли спать...

Я проснулся в 10 часов. Везде еще скоблили и чистили. Выхожу на батарею и нахожу священника, собиравшегося служить молебен. Офицеры у пушки составили хор, я присоединился к ним, и мы пропели "многая лета" государю и императрицам. После службы завтракали у капитана, а там едва успел я сойти в кают-компанию, уже бьют рынду и нам опять пора на вахту... В два часа нас сменили к обеду, а в четыре после сытного обеда я очень неохотно вышел достаивать вахту. В шесть часов, при повороте, капитан много шумел на меня и, как, мне показалось, понапрасну. Зато, сменившись с вахты, на кубрике за чаем мы посмеялись над ним и над всем на свете. В 9-ть часов мы вышли подменить вахтенных ужинать и потом сверху я спустился ненадолго в кают-компанию. там пели, играли на гитаре, пили вино, а некоторые играли в вист и в шахматы. Однако, мне хотелось спать и я, не присоединившись ни к одной из партий, спустился еще ниже на кубрик в свою койку и как камень в воду до следующей вахты, т. е. до 4-х часов утра..."...Проливы эскадры форсировала тяжело при шквальном ветре и никудышной видимости. Только у одного мыса Скаген было потеряно десять дней безуспешных попыток поймать нужный ветер. Но вот, наконец, проливные теснины позади и бескрайнее Немецкое море мощно обрушило на корабли первую свинцово-серую волну.

– Сменить карты! – велели командиры, широко крестясь.

Штурманские помощники свернули старые проливные планы и раскатали новые, в дальнем углу которых уже значились британские берега.

На эскадре непрерывно игрались учения. Только закончится парусное, начинается пушечное, затем оружейное, а довершение всего и абордажное.

Постепенно определились лучшие и худшие ходоки. Худшими оказались "Эммануил" и "Аксандр Невский" легкими на ходу "Азов" и "Гангут", а лучшим из ходоков оказался фрегат "Проворный", вполне оправдавший свое имя.

В Английском канале снова пришлось поволноваться. На этот раз из-за неосмотрительности командира фрегата "Проворный" Епанчина. "Проворный" шел передовым форзейлем, и с него увидели обозначающую подводную скалу вежу всего за какую-то сотню сажень. К чести Епанчина, он коим-то чудом все же успел отвернуть. Не растерялись и на других кораблях. Моментально всюду полетели вниз лиселя. Эскадры, приводилась в бейдевинд. В конце концов, все обошлось благополучно, но поволноваться пришлось изрядно. Сенявин был очень зол происшедшим и велел "Проворному" отныне в наказание следовать позади всего флота.

Утром 28 июля с первыми лучами солнца эскадра уже входила на знаменитый Спитхедский рейд. Союзники встречали наших моряков достаточно торжественно. Среди кораблей и фрегатов густо сновали шлюпки, гремела музыка. Молоденькие англичанки, сидя на банкетках, кокетливо посылали бравым русским морякам воздушные поцелуи...

У входа на рейд грузно покачивался на волнах старый 100-пушечный "Виктори" – флагман Нельсона при Трафальгаре. Над линейным кораблем развевался флаг командира порта адмирала Роберта Стопфорга. А с берега русскую эскадру уже давно пристально рассматривал генерал-адмирал британского флота герцог Кларендский.

На рейде встречал своих соотечественников и фрегат "Константин", успевший к этому времени доставить в Англию посла Волконского.

Капитан-лейтенант Николай Петрович Епанчин

Гремели салюты. Наши залпировали адмиралу Стопфорту девятью выстрелами, герцогу девятнадцатью, а его жене, младшей сестре Георга Четвертого, двадцатью одним. В воздухе остро пахло жженым порохом, и порывистый ветер быстро разносил черные клубы дыма.

Едва ж корабли положили в спитхедскую тину свои становые якоря, рядом вновь засновали шлюпки. Теперь, однако, в них был люд далеко не праздный – торговцы-комиссионеры, наперебой предлагавшие свои услуги. Все официальные визиты были назначены на следующий день.

...Ранним утром русские моряки проснулись от внезапной бешеной артиллерийской пальбы. Кубарем скатываясь с коек, все бежали вверх. Протирая глаза, таращились, как невесть откуда взявшийся британский линкор "Ворспайт" яростно расстреливал из всех пушек, брошенные в воду ящики. На шканцах "Азова" равнодушно позевывал в кулак Сенявин:

– Англичане в своем духе. Мощь нам демонстрируют! Затем, попросив зрительную трубу у Лазарева, он навел ее на палящий корабль и долго что-то разглядывал. Возвращая же трубу, усмехнулся:

– А палят-то дерьмово. Ящики у них почитай все целехонькими плавают! Пойдемте досыпать, Михайла Петрович!

В батарейных палубах матросы чертыхались, снова укладывались в брезентовые койки-гамаки:

– Эка невидаль по головешкам палить! Енто у нас и рекрут может, скажи, Семка?

– А то-та! – слышалось из угла, где здоровенный Семка натягивал на голову одеяло. – Ентому хфокусу вы меня, Фрол Макарыч еще в Кронштадтах учивали!

В полдень Сенявин нанес визит адмиралу Стопфорту, затем беседовал и с герцогом Кларендским, угощаясь пивом с устрицами. Попросил, его, между прочим, избавить эскадру от беспокойного соседства с "Ворспайтом":

– Уж больно шумный, и главное, что без всякой пользы!

Герцог не возражал. Поговорили и о вопросах большой политики, балканских делах. Опытный в подобных делах Сенявин сразу завел разговор о снабжении британской стороной наших кораблей в Средиземном море. Англичанин в целом был «за», однако ничего конкретного не сказал. Удалось, однако, закупить трехмесячный запас провизии для судов, которые уйдут с Гейденом дальше в Средиземное море. Оптом закупились штурманские инструменты.

Пополняли припасы и сами моряки. Старосты кают-компаний закупили оптом дешевые фарфоровые сервизы, взамен разбитых на качке. В часы отдыха офицеры водили матросов смотреть местные парусные гонки, где, те с азартом болели за какого-то рыжего британца, ибо тот был похож на боцмана с "Иезекииля" Петровича. Ему так и орали:

– Давай, Петрович! Жми, Петрович!

А когда последний выиграл здоровущую серебряную вазу, качали британца, как своего, на руках.

Роберт Стопфорд

Тем временем Сенявин, встретившись с российским послом князем Ливеном и, получив от него последние петербургские инструкции, ознакомился с проектом договора о русско-франко-английском посредничестве в греческом вопросе. Вместе с Сенявиным в разговоре участвовал и Гейден. Ему вести корабли в Средиземное море, а потому он должен быть в курсе всех дел.

В проекте договора союзники предлагали Турции признать государственность Греции. Если же Высокая Порта отвергала это требование, то предполагалось соединенным союзным эскадрам "наблюдать строгое крейсирование таким образом, чтобы силою воспрепятствовать всякому покушению выслать морем, как из турецких владений, так и из Египта какое-либо вспомоществление войсками или судами и припасами против греческих сил на море или мест, ими занимаемых... Бude оно (крейсирование) скажется недостаточным для желаемой цели, в действительную блокаду Дарданельского пролива, между тем как таковая же блокада учреждена, быть может, и со стороны Черного моря..."

– Его императорские величество считает эту меру неизбежной, а я полагаю, что союзники на это согласятся с радостью! – с важным видом сообщил Ливен.

– Насчет радости я бы говорить не торопился! – несколько охладил его пыл Сенявин. – А вот то, что деваться от объединения им будет некуда, так это точно! Что же касается блокады Дарданельской, то помяните мое слово, что кроме нас никто ее учинять никогда не будет!

– Надлежит оказывать всяческую помощь новому греческому президенту Каподистрии! – продолжил свои инструкции Ливен.

– Это мне и так ясно! – коротко кивнул Сенявин. – Скажите лучше, как быть при встрече с австрийцами, ведь они, как всегда, опять будут мелко гадить!

– Поведение эскадренного начальника против них должно быть основано на добром согласии с союзниками! – ушел от прямого ответа Ливен.

– И это понятно! – хмуро бросил Сенявин.

Гейден в разговор не вмешивался, а больше слушал.

– Для дипломатических переговоров мы командирuem господину Гейдену господина Катакази, бывшего нашего консула в Морее. Гавриил Антонович!

– позвал князь Ливен.

Вошел Катакази, небольшого роста полноватый и слегка седеющий грек. Поздоровался с Сенявиным и Гейденом. Обменялся дежурными любезностями.

Катакази Гавриил Антонович был внуком эмигрировавшего в свое время в Россию грека-маниота. С 1812 года состоял в русском посольстве в Константинополе. В 1821 во время массовой резни греков в Константинополе помог избежать расправы многим своим соотечественникам, затем исполнял дипломатические поручения на Средиземноморской эскадре. Впоследствии был российским посланником в Греческом королевстве.

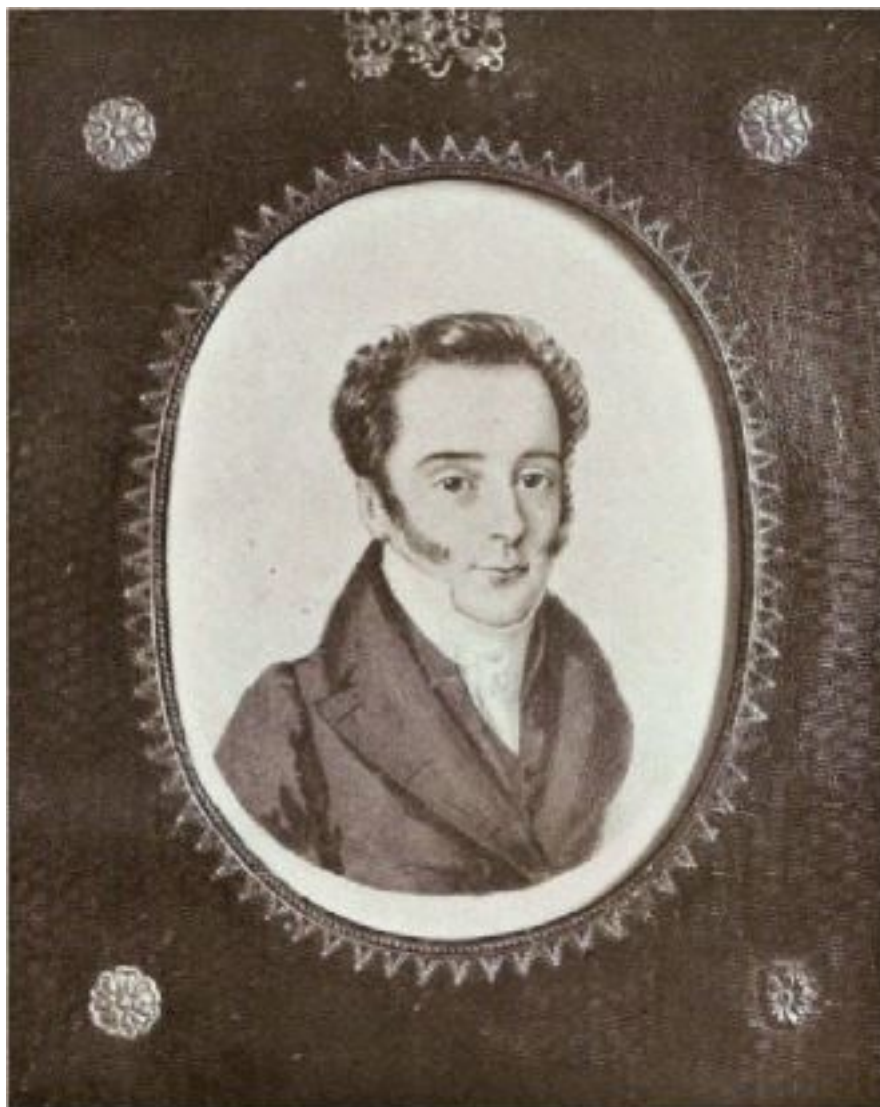
– Что касается господина Гейдена, – продолжил разговор Ливен, – то, по мнению министра Несельроде, он должен внушить грекам спасительную истину о необходимости принятия предлагаемого союзными державами перемирия, а, кроме того, подружиться с Каподистрией!

– Что касается внушения, я, конечно же, приложу все усилия, но что касемо дружбы, то сами понимаете, что здесь как получится! – подал голос Гейден.

– Ничего! – усмехнулся Ливен. – Побудете в шкуре дипломата, поймете, как нелегко нам бывает. А что касемо дружбы, то в ней вам поможет господин Катакази!

Гейден мрачно поглядел на посольского чиновника, понимая, что в его лице получает царского соглядатая и информатора. Тот, в свою очередь, неприязненно глянул на контр-адмирала. Вместе им предстоит плавать и сотрудничать еще долгих три года, но неприязнь, возникшая в первую же встречу, останется между ними навсегда.

– Ныне меня более иного волнует вопрос снабжения эскадры в Архипелаге! – сменил тему Сенявин.

Гавриил Антонович Катакази (1794–1867)

Ливен заулыбался:

– Пусть это вас не волнует, наш министр Несельроде считает, что вполне можно приискать способ закупать продовольствие прямо на островах!

Гейден вопросительно посмотрел на адмирала. Сенявин покачал головой, поднял на посла злые глаза:

– Острова греческие ныне дотла разорены многолетней войной, а потому, по личному знанию тамошних обстоятельств, могу сказать вам, что жители архипелажские, сами давно голодают, а потому никого и ничем они снабдить не смогут, какие бы вы им деньги не сулили.

– Как же тогда быть? – сразу сник князь.

– Следует спешно договориться с англичанами о снабжении нашей эскадры с Мальты, кроме этого изыскивать способы во Франции и Италии, а лучше всего в Сицилии и Сардинии.

* * *

После отъезда Ливена, Сенявин собрал к себе флагманов и командиров.

– Господа! – начал он своим тихим, но уверенным голосом. – Его императорским величеством соблаговолено отправить в Средиземное море отряд из состава вверенной мне эскадры для выполнения миротворческой миссии!

Затем командующий определил и состав отправляемого отряда.

– "Азов", "Гангут", "Иезекииль", "Невский", "Константин", "Елена", "Проворный", "Кастор"! – произносил он, медленно глядя в лица командиров, называемых им кораблей и фрегатов.

Есть! Есть! Есть!... – вскакивали со своих мест командиры-счастливцы: Лазарев и Авинов, Свинкин и Богданович, Еропкин 1-й и Еропкин 2-й... Капитаны, уходящих в Средиземное море судов, были опытнейшие из опытных! Командир "Иезекииля" Иосиф Свинкин имеет на своем счету тридцать морских кампаний! Этот старейший из капитанов воевал еще под началом Ушакова и молодого Сенявина. Двадцать восемь уничтоженных и захваченных неприятельских судов в его послужном списке! Командир "Гангута" Авинов еще волонтером участвовал в знаменитом Трафальгарском сражении, был в кругосветном плавании на шлюпе "Открытие". Командир "Александра Невского" Лука Богданович дрался вместе с Сенявиным при Афоне и Дарданеллах, отличился в 1812 году, командуя канонерскими лодками при взятии Митавы, а затем и при штурме Данцига...

– Начальником отряда с правами эскадренного командира высочайшим указом определен контр-адмирал Гейден! – продолжал тем же тоном Сенявин.

– Есть! – склонил, не вставая, голову младший флагман.

– С утра начинайте подготовку к отплытию! Прибыв на свои корабли и фрегаты, командиры тотчас объявили новость командам и начал готовиться к походу.

День подписания Лондонского трактата совпал с днем рождения Николая Первого. Обрадованный этим счастливым совпадением, князь Ливен писал в Петербург Несельроде, предполагая, что его письмо будет прочтено и императором: "С этого дня будет считаться возрождение христианского народа и его благославления придадут новый ореол годовщине, столь священной для нас". Суть Лондонского договора – это повтор Петербургского протокола 1826 года признавшим Грецию государством с собственными законами, но формально остающимся под верховной властью султана. В случае, если Порта отвергнет такое предложение, то соединенным эскадрам трех держав «предназначено наблюдать строгое крейсирование таким образом, чтобы силою воспрепятствовать всякому покушению выслать морем, как из турецких владений, так и из Египта какое-либо вспомоществование войсками или судами и припасами против греческих сил на море или мест, им занимаемых...»

Что касается императора Николая, то он считал действие соединенных эскадр неизбежной и полагал. Что и англичане, и французы на нее согласятся.

Отсылая письмо, князь Ливен рассчитывал на Владимира второго класса, но прижимистый на награды Николай Первый, прочитавши панегирик в свою честь, решил иначе:

– Хватит с него и Анны!

29 июля Ливен на маленьком колесном портовом парходике прибыл к Сенявину на "Азов".

– Переговоры с турками возложены на российского, английского и французского послов в Константинополе, а переговоры с греками на союзных адмиралов! – первым делом сообщил посол Сенявину с Гейденом. Кроме этого он привез сообщение, что на основании заключенного трактата в Средиземном море уже крейсируют английская эскадра вице-адмирала Эдварда Кодрингтона и французская контр-адмирал де Риньи. Общий состав союзной эскадры установлен чрезвычайными послами в двенадцать линейных кораблей и столько же фрегатов.

– Кто планируется в главнокомандующие? – спросил Сенявин.

– Я, с ведома императора, предложил кандидатуру вице-адмирала Кодрингтона. Как и ожидалась, это польстило британскому кабинету, а с нас не ubyло! Французы поартачились, но тоже вынуждены были согласиться!

– Вполне разумно! – согласился с Ливеном Сенявин. – Главное, чтобы выиграло дело!

– Прошу вас, Дмитрий Николаевич, поторопиться с отправкой эскадры графа Гейдена! – сказал, прощаясь с Сенявиным, Ливен.

– Мы и сами спешим, так что не волнуйтесь! – заверил его адмирал.

– О Кодрингтоне слышан весьма! Хороший моряк и честный человек! Он, очевидно и возглавит союзные силы. Что касается де Риньи, то я не слышал о нем ничего! – сообщил после проводов посла, за вечернем чаем, Гейдену Сенявин. – Интересно было бы поглядеть как станут дружить англичане с французами после стольких лет войны между собой!

С верхней вахты доложили:

– На рейд заходит судно под Андреевским флагом!

– Кто же это может быть? – подивился Сенявин и поднялся на шканцы.

Взяв трубу, навел окуляры, прочитал славянскую вязь над кормовым подзором: "Кроткий".

А с "Кроткого" уже палили адмиральскую салютацию.

Шлюп "Кроткий" возвращался домой из трехлетнего кругосветного плавания. Побывав на Камчатке и Аляске, он спешил теперь в родные пределы.

– Шлюпку к спуску! – велел капитан – лейтенант Фердинанд Врангель.

Затем он обернулся к своему старшему офицеру Матюшкину:

– Пока я буду с докладом у адмирала, распорядись Федор о доставке свежей воды и закупке зелени!

– Не беспокойтесь! – кивнул лейтенант. – Все исполним в лучшем виде!

Врангель задержался у Сенявина на несколько часов. Адмиралу было интересно послушать подробности кругосветного вояжа.

– Завидую вам, молодым! – говорил он, на прощание Врангелю руку пожимая. – Был бы на пару десятков лет моложе, плюнул бы на все и тоже к берегам американским поплыл!

Командиру "Кроткого" он разрешил, не дожидаясь эскадры, возвращаться в Кронштадт самостоятельно. Понимал, как соскучились за годы странствий по дому и семьям.

А на следующий день Сенявин разразился разгромным приказом по эскадре. Поводом к нему послужило увиденное адмиралом на "Азове". Т офицеры били по лицам матросов. Среди замеченных Сенявиным оказались лейтенанты Нахимов, Кутыргин и Розерберг, которых командующий велел тут же арестовать на строе суток...

Когда-то еще в Чесменскую кампанию, матросы чуть не забили веслами упавшего за борт капитана Круза, который славился мордобойством. Тогда под занесенными над головой веслами Круз попросил прощения, обещал никогда более не трогать подчиненных, и был пощажен. Слово свое он сдержал и дослужившись до высоких адмиральских чинов не только не трогал матросов, а и строго взыскивал с тех, кто себе подобное позволял. Будущему герою Синопа и Севастополя для понимания этой истины хватило лишь сенявинского приказа. Придет время, и матросы будут боготворить Нахимова, а пока молодой лейтенант пытался во всем подражать своему кумиру Лазареву, который, к слову сказать, всегда отличался "чрезмерной строгостью" к нижним чинам...

Свой суровый приказ старый адмирал посвятил единению кают-компании и батарейной палубы. Это был даже не столько приказ, сколько нравственное завещание старого флотоводца молодому поколению моряков России. Он писал: "...Должно требовать с гг. офицеров, чтобы они чаще обращались со своими подчиненными, знали бы каждого из них и знали бы, что служба их не состоит только в том, чтобы командовать людьми во время работ, но что они должны входить и в частную жизнь их. Сим средством приобретут они к себе их любовь и

даже доверенность, будут известны и об их нуждах и отвлекут от них всякий ропот, донося о их надобностях капитану.

Начальник и офицеры должны уметь возбудить соревнование к очередной службе в своих подчиненных ободрением отличнейших. Они должны знать дух русского матроса, которому иногда спасибо дороже всего.

Непристойные ругательства во время работ не должны выходить из уст офицеров, а неисправность и проступки матросов наказуются по установленной военной дисциплине.

Так может случиться, что ваша эскадра будет употреблена на военные действия, то тем паче должны гг. командиры и офицеры приобрести к себе искреннюю любовь подчиненных, дабы с лучшей пользой употреблять их в нужное время..."

Дмитрий Николаевич Сенявин проживет еще несколько лет, сделает еще немало добрых дел, но именно этот приказ будет памятен русским флотом, как прощальный... Самому ж адмиралу предстояло теперь вести большую часть эскадры обратно в Кронштадт. Так распорядился император. Нет, Николай вовсе не желал обидеть заслуженного флотоводца. Он искренне полагал, что старика адмирала, наоборот, может обидеть столь незначительная должность, как начальник маленькой эскадры – отряда. Николай Первый ожидал от Сенявина помощи в деле переустройства всего морского министерства и старый флотоводец был нужен ему не за тридевять земель, а рядом.

В ночь с 6 на 7 августа флагмана перенесли свои флаги. Старший (Сенявин) с "Азова" на "Царь Константин", а младший (Гейден) со "Святого Андрея" на "Азов". Согласно морского устава командир флагманского корабля принял на себя и обязанности флаг-капитанов (т. е. начальников штабов): капитан 1 ранга Иван Бутаков при Сенявине, а капитан 1 ранга Лазарев -2-й при Гейдене.

...Был час пополудни 8 августа 1827 года, когда, отслужив напутственный молебен, назначенные в средиземноморское плавание суда, снялись с якорей и, следуя за головным "Азовом" (куда перенес свой флаг контр-адмирал Гейден), один за другим отчаянно "срезали корму" 74-пушечному "Царю Константину", салютуя одиннадцатью залпами. Лихим маневром своих подчиненных Сенявин был доволен.

– Молодцы, истинно, молодцы! – говорил он, придирчиво вглядываясь в проходящие мимо корабли и фрегаты. – Дай то господь такими явить им себя и при возможной встрече с неприятелем...

От избытка чувств у старого флотоводца перехватило горло, и он теперь лишь, молча, махал рукой тем, кто сейчас уходил в далекие моря продолжать когда-то начатое им...

На палубе "Царя Константина" толпились взятые в плавание до английских берегов гардемарины. Неокрепшими еще голосами кричали они "ура", размазывая по щекам слезы обиды на свой несправедливый жребий.

Чуть погода, поредевшая эволюционная эскадра взяла курс к родным берегам.

Стоя на кормовом балконе, Сенявин провожал взглядом новоявленных средиземноморцев. Его Средиземноморская кампания длилась более пяти лет и сложилась на редкость драматично. Каково-то все сложится ныне? Корабли Гейдена уходили все дальше и дальше, пока с линии горизонта не пропали последние паруса.

* * *

Море было спокойным, а ветер благоприятствовал мореплавателям. На исходе первых суток похода, миновав скалистый мыс Лизард, Гейден распорядился отпустить британских лоцманов. Контр-адмирал предполагал проскочить до сицилийской Мессины без захода в какие-либо промежуточные порты.

Погода и ветер благоприятствовали. Миновав Английский канал, суда делали уже до десяти миль в час.

Молодежь радовалась:

– Ежели так и далее будет, то через неделю в опере итальянской сживать будем! Капитаны, впрочем, не обольщались.

– Не накаркайте, – одергивали мечтателей. – Мы предполагаем, а Господь располагает! И точно, за мысом Сент-Вицент эскадра попала в полосу полнейшего штиля. Корабли и фрегаты буквально застыли среди недвижимого зеркала вод, словно стянутые какими-то неведомыми путами.

Пока суда Средиземноморской эскадры ждут, когда косицы вымпелов вновь вытянет свежий ветер, попробуем ближе взглядеться в лица тех, кому судьба даровала право идти вперед навстречу неизвестности.

Контр-адмирал Людвиг – Сигизмунд – Иаков Гейден Гейден был родом из семьи гофмаршала штатгальтера Соединенных провинций Ван-Гейдена. История его жизни настолько полна самых невероятных приключений, что ее, пожалуй, хватило бы на добрый десяток романов.

С детства будущий российский адмирал воспитывался вместе с сыновьями штатгальтера принцами Вильгельмом и Фредериком. К морю Гейдена начали приучать с одиннадцати лет, как это вообще было принято в Голландии, а потом и вовсе не смотря на знатность, отправили служить в Ост-Индийскую эскадру. На родину лейтенант Гейден вернулся только в 1795 году, как раз в тот момент, когда его родина была оккупирована французами, и объявлена Батавской республикой. Друзья детства Грейга принцы Оранского дома оказались в смертельной опасности.

– Не бойся, Вильгельм! Не переживай, Фредерик! – приободрял оробевших принцев лейтенант, когда вместе с адмиралом Вальяно на рыбацкой лодке перевозил их в Англию.

– Вот вы и в безопасности, ваши высочества! – раскланялся он, когда лодка ткнулась носом в песчаный пляж.

– Оставайтесь с нами! – убеждали его спасенные принцы. – Ты наш самый верный друг и мы тебя не забудем!

– Я слишком давно не был дома и хочу навестить матушку! – отвечал им Гейден, отталкиваясь веслом от берега.

Едва молодой роялист вновь вступил на голландскую землю, как был немедленно арестован и брошен в застенки.

– Готов ли ты чихнуть в мешок? – поинтересовался комиссар конвента.

– Вполне! – отвечал лейтенант. – Сколько же можно страдать насморком!

От гильотины лейтенанта спас командующий французской армией генерал Пишегрю, сам бывший в глубине души роялистом. Пишегрю самолично вычеркнул имя Гейдена из списка осужденных на казнь.

– Больше помочь тебе ничем не могу! – сказал он.

– Что же мне делать теперь?

– Бежать и чем дальше, тем лучше!

Едва оказавшись на свободе, Гейден решает более не испытывать судьбу и побыстрее покинуть Отечество. Но куда ехать? Только туда, где нужны храбрые и предприимчивые, а это значит в далекую и снежную Россию!

Так в 1795 году Гейден оказался в Петербурге и был принят по повелению императрицы Екатерины на флотскую службу в капитан-лейтенантском чине. Отныне его уже величали на русский лад Логином Петровичем. Служить Гейден в России начинал на Черноморском флоте под водительством самого Ушакова. Под его же флагом участвовал в Средиземноморской экспедиции. Особых подвигов он там не совершил, но зарекомендовал как знающий и грамотный моряк. Русский язык учить начал с боцманской брани. Когда ее освоил в совершенстве,

все остальное пошло уже легко. Затем трудился в Морском корпусе, командовал различными кораблями на Балтике, исполнял и береговые должности. Удачно женился. Брак принес ему шесть детей, поровну сыновей и дочек. В шведскую войну 1808 года командуя отрядом гребных судов, трижды участвовал в кровопролитных боях со шведами и разгромил неприятельскую эскадру в бою у острова Комито. В 1810 году Гейден принимает российское подданство, тем самым навсегда связывая свою жизнь с этой страной, а спустя три года отличается и при бомбардировке Данцига, за что удостоивается золотой шпаги "За храбрость" и капитан-командорского чина. Позднее Гейден командует гребной флотилией, губернаторствует в Або и Свеаборге. Но случай показать себя по-настоящему выпал ему лишь в году 1817, когда Свеаборг посетил великий князь Николай Павлович (будущий император). Тогда контр-адмирал завел с будущим императором настолько откровенный разговор о бедственном положении флота, что многое для Николая стало сущим откровением. Опытный и храбрый моряк с аристократическими манерами, полной приключениями жизнью и знанием шести языков произвел должное впечатление. Проникнувшись за это к Гейдену большим уважением, Николай Первый запомнил его. По-видимому, именно поэтому, в обход многих других достойных адмиралов он поручает именно Гейдену через десять лет возглавить столь серьезное мероприятие, как Средиземноморской поход.

Современники никогда не считали Логина Петровича великим флотоводцем, признавая, при этом, его прекрасную морскую подготовку. Единодушно все отзывались о нем, как о человеке исключительной честности и большой добропорядочности, что, тоже, согласитесь, встречается не так уж часто!

Историк (и это была женщина!) писал впоследствии о нем так: "Граф Гейден пользовался всеобщим уважением и любовью во флоте, как симпатичный и обходительный человек, обладавший светскими манерами. Если необходимо было распечь кого-нибудь, то его выговоры обычно ограничивались приглашением откусить к нему хлеба соли. Гостеприимный дом графа был своего рода светской школой для флотской молодежи. Вообще, по отзывам всех разноплеменных и разнохарактерных личностей, с которыми приходилось графу сталкиваться, это была личность светлая, обладавшая глубоким, разносторонним образованным умом и прекрасными качествами сердца..."

Логин Петрович Гейден (1773–1850)

Пользуясь непредвиденной заминкой со штилем, Гейден велел звать к себе на обед корабельных и фрегатских капитанов. Пока вестовые подливали собравшимся в бокалы портвейн, контр-адмирал, отодвинув в сторону ростбиф, посвящал подчиненных в свои ближайшие планы:

– Прежде всего, предполагаю я завернуть в Мессину, чтобы дать там командам хоть малую передышку. Далее ж поплывем на Ханте, где по предварительной договоренности нас должны поджидать союзники.

– А будут ли слать эскадру французы! – поинтересовался словоохотливый Еропкин 1-й, старший.

– Англичане дали свое согласие на участие, – ответил Гейден, – А о французах не знаю.

– По мне и сами управимся! – продолжил мысль брата Еропкина 2-й, младший.

– Господа, прошу к карте! – пригласил офицеров Михаил Лазарев, исполняющий отныне помимо основной должности и обязанности начальника штаба эскадры.

Раскрыв записные книжки, и вооружившись остро отточенными карандашами, командиры судов тщательно записывали все услышанное. Обсуждали уже детали: походный ордер, маршрут, точки возможных рандеву.

Из письма лейтенанта Павла Нахимова Рейнеке: "Свежий ветер нас подхватил, сколько возможно пользуясь им, в пять дней долетели до мыса Сан-Винсента. Оставалось на одни утки переходу до Гибралтара, уже начали мечтать, что скоро достигнем цели своих желаний, но, как нарочно, штили и противные ветры продержали нас очень долго, не впуская в Средиземное море. 24 августа прошли Гибралтар. С сего числа ветер все время нам не благоприятствовал, и все переходы наши были несчастливы..."

Корабельная жизнь текла своим чередом. Несмотря на погоду, настроение у всех было приподнятое. И если вечерами матросы лихо отплясывали "камаринского" на баке, то офицеры в это же время с не меньшим воодушевлением распевали под гитару романсы в кают-компаниях.

* * *

За Гибралтарской скалой на мореплавателей обрушилась небывалая жара. И хотя палубы непрерывно поливали забортной водой, смола из пазов все равно текла ручьями.

– А какой у нас в Устье мороз, аж уши заворачивает! – мечтательно вздыхал в тени паруса какой-то молоденький матросик. – Не то, что тутошняя жарница, будь она не ладна!

– А ты без толку не лайся, – одергивали его ветераны средиземноморских компаний. – Это еще цветочки, а вот как с пустынь Египетских дунет их сиротка, вот тогда уж точно ад будет!

"Сироткой" ветераны компаний средиземноморских именовали знойный африканский "сирокко", а вот на счет ада говорили правду сущую, ибо от "сиротки" добра ждать не приходилось!

Вскоре среди молодых матросов пополз слух, что от пекла и солнца можно почернеть до полного африканского обличья.

– Куды ж я ефиепом али арапом чернорожим к Матрене своей возвернуся! – не на шутку пугались они. – Меня ж не то, что девка, мать родная не признает!

– Не журись, сердешные, – утешали их старики, в усы промеж себя посмеиваясь. – Мы вот уж третью гулянку сюды делаем, а арапами так и не сделались! Чернота тутошняя враз сходит.

– Слава-те, хосподи, – крестились матросики обрадовано. – А то напугали добрых людей до конца жизни!

И снова дневниковые записи одного из участников плавания: "До 5-го сентября тихие и противные ветры и штили держали эскадру почти все на одном месте на высоте острова Сардинии. 5-го в полдень получили легкий попутный ветер, но 6-го опять штилевали, а 7-го перед рассветом задул попутный ровный ветер и к вечеру сильно засвежел, так что всю ночь мы держали по 11-ти узлов".

Порывистый и сильный зюйд-вест буквально рвал паруса. Суда сильно качало. Со шканцев флагманского "Азова" было хорошо видно, как, они-то по самые мачты зарывались в волне, то, наоборот, ею же подхваченные, взлетали ввысь на пенных гребнях. Эскадра держала курс на Полермо.

Очередной походный день уже клонился к вечеру, и свободные от вахты офицеры "Азова" коротали время в кают-компаниях.

Вот в углу за шахматным столиком пристроились мичмана Корнилов и Завойко. Вот гардемарины Володя Истомина, печально музицирующий что-то, на изрядно расстроенном рояле.

Мичман Саша Домашенко, уютно устроившись на диване, читает какой-то толстый французский роман. За кормовым балконом стонет ветер, частый дождь барабанит в стекло.

– Еще пару суток, господа, и погуляем по проспектам полермским! – поднял голову от шахмат рассудительный Володя Корнилов. – Кто как мыслит проводить время на берегу?

– Я на рынок сразу загляну! – подал голос гардемарин Истомин. – Непременно хочется фруктов здешних отведать, да и домашним подарки сделать надобно!

– А я в оперу! – оторвался от книги Домашенко. – Давно мечтал послушать настоящих итальянских теноров!

В дверь прошел только что сменившийся с вахты Павел Нахимов. Поеживаясь, кинул на вешалку мокрую от дождя фуражку.

– Начали лавировать на правый галс. – сообщил скороговоркой присутствующим. – А погода пропасть!

К лейтенанту подбежал расторопный вестовой, поставил стакан "адвоката" горячего крепко заваренного чая. Присев за стол и помешивая ложкой сахар Нахимов уже заинтересованно посматривал за развитие шахматной дуэли Корнилова с Завойко.

Внезапно за окном кают-компания раздался чей-то громкий и короткий вскрик. Офицеры повскакивали с мест.

– Матрос с мачты сорвался! – крикнул на ходу Нахимов, устремляясь к выходу.

Домашенко отбросил в сторону книгу. Вскочил. Какое-то мгновение он стоял неподвижно, затем же решительно бросился к окну. Рывком распахнул ставни и без раздумий кинулся за борт в круговерт волн и пены.

– Саша! Опомнись! Это же безумие! – кричали ему вслед, но было уже поздно.

Вдогонку прыгнувшему в море мичману швырнули первое, что попало под руки – стул. Вслед за стулом и какой-то пустой бочонок.

Домашенко тем временем подплыл к барахтавшемуся в воде матросу. тот, нелепо размахивая руками, уже начинал захлебываться.

– Держись за меня! – крикнул мичман. – Продержимся! На шканцах "Азова" уже немногословно и деловито распорядился Лазарев. – Скорее! Может еще успеем! – подгонял он карабкавшихся по вантам матросов. Вывалившись из общего строя, "Азов" резко положил руль вправо и, отчаянно кренясь, лег на развороте. На фалах его трепетали флаги "Человек за бортом".

Маневр Лазарева был рассчитан ювелирно точно: он не только вернул корабль в точку падения людей, но и постарался, одновременно, прикрыть их корпусом от волн и ветра. Шлюпку сбрасывали буквально на ходу. По концу с разбегу бросились в нее гребцы, последним спрыгнул Нахимов. Именно ему было доверено спасение товарища. Один раз в своей жизни в подобный шторм Нахимов уже рисковал своей жизнью спасая матроса, то было еще на "Крейсере" в кругосветном плавании. Тогда к матросу не успели, но может, повезет на этот раз...

– Осторожней, Павел! – кричит ему, свесившийся за борт Лазарев. – Заходи с наветра!

– Знаю! – машет рукой Нахимов. – На весла! Навались!

Зарываясь в разводьях пены, то появляясь, то исчезая среди волн, шлюпка устремляется к погибающим.

– Два-а-а! Раз! Два-а-а! Раз! – хрипло кричит гребцам лейтенант, сжимая рукой румпель руля.

Нахимов тревожно вглядывается вдаль: не мелькнут ли среди волн головы мичмана и матроса?

– Вижу! Вижу! Вот они! – внезапно кричит впередсмотрящий. – Господин лейтенант, берите левее!

Теперь едва держащихся на воде людей видит и сам Нахимов.

– Поднажмите, братцы! – обращается он к гребцам. – Еще чуть-чуть осталось! Но матросов и не надо подгонять. Они и так из последних сил рвет на себя весла. Внезапно шлюпка со всего маха врежется в набежавшую волну. Ее отшвыривает в сторону, но твердая рука рулевого снова и снова направляет ее к намеченной цели.

Вот уже до Домашенко с матросом рукой подать. Видно, как мичман пытается поддержать на плаву обессиленного товарища. Домашенко что-то кричит, но ветер уносит его слова и ничего не слышно. Все ближе шлюпка! Вот-вот люди будут спасены!

Но судьба распорядилась иначе. Когда до мичмана с матросом оставалось каких-нибудь пять-шесть саженей, очередная волна накрыла несчастных с головой. Больше их уже не видели...

Более часа кружила на месте гибели товарищей шлюпка. До боли в глазах вглядывались, а вдруг где вынырнут? Но тщетно: море редко выпускает свои жертвы обратно...

Согнувшись, беззвучно плакал в бессилии Павел Нахимов, слез своих не стесняясь. Да и трудно было отличить их в такую пропасть от штормовых брызг.

Благородный подвиг Домашенко потряс всю эскадру. Поднимая поминальный стакан, контр-адмирал Гейден сказал:

– Старик Сенявин был бы счастлив этим подвигом! Вот уж воистину Домашенко отдал жизнь за други своя! пусть же будет ему пухом дно морское!

Друзья "азовцы" переживали гибель товарища особенно тяжело. В тот день, запершись в каюте, лейтенант Нахимов писал в далекий Архангельск Рейнеке о смерти их общего сотоварища: "О, любезный друг, какой великолепный поступок! Какая готовность жертвовать собой для пользы ближнего! Жаль, очень жаль, ежели этот поступок не будет помещен в историю нашего флота..."

Памятник мичману Домашенко

Забегая вперед, можно сказать, что "азовцы" так и не забыли подвиг своего товарища. Едва позади остались последние мили средиземноморского похода и корабли бросили свои якоря в кронштадтский грунт, офицеры "Азова" немедленно собрали деньги на памятник Домашенко. Решение кают-компании "Азова" о сооружении памятника одобрил и Николай I,

сам приславший для этой цели некоторую сумму. Тогда же распорядился он и о назначении "приличествующей пенсии" матери и сестре Александра Александровича Домашенко.

А вскоре в Летнем саду Кронштадта был открыт и скромный обелиск. Надпись на нем гласила: "Офицеры "Азова" любезному сослуживцу, бросившемуся с кормы корабля для спасения погибающего в волнах матроса и заплатившему жизнью за столь человеколюбивый поступок".

Но все это еще впереди, а пока эскадра, приспустив в знак траура по погибшим флаги, продолжает свой путь в неведомое. Русских моряков ждут впереди долгие годы боевой страды, походы и крейсерства, впереди у них еще самое главное – пламя и слава Наварина!

Глава шестая

В поисках союзников

Пока корабли Гейдена качались на средиземноморских волнах, держа курс строго на норд-ост, вокруг них разворачивался новый раунд политической схватки. На этот раз за честь России предстояло постоять посланнику в Неаполе графу Штакельбергу. Посланник был озабочен как лучше предварить приход эскадры в итальянские порты. С этим он и явился к министру иностранных дел королевства кавалеру Медичи. И принимающий, и посещающий были в дипломатии не новичками. Граф был изысканно любезен, кавалер не менее учтив.

Справившись с мучавшей кавалера подагрой и поинтересовавшись здоровьем кавалерской супруги, Штакельберг плавно перешел к сути своего визита:

– Мне, ваша милость, было бы небезынтересно оговорить условия пребывания эскадры российской короны в портах вашего королевства!

– О, мы всегда рады добрым гостям! – заученно растянул улыбку Медичи. – Но... зачем вы, собственно говоря, плывете именно к нам?

– Есть ли еще более гостеприимный народ, чем итальянцы! – ответил ему Штакельберг с выражением самым счастливым. – А к тому же мы рассчитываем дать здесь отдых нашим измученным командам и пополнить запасы воды!

– Ах, мой дорогой граф, – молвил Медичи (улыбка с лица у него уже сползла).

– Ведь Высокая Порта обидеться на нас за такой поступок! Мы и так слишком часто нервируем султана Махмуда, а теперь он и вовсе озлобится!

– Но сейчас не времена пиратов Барбароссы и просвещенный Запад никому вас в обиду не даст! – тут же привел свои аргументы российский посол.

– Его величество король Фердинанд еще восемь лет назад ограничил посещение военными судами – несколько занервничал Медичи. – Там, где стоят гарнизоны, мы допускаем по четыре судна, туда же, где их нет по три! В ответ Штакельберг только хмыкнул:

– Но ведь еще в 1787 году между нашими дворами был заключен договор об особых льготах русским судам. Подтверждая свои слова, граф выложил перед министром и сам документ. Кавалер Медичи надолго уткнулся в бумаги своим длинным фамильным носом. Наконец он поднял глаза:

– Все это так, но...

Препирались долго. Наконец сошлись на том, что линейные корабли итальянцы будут запускать в свои гавани, согласуясь с параграфами года 1819, зато фрегаты и корветы будут пользоваться льготами года 1787.

– Но подобное исключение, граф, мы позволяем вам в последний раз! – решающее слово Медичи оставил за собой.

В ответ Штакельберг лишь утвердительно кивнул головой. К чему ничего не значащие слова, от которых завтра так легко отказаться. И кто может знать, какие карты выбросит политический пасьянс через год, два! Сейчас же главное сделано, и эскадра Гейдена сможет теперь спокойно отстояться на тихих итальянских рейдах.

9 сентября на рассвете с салингов русских кораблей увидели берег. То была Сицилия – земля древняя и благодатная. Подойдя к острову, корабли один за другим приводились в бейдевинд и ложились в дрейф. Позади более месяца непрерывного плавания.

Палермо встречал русских моряков ослепительной южной красотой и душистым запахом апельсинов. На причале, куда подошли первые шлюпки, прибывших бурно приветствовала толпа местных нищих, в нетерпеливом предвкушении вина, скандалов и драк.

– Чтой-то много у них люда бродячего! – делились меж собой матросы-гребцы с любопытством разглядывая живописное сборище.

– А чего им тут не бродяжничать! – разъяряли остальные более наблюдательные. – Снегов да морозу здесь нету, лето круглый год, палку в землю ткни, и та растет. Чем не жисть!

– И то верно, – соглашались все. – Коли жисть тут райская, чего ж лодыря не корчить!

В местной опере в тот вечер давали Россини "Каро-де-Феро" и первые ряды партера были гостеприимно уступлены горожанами русским офицерам. Ах, как бешенно аплодировали лейтенанты и мичмана, как неистово кричали они "браво" зычногосой приме Парлимане. Зал буквально стонал от восторга. А затем мужественных мореходов дерзко увозили во тьму улиц обольстительные и чувственные итальянки...

Сама прима удостоилась объятий лихого мичмана с "Иезекииля" и была счастливейшей из смертных. Утром певица самолично привезла предмет своего обожания прямо в гавань.

– Слышал, что девицы здешние прекрасны, но то, что лучше их не бывает, теперь убедился сам! – авторитетно сообщил мичман, спрыгнув в шлюпку к своим сотоварищам.

А с берега пышнотелая Парлимане, выставив вперед ослепительнооткровенное декольте, все посылала и посылала ему воздушные поцелуи: Гейден отнесся к массовому загулу офицерства спокойно:

– Скоро у них кончатся деньги, а вместе с ними убавится и прить!

Матросов на берег спускали тоже щедро, в несколько очередей. Те с удовольствием пили дешевое вино в портовых трактирах, да хватали за пышные бока хохочущих от восторга прачек и рыбных торговков.

Из записок лейтенанта Александра Рыкачева с корабля "Гангут": "...Сменившись с вахты и отдохнув не более часа, я поспешил на берег к моим знакомым, чтобы ехать с ними в их загородный дом. Приехав на пристань..., я нашел коляску герцогини, присланную за мной... Старая княгиня с двумя племянницами, молодыми девушками, поехали в большой карете, а я с ее сыном и герцогиней, в прекрасной коляске... Остановились у... двухэтажного дома. Внизу была большая зала, посреди которой из мраморной вазы бил фонтан, а в воде играли золотые рыбки... В 4 часа мы сели за стол, обед был очень хорошо приготовлен, а после десерта отправились наверх есть мороженое. После обеда герцогиня играла на фортепиано, прекрасно пела... Вечером мы еще долго гуляли по саду, ужинали в павильоне и очень поздно разошлись по своим комнатам... Проснувшись в 6-ть утра, я оделся и... пошел бродить по горам. Возбравшись довольно высоко, увидел нашу эскадру... После завтрака... поехал в город..." Как всегда, с появлением в порту большого количества моряков, там тотчас начинали шнырять и всевозможные аферисты, прежде всего карточные шулера. Наивных и доверчивых русских офицеров они обчищали на зеленом поле вчистую.

Сам контр-адмирал Гейден также дневал и ночевал на берегу, когда же командир "Азова" Лазарев осторожно выразил сомнение в полезности столь частого отсутствия командующего, граф отвечал ему с милой улыбкой:

– Если все отдыхают, то почему это может возбраняться и командующему, тем более, что у меня есть столь замечательный и дельный помощник, как вы!

В общем расчет Гейдена был оправдан. Буквально за несколько дней людей на эскадре было не узнать. Все выглядели бодрыми и веселыми, готовыми к новым испытаниям. Но всякому празднику когда-то приходит конец.

19 сентября пришла пора и нашим соотечественникам проститься с гостеприимным Палермо. Полученный в Гейденом новый императорский рескрипт требовал спешить в Архипелаг, но с заходом в Мессину.

Еще накануне все гребные суда были подняты на борт и команды занялись подготовкой к плаванию. На "Азов" сделал визит вице-рой города князь Монт-Итали.

Полермо корабли покидали под проливным дождем и при шквалистым ветре. Не смотря на противный ветер, Гейден велел выходить в море. Вдали полыхал заревом извержений знаменитый вулкан Стромболи. На раскатанных зеекартах штурмана прокладывали новый курс,

теперь уже на Мессину. Там Гейден рассчитывал получить свежие инструкции о своих последующих действиях. В Мессине швартовались кораблями к самой городской пристани. Вид с моря на город был поистине живописен: амфитеатр домов, спускавшихся с гор к морю, множество судов в порту и набережная, усеянная гуляющими.

Едва скинули трапы, как в поданной коляске укатил Гейден. Контр-адмирал поспешил в местный театр, на парадный спектакль в честь дня рождения неаполитанского короля Фердинанда. За командующим поспешили на берег и офицеры. В тот день давали оперу. После Палермского местного театра впечатления ни на кого не произвел: актеры пели фальшиво, а играли дурно. Затем Гейден с Лазаревым отправились к мессинскому губернатору, а офицерство потянулось в трактир "Золотой лев". У дверей гостей встречал сам хозяин лысый и тучный.

– О, я безумно люблю русских моряков! – говорил он, обнимая за плечи каждого входящего.

– За что же нам такая честь? – поинтересовались зашедшие в трактир "азовцы": Нахимов, Бутенев, да Путятин с Завойко.

– Как же вас можно не любить! – искреннее удивился хозяин. – Если пьете много, а платите щедро!

"В трактире мы нашли уже готовый обед, – вспоминал впоследствии один из участников этой кампании. – И тотчас же сели за стол. Обед прошел очень весело, пили всевозможные тосты, какие только могли придумать".

Затем трактирщик выставил счет, повергнувший в уныние даже самых больших оптимистов. Поверх счета хозяин положил и почетный аттестат.

– Вот документ, оставленный мне много лет назад моряками эскадры адмирала Сенявина. Он написан по-русски, а сказано в нем о моей честности! Взяв в руки и посмотрев бумагу, засмеялся Павел Нахимов.

– Вот, господа, послушайте, сей, документ! – сказал он и зачитал. – Аттестат, сей, выдан хозяину трактира "Золотой лев" Борозини в том, что он есть вполне честный человек во всем, кроме составления счетов".

– Что ж, – подытожил визит Иван Бутенев. – Человек вы вполне достойный! Здесь же в Мессине с помощью российского консула Юлинца были найдены лоцманы-греки для плавания в архипелагских водах. Прибыл на "Азов" и переводчик-драгоман Папаригопуло. Гейден был раздосадован – у консула Юлинца для него не оказалось никаких инструкций. А потому в Мессине решено было более не задерживаться.

– Зачем нам определили местом получения инструкций Мессину – место самое не подходящее! Лучше бы уж мы заскочили на Мальту, наверняка что-нибудь новое, да узнали! По крайней мере, об англичанах! – делился мыслями со своим флаг-капитаном Гейден.

– Что вы, Логин Петрович, разве не знаете, как у нас сии инструкции пишутся! – усмехнулся Лазарев. – Позевал чиновник, подавил мух на стекле оконном, глянул на глобус, увидел там подпись знакомую и тут же ее в бумагу вписал. Не мы первые! Впрочем, по местным слухам британская эскадра сейчас как раз пополняет припасы на Мальте.

С первым попутным ветром эскадра вытянулась на рейд.

– Курс на Занте! – велел передать капитанам Гейден. – Будем искать англичан у острова!

Вдали в синеве горизонта пропадала Мессина. Спустя восемьдесят два года русские моряки снова вернутся сюда, но на этот раз, чтобы спасти людей, погребенных под руинами страшного землетрясения... но до этого дня еще очень и очень далеко.

Беспокоясь о своевременной встрече с союзниками, Гейден решил выслать на их поиск фрегат "Константин".

– Вот, что, Степан, – сказал он прибывшему к нему для получения указаний командиру фрегата капитану 2 ранга Хрущеву. – Тебе задача будет бравая! Немедленно разворачивайся

на Мальту, отыщи там англичан и узнай у них, что намерены они делать и где их сыскать! Мы же станем тебя ждать, крейсируя подле Занте-острова. Желаю удачи!

Распустив паруса, "Константин" устремился в обратный путь. По ходу дела наши останавливали и торговые суда.

– Видели ли англичан и куда они курс держали? – кричали в жестяные рупора до надрыва в голосе фрегатские лейтенанты Логин Гейден-младший (сын командующего) и Сергей Дубасов (будущий дедушка знаменитого флотоводца и усмирителя Красной Пресни).

Наконец и им повезло. С одного из торговых бригав сообщили:

– Видели английский флот пять дней назад на высоте Сиракуз!

– Куда шли? – последовал еще вопрос со шканцев "Константина".

– К Мальте! Тем временем русская эскадра продолжала свой путь.

– Если Хрущев не найдет англичан на Мальте, то остается одно место их пребывания – Наварин! – потыкав в карту циркулем, прикинул Гейден. – Мир у нас или война сейчас неизвестно, а потому пушки зарядить и дежурных канониров держать подле!

Степан Петрович Хрущов

Соблюдая осторожность, линейные корабли вытянулись в единую кильватерную колонну, впереди и по сторонам разместились фрегаты. С них непрерывно расспрашивали встречных купцов и рыбаков, о чем те слышали, и что видели в водах архипелагских. Многоязычные капи-

таны болтали разное. Одни утверждали, что турки уже разгромили англичан, другие, наоборот, что англичане разгромили турок. Были разговоры и о том, что англичане давно убрались на Мальту, так как по всей Морее гуляет чума. Наконец Гейден не выдержал.

– Купцов более не опрашивать! – велел он капитанам фрегатов. – Ибо чем больше их слушаю, тем меньше понимаю!

Наконец встретили надежное греческое судно. С него-то и сообщили, что Архипелаг кишмя кишит всевозможными пиратами, а объединенный египетский флот давно находится у морейских берегов. Главную базой был избран Наварин. Этому сообщению можно было верить.

С "Азова" флагами велели зарядить пушки боевыми зарядами, а ночью соблюдать осторожность от возможного брандерного нападения.

Офицеры в помыслах своих уже во всю громили неприятеля. На "Азове" на мичманском кубрике, сидя в койке, вздыхал только что сменившийся с вахты Володя Корнилов.

– Мое желание заветное, – говорил он. – Совершить подвиг в сражении и рану получить, но не серьезную!

– А к ране орден да на лечение в Палермо! – поддакнул ему из-под своего одеяла мичман Путятин.

– А чего в Палермо-то, Ефимушка? – свесился со второго яруса гардемарин Истомина.

– Чего-чего, – посмеялся над ним Путятин. – Да потому что в климате том благодатном и при дамском нежном уходе, раны быстрее заживут!

В лейтенантской выгородке говорили уже о вещах дельных.

– Судя по ветру, до Занте с неделю еще плестись будем! – озабоченно делился своими тревогами Павел Нахимов.

– Лишь бы англичан сыскать. Поодиночке мы туркам не слишком страшны. У них почи-тай вымпелов за восемьдесят, а у нас и десятка не наберется! – подхватывал тему Иван Бутенев.

– Хорошо б и французов на бакштов поставить, тогда можно будет и ультиматумы слать, – отозвался со своей койки сын бывшего морского министра маркиз Александр де Траверсе, прозванный среди своих "Саша де Траверз".

* * *

Наконец от заслуживающего доверие греческого корсара узнали новость: турецкий и египетский флоты в сто военных судов и множество транспортов беспрепятственно вошли в Наварин, где их и блокировал вице-адмирал Кодрингтон, у которого только один линейный корабль.

– Ставить все возможные паруса! – распорядился Гейден. – дело принимает оборот неприятный!

Из путевых записок одного из участников плавания: "27-го сентября. Тихий попутный ветер несколько подвинул нас вперед, но к ночи мы опять заштилели.

28-го сентября. Утром увидели остров Занте и в проливе меж ним и Кефалонией два брига. Они скоро отделились от нас, подняв сигнал, которого мы не могли понять. Весь день лавировали...

29-го... Дуло довольно свежо, течением нас немного сносило к югу.

30-го... Лавировали целый день и вовсе не видели судов..." Вечером фрегат "Елена" привел к флагману сразу четыре "купца" и один военный бриг под турецким флагом. Капитану-египтянину велели прибыть на борт "Азова", затем, расспросив, отпустили. Когда же бриг стал быстро удаляться, вслед за ним устремилась "Елена", посмотреть, куда тот направится.

На следующий день, следуя в двух кильватерных колоннах ниже острова Занте, российская эскадра наконец-то встретила англичан. Над их передовым кораблем развивался

флаг командующего британской Средиземноморской эскадрой вице-адмирала Кодрингтона. За флагманом четко держали строй фрегаты, бриги и шлюп.

– Ну, вот, слава Богу, и встретились! – перекрестился Лазарев. – Теперь мы уже сила!

– Право по борту еще паруса! – зычно кричали с вахты.

То были два турецких корвета. Из открытых портов выглядывали пушки. Над передовым развевался переговорный флаг. Подойдя к 88-пушечному британскому кораблю, турки вступили в переговоры. Чуть погодя, с "Азова" туда отправился шлюпкой и контр-адмирал Гейден.

Турки то и дело испуганно шарахались от российских кораблей и нервно жались к бортам британских кораблей. Гарри Кодрингтон, сын английского командующего, состоявший при отце мичманом, наблюдая эту странную картину, говорил отцу:

– Кажется, туркам видится в русских что-то особо зловещее!

– Еще бы, – кивнул Кодрингтон, – никто и никогда так их не лупил, как русские!

В тот день Кодрингтон оставил на бумаге свое впечатление от российской эскадры: "Русские суда все такие чистенькие и, думаю, в весьма хорошем порядке... кажутся совершенно новы, и как медная обшивка у них с иголки, то имеют прелестный темно-розовый цвет, что много содействует красивой внешности судов... Русский флот, по-видимому, находится в хорошем боевом состоянии, хорошо управляем, и расположен охотно идти с нами рука в руку..." Характеристика весьма обстоятельная и столько же лестная. Поверьте, что в устах же старого моряка нельсоновской школы она значила не так уж мало!

Так по счастливой случайности почти в одно время и в одном месте встретились все союзные эскадры. Впоследствии Гейден писал об этом чрезвычайно важном событии: "Сие последовало случайно, но по обстоятельствам случай сей примечания достоин..."

В довершение всего откуда-то из полосы тумана вывернул и маленький греческий бриг. Греки трубили в сигнальные трубы и радостно размахивали руками, приветствуя прибытие своих заступников.

– Посмотрите на вест, Михайло Петрович! – передал Лазареву зрительную трубу стоявший вахтенным лейтенантом Нахимов. – Никак еще гости!

На горизонте, то, появляясь, то, исчезая, держались суда королевства Сардинского. Королевство держало строгий нейтралитет, но, в то же время, желало быть в курсе всех событий.

С остовых румбов тоже белело. Там затаились в мгlistой дали австрийцы, союзникам далеко не дружественные. Вена держала в Средиземном море эскадру графа Дандоло. Граф имел личную инструкцию Меттерниха повсеместно помогать туркам и вредить русским.

Вахтенный лейтенант "Азова" Нахимов доложил командиру о сложившейся диспозиции:

– Всех в избытке и даже венцы в гости пожаловали!

– Нет, Павел, – опустил трубу командир "Азова". – Это еще не гости, но уже и не зрители!

– Что пирог слоеный! – удивлялись наши моряки, затылки почесывая, – Почитай все флоты европейские в единую кучу сгреблись, а что далее делать никто и не знает!

Из воспоминаний: "...Английский адмиральский корабль привел на левый галс и лег в дрейф... К кораблю "Азов" тотчас же пришла шлюпка с корабля "Азия". Потом на ""Азове" спустили катер, на котором сам адмирал (т. е. Гейден – В.Ш.) ездил на английский корабль..."

Встреча двух командующих была радушной. Кодрингтон, правда, осторожно заметил, что ждал русских раньше. Гейден сослался на запутанные инструкции. Затем оба отправились обедать. За дружеским столом российский командующий узнал много нового для себя и прежде всего о том, что три союзных посла в Константинополе передали в диван совместную декларацию о своем посредничестве в греческом вопросе.

– Ну и что турки? – спросил Гейден.

– Пока ничего! – развел руками Кондрингтон. – Молчат!

– Стоит ли понимать молчание, как отказ?

– Во всяком случае, не как согласие!

Расстались адмиралы вполне довольные друг другом, но не на шутку озабоченные политической ситуацией.

* * *

Прибытие российской эскадры сразу придало Кодрингтону уверенность в его намерениях. Прежде всего, теперь он мог не бояться угрожать туркам открытием огня. Кроме этого, вице-адмирал сразу понял, что Гейден имеет самые радикальные инструкции, которым он готов следовать неукоснительно, не вмешиваясь ни в какую большую политику.

Вечером в письме к жене Кодрингтон писал, характеризуя своего союзника: "...Этот прямодушный человек, готовый, даже слишком, довести дело до конца".

Офицеры со всей эскадры вслух завидовали "азовцам". Еще бы, те сейчас в курсе всех новостей, а тут гадай, что да как.

После полудня спустилась по ветру и французская эскадра. Флаг контр-адмирала де-Риньи был поднят на фрегате "Сирена". Фрегат подошел к "Азии" и "Азову" и так же лег в дрейф, остальные же французские судно продолжили движение к Занте.

Затем по горизонту будто мазнули белой краской. То, пуча паруса, догонял своих фрегат "Константин", успевший выяснить, что Кодрингтона давным-давно уже нет на Мальте. Хрущев боялся не успеть к возможному столкновению с турками, а потому выжимал из своего судна, все, что только можно. Найдя английскую эскадру, он на всякий случай отправился проверить юные румбы и вот теперь тоже возвращался к месту общего рандеву.

Закончив выяснение отношений с египтянами, русская и британская эскадры двумя кильватерными колоннами взяли курс к берегам Мореи. Французы последовали туда же, но несколько поодаль, в гордом одиночестве. Вдалеке в наступивших сумерках осторожно скользили теньями сардинцы с австрийцами. Всех интересовал порт Наварин, где уже собрал свой немалый флот, упрямый и деятельный Ибрагим-паша.

Из воспоминаний участника событий: "...Французский адмиральский корабль снялся с дрейфа, прошел у нас под кормою и направился вслед за своей эскадрой. За ним последовал английский корвет и фрегат... Мы же, снявшись с дрейфа, легли вдоль берегов Мореи, по одному направлению с английской эскадрой... Курс наш ведет к Наварину..."

Так состоялась знаменитая демонстрация флагов у острова Занте 1-го октября 1827 года.

* * *

Британская Средиземноморская эскадра вот уже несколько месяцев, как покинула благодатную Мальту, и начала свое крейсерство в восточной части моря. Корабли под сине-красным "Юнионом Джеком" устало качало в бесконечных проливах Архипелага.

Во главе эскадры – вице-адмирал Эдуард Кодрингтон, один из лучших флотоводцев Соединенного королевства. За плечами 57-летнего вицеадмирала была большая полная событий жизнь и служба. На флоте с двенадцати лет. Впервые он отличился, будучи еще лейтенантом на линкоре "Квин-Чарлотт", в далеком 1794 году у французских берегов. Затем командовал брандером и корветом, фрегатом и, наконец, линейным кораблем "Орион". Именно на "Орионе" Кодрингтон принял участие в знаменитом Трафальгарском сражении, пленил три французских линкора, за что был награжден золотой медалью. Потом в 1810 году Кодрингтон участвовал в защите Кадиса от французов, успешно командовал эскадрой у испанских берегов и даже отличился в сухопутном сражении при Вилла-Сукка, командуя сводным отрядом моряков. Уже контр-адмиралом в эскадре сэра Кокрэйна воевал в Северной Америке при Балтиморе и Новом Орлеане, крейсировал в Мексиканском заливе. С 1821 года – он вице-адмирал, а в 1826 году получает назначение командующим Средиземноморской эскадрой. Счастлив был

вице-адмирал и в браке, имея от своей жены Иоанны Халл двоих сыновей и троих дочерей. Многим позднее российский биограф Кодрингтона напишет о нем следующее: "Как воин, он оставил по себе блестящий пример для службы, которую любил безгранично и в которой считал священной обязанностью выставлять заслуги своих подчиненных. Открытый и благородный характер его никогда не выражал скрытности, и, хотя откровенность его часто была неблагоприятна для его личных выгод, но, несмотря на то, прямой и твердый характер его всегда будет глубоко уважаем всеми". Ныне, став флагманом, Кодрингтон был призван решать дела не столько военные, сколько политические. Три десятка лет назад у берегов Италии подобную задачу решал его знаменитый учитель, теперь же его ученику предстояло повторить нельсоновский успех у скал Мореи.

Назначая Кодрингтона командующим эскадрой в столь щекотливый для Лондона момент, кабинет учитывал, казалось все: боевой опыт и личный авторитет, количество наплавленных миль и мнение общественности. Упустили из вида лишь одно. Ошибка эта впоследствии будет стоить многим, в том числе и самому вице-адмиралу, карьеры. К досаде, Уайт-Холла сэр Кодрингтон окажется не только боевым моряком, но и честным человеком...

Итак, британские корабли уже затаились в ожидании последнего решительного приказа. Уайт-холл, после долгих раздумий, все же бросил свою эскадру на чашу весов! Кабинет лорда Каннинга теперь балансировал на острие ножа. С одной стороны, нельзя было отставать от союзных России и Франции, с другой жаль было отпугивать от себя давних друзей – турок.

С Кодрингтоном же сложности начались с самого начала. Еще, будучи на рейде Лавалетты, знакомясь с присланными инструкциями, адмирал поднял шум:

– У этих умников наверняка белая горячка! Чем больше читаю, тем меньше соображаю!

– Такое иногда бывает, когда всю жизнь не отрываешь зада от кресла! – поддержал командующего командир флагманской "Азии" желчный Джон Курцион.

Сэр Эдвард Кодрингтон

– Вы послушайте, джентльмены, я цитирую! – обратился к своим капитанам Кодрингтон. – "Вы не должны брать ни чьей стороны. Ставьте свои корабли меж ними и сдерживайте их в спокойствии рупором. В нем я подразумеваю и силу". Мне, что рупором их по головам лупить?

– А ну их...! – вице-адмирал в сердцах швырнул бумаги в угол салона. – Будем думать сами, и надеяться лишь на свои головы и сердца!

В своих выводах командующий несколько не преувеличивал. Если в одной из правительственных посланий ему рекомендовалось делать все возможное для чести флага, то в другом (лежащем тут же) объявлялось, что официальный Лондон желает только посредничества между враждующими сторонами без нарушения мира.

– Пиши ответ! – велел, в конце концов, Кодрингтон адъютанту. – Я сомневаюсь, что смогу остановить возможное столкновение. Я верю лишь в пушки, только они способны сохранить мир, честь и славу британского флота!

Корабли еще не успели выбрать становые якоря, как те вновь шумно упали в воду.

– Я не двинусь не на фут, пока мне не будет разрешено прекратить греческий спор пушками, а не мифическими переговорами! Я боевой адмирал и мне нужна ясность!

Наконец Лондон невразумительно, но все же подтвердил права командующего на открытие огня в случае крайней необходимости.

– Вот это другое дело! – щелкнул пальцами сэра Кодрингтон. – А теперь скорее в море, пока в Уайт-холле не передумали!

Несмотря на непогоду и противный ветер британские корабли стремительно снялись с якорей и растворились за окоемом. Попробуй теперь их отыскать!

Появление у греческих берегов союзных эскадр, конечно же, не осталось без внимания повстанцев. В те дни храбрый корсар Якобо Италес доносил своим вождям: "Я узнал, что Ибрагим-паша, встретив у берегов Греции европейские военные суда, должен был остановиться, пришел в бешенство, вернулся в Наварин и на шлюпке прибыл в Модон. Его войска, двинувшиеся вперед сухим путем, так же вернулись. Ибрагим впал в меланхолию, никого не слушает и хочет со всеми войсками напасть на проход Армиро с сухого пути, так как с моря нельзя теперь".

25 сентября к Кодрингтону подошли французы. Корабли обменялись, положенной в таких случаях, салютацией. Однако на палубах обошлось без особых восторгов. Память о недавнем кровавом двадцатилетнем противостоянии была еще слишком свежа. Французский контр-адмирал де-Риньи был настроен по отношению к союзнику прохладно. Последний отвечал тем же.

Де-Риньи было тогда сорок семь лет, из которых он прослужил во французском флоте более трех десятков лет. Все наполеоновские войны он пробыл в чинах не слишком больших лейтенантским, а капитанам стал уже после реставрации Бурбонов. Особых подвигов за де-Риньи на числилось, но все признавали его как опытного моряка и осторожного начальника. Контрадмиралом де-Риньи стал всего полтора года назад, когда в Тулоне была сформирована "летучая эскадра", для действий в греческих водах. Как и подавляющее большинство французов, де-Риньи англичан не терпел, два десятилетия непрерывных войн не прошли для него даром, а потому относился к новым союзникам с недоверием и подозрением, видя подвох в каждом действии или не осторожном слове. Но прошлое прошлым, а теперь обоим адмиралам предстояло действовать сообща.

Граф Мари Анри Готье Даниэль де Риньи

Договорившись о согласованности в действиях, вице-адмирал Кодрингтон и контр-адмирал де-Риньи направились прямо к Наварину, где находился Ибрагим-паша. 84-пушечная "Азия" Кодрингтона и 60-пушечная "Сирена" де-Риньи вызывающе бросили якоря в самой глубине бухты. Орудийные порты на обоих судах были открыты. Турки тоже выкатили свои пушки, да разожгли печи для накаливания ядер. Тагир-паша (командующий турецкий) и Мога-рем-паша (командующий египетский) спешно выстраивали свои суда в боевую линию.

Письмом адмиралы известили турецкого главнокомандующего о своем главном требовании – немедленно прекратить всякое кровопролитие в Элладе. Ибрагим послание отложил в сторону, а союзных флагманов пригласил к себе на переговоры.

* * *

В парадной зале Наваринского дворца душно и жарко. Сам турецкий паша возлежал среди вороха подушек, рядом в креслах адмиралы. Белозубые нубийцы метались с огромными подносами: щербет, фрукты, плов. Ибрагим безучастно посасывал янтарный мудштук. То ли дремал, то ли внимательно слушал. Переговоры были в самом разгаре.

Кодрингтон с де-Риньи горячо убеждали пашу воздержаться от войны, Ибрагим лишь наклонял свой огромный тюрбан, увенчанный алмазным пером:

– Якши! Якши!

За переводчика турецкий драгоман. Кодрингтон из осторожности своего оставил на корабле. После долгих уговоров паша все же согласился заключить перемирие с греками на суше и на море.

– Ваш флот и сухопутные войска должны оставаться в бездействии в Наварине пока не будет получено подтверждений вашим действиям из Стамбула! – требовал командующий британской эскадрой.

Ибрагим вновь качнул в знак согласия тюрбаном. Затем щелкнул пальцами. Подбежавший драгоман, заглядывая в глаза своему владыке, перевел слова паши:

– Я согласен на все ваши требования, но в свою очередь требую, чтобы ваши корабли пропустили в бухту эскадру славного Ахмет-паши, что идет сейчас сюда от берегов Египта! Что касается моих действий, то я лишь верный воин своего султана и выполняю все его повеления! Сейчас мне велено продолжать наведение порядка в Мореи и завершить это взятием острова Идра, и я исполню это, чего бы это мне не стоило!

– Но ведь вмешательство союзных держав меняет раскладку сил и как знать, что сейчас думает по этому поводу султан? – мягко заметил Кодрингтон.

– Так как Порта не предвидела вашего насилия, я немедленно отправлю гонцов в Константинополь и Каир и даю слово, что до их возвращения мой флот не покинет Наварина в течении ближайших двадцати двух дней!

Адмиралы переглянулись, позицию собеседника они поняли вполне. Шепотом Кодрингтон с де-Риньи совещались. Французский командующий внезапно уперся, не столько по делу, сколько чтобы уязвить англичанина. Когда Кодрингтон изъявил желание, чтобы Ибрагим-паша скрепил условия перемирия своей подписью и печатью на бумаге, де-Риньи сразу же высказался против:

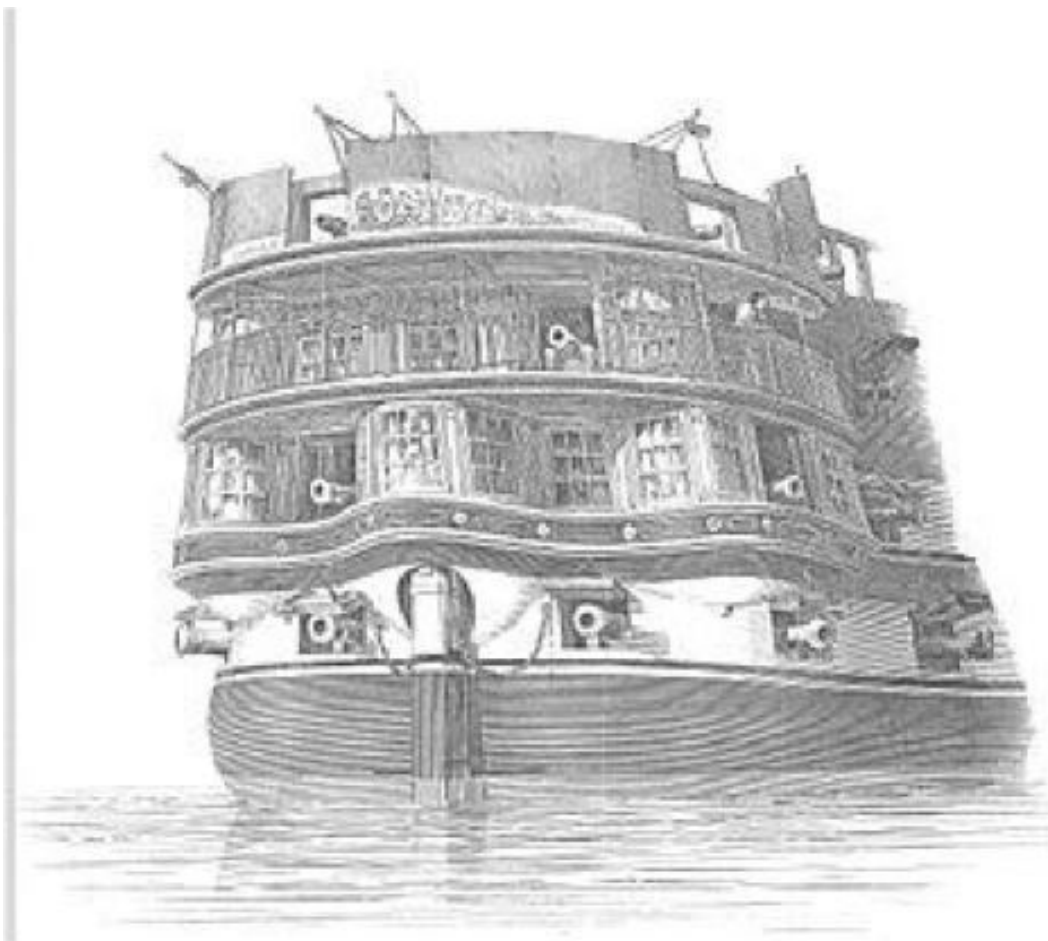
– Ибрагим сочтет такое предложение обидным для себя, ведь слово мусульманина считается нерушимым законом верности!

– Что ж, попробуем поверить на слово! – неохотно согласился Кодрингтон. Когда союзные командующие покинули дворец, Ибрагим-паша поднялся с подушек. Прошелся по залу, разминая затекшие бока.

– С каким наслаждением я лично отрезал бы обоим их никчемные головы! – горестно вздохнул. – Да нельзя, все на меня обидятся! То ли дело раньше было, когда с нечестивых кожу

живьем сдирали и ничего, все с пониманием относились! О времена, о нравы! Какие глупцы! Они наивно верят в мое честное слово, тогда как честное слово, данное неверному, не стоит ровным счетом ничего!

Утром следующего дня, когда "Азия" с "Сиреной" уже были готовы поднять паруса, к Кодрингтону прибыл посланец Ибрагим-паши.

Корма корабля «Азия»

– Мой повелитель только что получил печальное известие, что предводитель дерзких повстанцев генерал Кокрейн высадил свой десант на остров Патрас. Великий Ибрагим любимец Аллаха и надежда всех правоверных спрашивает тебя, дозволено ли ему будет выслать нужную силу для расстройства этих нечестивых планов?

Сэр Эдуард был суров и тверд:

– Все наши суда должны оставаться в бухте!

В зрительную трубу было отчетливо видно, как на египетских и турецких судах забегали матросы.

Кодрингтон вытер лысину батистовым платком:

– Я вижу оживление в вашем флоте. Должен ли я заключить из этого, что трактат, заключенный между нами более не имеет силы?

Драгоман пожал плечами:

– Отвечать на столь серьезный вопрос я не уполномочен. Я могу лишь передать его своему владыке. Если через час я не вернусь с ответом, то вы должны считать заключенное соглашение в полной силе!

Спустя три часа при заходе солнца, британский и французский корабли вышли в море. Посланец не вернулся, и оба адмирала вполне положились на честь Ибрагим-паши. На судах, стоявших в бухте, было тихо.

Оставив на всякий случай подле Наварина фрегат "Дармут" для наблюдения за действиями турок, Кодрингтон, отправил транспорта за припасами на Мальту, а сам с основной эскадрой взял курс к острову Занте, откуда он мог держать под контролем весь Архипелаг. Де-Риньи повернул со своей эскадрой западнее. Оба адмирала были спокойны. Ибрагим-пашу им уже удалось уговорить и теперь оставалось лишь удерживать от необдуманных действий мелкие отряды местных пиратов.

Тем большей неожиданностью стало для вице-адмирала Кодрингтона появление 2-го октября у Занте спешащего на всех парусах "Дармута". С фрегата призывно палили из пушек. Вице-адмирал в нетерпении ждал фрегатского капитана прямо у шторм-трапа. Едва запыхавшийся Томас Филлоус взобрался на палубу флагмана, он сообщил изумленному Кодрингтону:

– Турецкий флот внезапно снялся из Наварина и направляется на норд-ост к Патрасу!

– Но это же настоящее вероломство! – воскликнул честный Кодрингтон.

– Конечно это не по-джентельменски! – согласились с ним его капитаны. – За столь вероломный обман надо бы посадить в брюхо обманщику пару каленых ядер!

Времени для раздумий не оставалось. Присоединив к своей "Азии" все, что было у него в тот момент под рукой (два фрегата да бриг), Кодрингтон бросился на перехват целого флота. На качающихся палубах матросов призывали помнить о британской доблести и верности королю. Наконец с салинга передового "Дармута" закричали:

– Много парусов! Впереди турецкий флот! Кодрингтону подали подзорную трубу. Небрежно вскинув ее, вице-адмирал долго рассматривал колонны судов Ибрагим-паши.

– Сорок семь вымпелов! – объявил он, трубу от глаз отнимая.

– Поднимайте боевые флаги и открывайте оружейные порты!

Над "Азией" взлетели и заполоскали огромные синие полотнища – символ готовности к подвигу. Разом откинулись крышки портов и из них выжидающе выглянули черные оружейные жерла.

– Три больших фрегата, восемь корветов и семь бригов! – подсчитывали на британских судах. – Это делает нам честь!

Повторяя маневр своего флагмана, британские суда плавно огибали турецкий флот, выходя на ветер. За "Дармутом" "Тальбот", за "Тальботом" "Зебра".

Поравнявшись с англичанами, турки легли в дрейф. По приказу Кодрингтона от борта фрегата "Тальбот" отвалила шлюпка. Капитан фрегата Фридрих Спенсер прибыв на адмиральское турецкое судно, изъяснил удивление столь неожиданному нарушению трактата турецкой стороной и известил от имени своего командующего, что будет палить по-всякому, кто решится пройти мимо "Азии".

– Если будет сделан хотя бы один выстрел, то он послужит сигналом к полному истреблению вашего флота! – доходчиво объяснил ситуацию посланец британского командующего.

Слушая посланца, грузный и важный Петрона-бей, ведущий наваринский флот, лишь мрачно теребил крашенную хной бороду.

– Я лишь ничтожный исполнитель воли моего повелителя! – с притворным вздохом произнес он, когда Спенсер замолчал в ожидании ответа. – До нынешней минуты я пребывал в полнейшей уверенности, что сэр Эдуард дал моему паше позволение послать флот в Лепант для смирения потерявших разум!

Когда-же Спенсер заявил, что Кодрингтон не только не разрешал Ибрагим-паше такие действия, а наоборот категорически против них возражает, Петрона-бей послал на "Азию" своего младшего флагмана Реал-бея, моряка опытного и человека рассудительного. Но и рассудительному Реал-бею в ответ на его просьбу пропустить флот паши, было отказано. Едва же

шлюпка с младшим турецким флагманом подошла к борту своего фрегата, "Азия" наполнила ветром грот-марсель и "выпала пушку", демонстрируя решительность своих намерений.

Не испытывая более судьбу, Петрона-бей развернул свою армаду обратно на Наварин. Лишь несколько мелких судов, воспользовавшись неразберихой перестроений, попытались, было, проскользнуть мимо англичан к Патрасу, но были отогнаны решительным маневром.

Держась в кильватере туркам, Кодрингтон проводил их до южной оконечности острова Занте, а затем, наполнив паруса ветром, ушел вперед, чтобы скорее соединиться с держащими где-то поблизости русской и французской эскадрами.

Тем временем к турецкому флоту присоединилось еще полтора десятка судов. На головных линейных кораблях капитанами отставные французские офицеры Летеллье и Бонпар, оба многоопытные и до денег жадные. На грот-мачте линейного корабля развевался личный флаг Ибрагим-паши: месяц над опрокинутым крестом. Готовые к бою, турки вновь повернули свои форштевни на Патрас.

И снова маленький, но дерзкий отряд Кодрингтона преградил им путь. Над "Азией" подняли сигнал о желании начать переговоры. Но Ибрагим-паша встречаться с британским флагманом не пожелал. Развернув флот, Ибрагим повел его в Наварин. С палуб турецких судов грозили кулаками, многозначительно проводили ладонью по шее. Ибрагим-паша чувствовал себя оскорбленным.

Чтобы не допустить новых попыток прорыва из Наваринской бухты подле нее оставили "Дармут", "Азия" и "Тальбот", чтобы запастись углем и водой встали на якоря у входа в Зантский залив. Кодрингтон нервничал:

– Де-Риньи бродит где-то рядом, но где же русские? Без них я не могу твердо ударить кулаком по столу!

В это время французский дозорный фрегат "Армида" домчался до острова Мило и сообщил де-Риньи о вероломном выходе в море турок. Тот поспешил на помощь Кодрингтону. Но во время налетевшего шквала линейный корабль "Сципион" навалило на корабль "Прованс". Оба получили тяжелые повреждения. А "Прованс" потерял даже мачту. Скрипя зубами, де-Риньи пришлось отправить оба своих линейных корабля чиниться на остров Корфу. Боевая сила французов сразу же уменьшилась вдвое.

Линейный корабль "Сципион" починится довольно быстро и вскоре догонит свою эскадру, что касается "Прованса", то его повреждения оказались настолько тяжелыми, что линкор пришлось отправить на ремонт в Тулон, и больше никакого участия в боевых действиях он не принимал.

Следующая ночь прошла относительно спокойно, но утром с "Дармута" сообщили о новой попытке Ибрагим-паши пробиться к Патрасу. В шесть часов пополудни Кодрингтон вышел на пересечку курса туркам.

– Штурман, место! – не оборачиваясь, бросил вице-адмирал, склонившемуся над картой лейтенанту.

– Траверз мыса Папас, сэр! – прокричал тот ему.

Кодрингтон подошел, к стоявшему подле, капитану Курцону:

– Вовремя успели. Еще час другой и ищи их по всем проливам! В знак презрения к англичанам Ибрагим-паша велел не поднимать флаги. Это был уже вызов! Почитая себя за первых моряков, подданные Георга Четвертого сочли это оскорблением небывалым. Ответом англичан был шквал ядер, которые Кодрингтон обрушил рядом с бортами турецких судов. Огромные султаны всплесков быстро образумили строптивцев, и турки флаги подняли и к Наварину отвернули.

– Где же де-Риньи? Где русские? – терзался неизвестностью британский адмирал. – Еще один прорыв Ибрагима и мне не останется другого выхода, как лечь костями на его пути!

Можно представить себе восторг британских моряков, когда в туманной дымке просыпающегося моря они увидели спешащий к ним фрегат, то был наш "Константин".

Скоро капитан 2 ранга Степан Хрущев, смело хлебая грог в кают-компания "Азии", уже делился последними новостями.

* * *

Адмирал Томас Кокрейн

Несмотря на все переговоры боевые действия между турками и греками как в Мореи, так и в прибрежных к ней водах ни на день не прекращались. Война, есть война, где каждый исполь-

зует любой промах своего противника. Еще в начале сентября 1827 года в водах Патрасского (Коринфского) залива появился со своей греческой флотилией в двадцать три вымпела адмирал Кокрейн.

Встав на якорь у Миссолунги, он стал ждать греческие войска генерала Черча. Когда после переговоров в Наварине с Ибрагим-пашой, Кодрингтон посоветовал Кохрейну увести свою флотилию в Архипелаг, тот поступил вполне разумно. Главные силы адмирал увел с собой, но оставил в заливе "на всякий случай" вполне боеспособный отряд: паровой корвет "Картерия", бриг "Сувенир", две шхуны и пару канонерских лодок, под общим началом давнего добровольца – филэллина "командора" Гастингса. Корвет "Картерия", что значит в переводе с греческого "Постоянство", был первым пароходом греческих ВМС, построенным в Англии на деньги так называемого второго английского займа. Паровая машина была его еще весьма несовершенна и часто выходила из строя.

La Kartería, анонимная акварель 1820-х годов

Едва Гастингсу стало известно, что турки и египтяне продолжили уничтожение греческих деревень, было решено им отомстить. Отряд судов незаметно проник в глубь Патрасского залива и 18 сентября с ходу внезапно атаковал турецкую флотилию. Бой был не долог, но жесток. Корвет "Картерия", действуя новейшими бомбическими орудиями, сжег два турецких брига. Уже в самом начале схватки вышла из строя примитивная паровая машина, пришлось биться более привычно, под парусами!

Фрэнк Эбни Гастингс

Враги сошлись вплотную и ядра прошибали корпуса судов насквозь, вынося в море вместе с кусками борта остатки человеческих тел. По зеркальной глади залива клубился едкий пороховой дым. Пока турки смогли сориентироваться в обстановке у них осталось только половина сил. Исход сражения был уже предрешен.

Вскоре турки обрубили канаты, и стали по своему обыкновению выбрасываться на берег. Добычей победителей стали пять поврежденных судов и три невредимых австрийских торговых судна, попавшихся, так сказать, под руку. Имя победителя "при Патрасе" Гастингса стало широко известно в Европе. Спустя восемь месяцев "командор" Гастингс был смертельно ранен во время сражения у крепости Анатолико.

Греческий флот на глазах превращался из каперско-корсарского в регулярный. У него уже была своя славная боевая история и свои первые герои!

Глава седьмая

Ультиматум Ибрагиму-паше

Уже второй день дул противный ветер. Вскоре после встречи нашей эскадры с англичанами подошли и французы. Наконец-то союзная эскадра собралась вместе.

Командующим французской эскадрой Анри де Риньи – 44-летний контр-адмирал. На французском флоте де Риньи с 15 лет. С 1816 года капитан корабля. Ничем особенным за время службы не отличился, однако, слыл хорошим моряком. Когда в 1825 году к берегам Мореи в Архипелаг был отправлен летучий отряд, Риньи был произведен в контр-адмиралы и назначен его начальником. С 1827 года он был назначен командующим французской эскадрой в греческих водах.

Союзники непрерывно и изнурительно лавировали. Шторма не было, но погода была весьма свежая. Капитаны ревниво следили друг за другом, как кто маневрирует. Корабли спускались из бейдевинда на фордевинд, затем снова восходили до линии ветра. На "Азове" Лазарев придирчиво засекал время постановки парусов карманным хронометром.

– Ну и как мы посмотримся? – спросил его, вышедший наверх Гейден.

– От англичан не отстаем нисколько, а вот французы запаздывают все время и довольно прилично! – ответил командир "Азова".

Гейден удовлетворенно кивнул головой:

– Хорошо бы и англичан обставить! Не все же им здесь тон задавать!

Наши действительно маневрировали не хуже, а порой и лучше англичан. Удручало иное, при шквальных порывах ветра на наших кораблях все время что-то ломалось и рвалось: то на "Невском" разодрало фор и грот-марсели, то на "Проворном" повредилась грот-стенга, то на "Гангуте" треснула фок-мачта. Что и говорить, а состояние рангоута и такелажа на российских кораблях оставляло желать все еще многим лучшего. Время недавнего флотского забвения все еще сказывалось во всем.

Впрочем, стараниями команд внешне наши корабли выглядели не так уж и плохо. По крайней мере, понимающий толк в морском деле Кодрингтон, разглядывая русскую эскадру в зрительную трубу, высказался так:

– Русские суда все такие чистенькие! Особенно впечатляет отменная медная обшивка с темно-розовым отливом. Я думаю, что эскадра Гейдена в хорошем состоянии, а ее командующий расположен охотно идти с нами рука в руку. Лучшего союзника лучше желать!

Эти слова Кодрингтона известны документально.

Общие силы союзников хоть так и не достигли оговоренной лондонским договором численности, но все же были уже достаточно внушительными – 10 линкоров, 9 фрегатов, 2 корвета и 7 вспомогательных судов.

5-го октября командующие трех эскадр вновь собрались на совет. Гейден и де-Риньи держались по отношению друг к другу настороженно. Кодрингтон, как мог, вел беседу и председательствовал. Предстояло окончательно решить, что делать дальше? Более увещевать зарвавшегося Ибрагима было нельзя. Уверовав в свою безнаказанность, каирский паша отделивался от союзников ничего не значащими письмами, сам же продолжая громить и грабить Морею.

Ситуация на совете флагманов осложнялась еще и тем, что каждый из присутствующих помимо общеизвестных и закрепленных соответствующим договором задач исполнял и только ему ведомые секретные предписания своих правительств. Причем, если при этом Гейдену вменялось действовать решительно и смело, не останавливаясь даже перед полным истреблением турецкого флота, то у де-Риньи инструкции были полностью противоположными – сделать все возможное для сохранения турецкого флота и египетского войска.

После отъезда российского и французского командующих, присутствовавший на совещании полковник морской пехоты Крэдок заметил Кодрингтону:

– Вот задача! Можете ли вы, сэр, полагаться на дружбу этих двух своих коллег, когда они вот-вот готовы схватиться между собой не хуже, чем с оттоманами? Да и к нам французы, насколько я вижу, любовью тоже не пылают! Вы, наверное, уже слышаны о высказывании де-Реньи?

Карикатура, Оноре Домье, 1833.

Кодрингтон кивнул и погладил рукой лысину. Сплетню о словах де-Риньи он уже слышал. Говорили, что французский командующий не столь давно во всеуслышание заявил следующее: "Характер действий нашего объединенного флота зависит только от того, выпьет ли Кодрингтон стаканом больше или меньше!" Даже если такое и было на самом деле, время ли сейчас выяснять личные отношения?

О "причудливости" характера де-Риньи английский вице-адмирал был наслышан и ранее. И сейчас француз изображал из себя вечно обиженного и оскорбленного. Вспомнил и последнее письмо герцога Кларенского: "...Де-Риньи действительно таков, каким вы его описываете, поэтому будьте осторожны, тверды и мягки..."

– Что поделатъ, когда между нами два десятилетия вражды и войн! – вздохнул вице-адмирал. – В диспозиции я, на всякий случай, поставлю нашу эскадру между русской и французской! Возможно, это несколько остудит французов!

Как показали последующие события, тревоги британского вице-адмирала были совершенно напрасны. Как бы то ни было, но в этот день флагманы все же приняли твердое решение в последний раз предупредить турецкую сторону и в случае новых проволок со стороны Ибрагим-паши ввести свои эскадры в Наваринскую бухту, дабы положить конец бесконечным обманам. Некоторое время сопротивлялся де-Реньи, ссылаясь на малочисленность сил и превышение данных ему полномочий, но под давлением Кодрингтона согласился и он.

* * *

Итак, результатом совещания стал ультиматум, где, перечислив все злодеяния войск Ибрагима, адмиралы заявляли, что коль паша, по-прежнему, нарушает условий перемирия, разоряет землю и селенья, истребляет людей, игнорируя свои же обещания, не предпринимать ничего до получения указаний из Стамбула, то союзники вынуждены объявить Ибрагим-пашу... вне международного закона.

Текст ультиматума гласил: "Ваша Светлость!" По слухам, какие до нас со всех стран доходят, и по достоверным сведениям, узнаем мы что, многочисленные отряды вашей армии расселаясь в разных направлениях по западной части Мореи, опустошают оную, жгут, истребляют, исторгают с корнями деревья, виноградники, всякие произрастания; и, одним словом, наперерыв спешат превратить страну сию в совершенную пустыню.

Сверх сего известились мы, что против округов Майны, приготовлена экспедиция, и что туда двинулись некоторые войска.

Все сии необыкновенно насильственные действия происходят, можно сказать, в глазах наших и в нарушение перемирия, которое Ваша Светлость обязались честным словом, соблюдать ненарушимо до возвращения ваших курьеров. В нарушение такого перемирия, в силу которого позволено флоту вашему 26-го числа последнего сентября, обратный вход в Наварин.

Нижеподписавшиеся находятся в прискорбной необходимости объявить вам ныне, что таковой с вашей стороны поступок, и столь удивительное нарушение ваших обещаний, поставляют вас, Милостивый Государь, вне законов народных и вне существующих трактатов между высокими дворами союзников и Оттоманскою Портою. К сему же нижеподписавшиеся присовокупляют, что производимые в сие самое время, по велению вашему: опустошения совершенно противными пользам вашего Государя, который, по причине сих опустошений, может потерять существенные выгоды, доставляемые ему над Грецию Лондонским трактатом. Нижеподписавшиеся требуют от Вашей Светлости представление решительного и скорого ответа, и поставляют вам на вид неминуемые следствия вашего отказа или уклонения.

Подписали: вице-адмирал Э.Кодрингтон контр-адмирал граф Гейден, контр-адмирал шевалье де-Риньи".

Уже покидая совещание, вице-адмирал Кодрингтон столкнулся с командиром французского "Бреславля" капитаном Ла-Бретаньером.

– Ваше лицо мне очень знакомо! – сказал французю Кодрингтон. – Мы где-то встречались, но где?

– О, да! – усмехнулся Ла-Бретаньер. – Мы имели честь завязать с вами знакомство еще при Трафальгаре!

Улыбка мгновенно сошла с лица командующего британской эскадрой. Конечно же, он теперь сразу же вспомнил этого насмешливого француза и все обстоятельства той их давней и не слишком приятной для Кондрингтона встречи!

...Тогда Ла-Бретаньер, будучи еще молоденьким мичманом, служил на линейном корабле "Алджезиресе". Именно с "Алджезиресе" сошелся в отчаянном кинжальном поединке "Орион" капитана Кодрингтона. Бой был жесток, но Кодрингтон одолел своего противника. Мичман Ла-Бретаньер, последний из оставшихся в живых французских офицеров, кривя губы то ли от боли в раненной руке, то ли от презрения, отдал тогда Кодрингтону свою шпагу. Для того чтобы довести трофей до Гибралтара на французский линкор пересела призовая партия. Но на переходе начался шторм и, чтобы справиться с парусами, англичанам пришлось выпустить наверх часть, сидящих под замком, французских матросов. Едва те оказались наверху, как по команде Ла-Бретаньера перебили всех англичан и благополучно привели свой отбитый корабль в Кадис. С этого момента карьера Ла-Бретаньера круто пошла вверх, а Кодрингтону еще долго пришлось объясняться по этому поводу...

Но все это было уже в далеком прошлом, а теперь Кодрингтона волновало совсем иное!

* * *

...Письмо-ультиматум было вручено капитану Мартину, командиру британского брига "Маскито". Спустя какой-то час "Маскито" уже брасопил паруса и палил из сигнальной пушки на входе в Наварин.

Вскоре подошла и шлюпка с берега. Толстый и вальяжный помощник Ибрагима Саид-ага, прибывший на ней, кривил губы, принимая бумагу.

– Повелитель правоверных на здешних землях и потрясатель вселенной не сможет прочесть вашего письма! – объявил он с холодной усмешкой.

– Это почему же? – сдвинул белесые брови капитан Мартин, нервно теребя темляк сабли.

– Великий паша уехал побеждать посягнувших на его власть горцев и никому неведомо, когда он вернется!

– Но ведь обстоятельства не могут ждать! – простодушно воскликнул командир "Маскито".

– Увы, – развел руками Саид-ага. – Придется вам запастись терпением, ибо давать ответ по столь важной бумаге я не смею!

Вернувшись в крепость, Саид-ага сразу поспешил во дворец наместника, где его в нетерпении ждал Ибрагим, никуда, естественно, не уезжавший и не думавший уезжать. Выслушав доклад помощника, он лишь посмеялся:

– Посмотрим, кто кого из нас возьмет измором!

Затем наместник Греции совещался со своими адмиралами Тагир-пашой и Мукарем-беем. Турецкие флагманы осторожно советовали наместнику, если не принимать условия Кодрингтона, то хотя бы притворится, что он их принял.

– Сейчас нам надо выиграть время! – внушали они хмурому Ибрагиму. – На море вот-вот начнется период зимних штормов, и наши враги будут вынуждены искать спасения в своих далеких портах! Тогда руки у нас будут снова развязаны, и мы с новой силой обрушим свой

праведный гнев на головы мятежных греков! Надо лишь немного подождать и созревший плод сам упадет в твои руки!

Но гордый Ибрагим ни ждать, ни уступать не желал.

– Нам нечего бояться наших врагов! Наша позиция в Наварине неприступна! – говорил он в ответ, оглаживая рукой свою, крашеную хной бороду. – Я растопчу все ультиматумы неверных, но они все равно никогда не посмеют войти в бухту, если Аллах оставил в их головах хоть немного разума! За зиму франки, англы и москвиты непременно перегрызутся между собой!

– И все же, что намерен предпринять досточтимый и славный Ибрагим-паша, если его враги все же вздумают напасть на него? – спросил, склонив свою тюрбан Тагир-паша.

– Если глупые гяуры начнут ломиться в наши ворота, то это будет их концом! Мой флот и береговые крепости сделают их кормом для хищных рыб! Пощады не будет никому!

Тогда же было решено в случае попытки союзников войти в Наваринскую бухту, такую возможность им предоставить. После этого предполагалось дожидаться, когда все суда неверных станут на якорь. Затем турецкие и египетские капитаны должны будут подвести свои суда как можно ближе к противнику. А в первую же ночь свалиться с неприятелем на бордаж и вырезать всех поголовно.

– Прощаясь со своими флагманами, Ибрагим-паша подвел их к окну своего дворца и показал в сторону моря, где на горизонте белели парусами эскадры союзников.

– Вот ваши призы! – сказал он.

– Да пребудет с нами милость Аллаха! – кланялись адмиралы, отправляясь на корабли. – Слава ему, что наградил нашего правителя великой мудростью, пред которой падут все козни служителей шайтана!

Не теряя времени Тагир-паша, Мукарем-бей вместе с французскими советниками расставляли в бухте флот и готовили к бою береговые батареи.

– Это будет настоящий огненный мешок, вырваться из которого не удастся никому! – обещали туркам французские офицеры, рассчитывая на картах директрисы стрельбы корабельных и береговых пушек.

Турецко-египетский флот был расположен в Наваринской бухте на фертоинге строем в виде сжатого полумесяца, рога которого простирались от Наваринской крепости до батареи острова Сфактерия. Линейные корабли (3 единицы) и фрегаты (23 единицы) составляли первую линию. Корветы и бриги (57 единиц) находились во второй и третьей линиях. 50 транспортов и купеческих судов стояли на якорях под юго-восточным берегом Мореи. Всего на турецко-египетских судах было более 2300 орудий. Помимо этого, вход в бухту, шириной около полмили, со всех сторон перекрестно простреливался батареями с Наваринской крепости и острова Сфактерия (165 орудий). По флангам на плотках установили бочки с горючей смесью. Там же, готовый к нанесению смертельного удара, притаился десяток брандеров. Трюмы этих плавучих «зажигательных снарядов» были до самых верхних палуб набиты смолой и порохом. Увернуться от их тарана в тесной бухте будет просто невозможно!

На возвышенности, с которой просматривалась вся Наваринская бухта, расположилась ставка самого Ибрагим-паши. Подле нее верные египетские байраки. Им предстоит вытаскивать из воды и тут же казнить доплывших до берега врагов.

* * *

Тем временем в салоне кодрингтоновской "Азии" бушевали страсти. Переминавшийся с ноги на ногу у порога капитан Мартин, стал свидетелем небывалой ярости своего адмирала. Кодрингтон, о котором в британском флоте ходили легенды, как о необычайно уравновешенном и даже флегматичном человеке, наверное, впервые в жизни дал волю всем своим чувствам.

– Этот Ибрагим – отъявленный негодяй и подлец (адмирал, разумеется, высказался более резко) – кричал Кодрингтон, потрясая руками. – И будь я проклят, если теперь не заставлю его сожрать свой нечестный язык! (адмирал выразился и в этом случае, конечно же, более категорично).

В письме своей жене Кодрингтон выразился куда более деликатно: "Наше письмо к Ибрагиму принесли назад нераспечатанным. Его лгун – драгоман говорит, будто бы никто не знает, куда он (Ибрагим-паша – В.Ш.) делся, но я уверен, что завтра же он найдется. Если только ветер позволит нам бросить якорь борт о борт с его судами!"

Теперь всем стало окончательно ясно, что вести дальнейшие переговоры с каирским пашей уже бессмысленно. Настала пора явить силу оружия...

В тот же день два фрегата: российский "Константин" и английский "Кембриан" были посланы в Каламатский залив "дабы возбудить мужество находившихся там греков и заставить удалиться турок, хотевших занять эту часть полуострова..." Дело в том, что тамошнее селение Амиро подверглось нашествию египтян, которые разрушили дома, поубивали жителей и вырубали все окрестные сады. Местное "спартанское войско", как могло, сдерживало беспощадных арабов, но им приходилось трудно, а потому союзники решили подкрепить храбрых "спартанцев".

Сами же адмиралы были озабочены больше коварством и несговорчивостью Ибрагим-паши.

"Столь странный и дерзкий ответ, – вспоминал впоследствии граф Гейден, – доказал еще более, что средства убеждения и даже угрозы будут отныне бесполезны и что без сильной и скорой меры Лондонский договор не только не исполнит желаний человечества и благих намерений держав, оный заключивших, но сделает еще более губительнее борьбу, которую хотели остановить".

Утром следующего дня флагмана, собравшись на "Азии", совещались вновь.

– Ибрагим-паша бросил нам в лицо перчатку! – сказал, со вздохом, Гейден.

– Какая еще там перчатка, когда эта сволочь плюнула нам в лицо! – ударил кулаком по столу Кодрингтон. – В виду приближающихся осенних штормов держаться более в открытом море становится опасно. У нас остается лишь два варианта: покинуть берега Мореи, оставив их в полной власти турок, или зайти в Наваринскую бухту, где мы сможем не только укрыться от штормов, но и полностью заблокировать Ибрагима. Какие будут ваши мнения?

– Я желал бы войти в Наварин! – без всяких раздумий высказался Гейден. – Для этого, собственно говоря, нас и прислали, чтобы мы действовали с всею решительностью! В случае возможного сражения, я готов подчиниться старшему по званию, и выполнить все его указания!

Де-Реньи лишь зябко пожал плечами, но кивнул головой, что значило, видимо, и его полное согласие с Кодрингтоном и Гейденом. На словах же французский командующий сказал следующие (это доподлинные слова де-Риньи!):

– Великомудная дипломатия, избегая ясного, определенного указания, предпочла оставить открытым этот источник недоразумений, сомнений и колебаний в деле, в котором всякое недоразумение может разразиться громовым ударом, либо привести к тому, что все торжественно предписываемые меры останутся мертвой буквой!

Дело в том, что перед самым совещанием де-Реньи направил письмо французским офицерам, служившим в египетском флоте. Текст письма гласил: "Господа, положение, в котором, как вы видите, находятся оттоманские морские силы, блокируемые в Наваринском порте, измена своему слову его светлости Ибрагим-паши, который обязался временным прекращением неприязненных действий, – все это указывает вам, что впредь вы можете встретиться с своим родным флагом. Вы знаете, чем рискуете. Требуя, чтобы вы покинули турецкую службу в минуту, когда оттоманский флот поставил себя во враждебное положение, которого он дол-

жен нести последствия, я даю предостережение, которым вам не следует пренебрегать, если вы остались французами. Имею честь и прочее... Де-Реньи".

На этот раз решение было найдено на удивление быстро. Решено же было следующее: "... По здравом рассуждении... всем судам соединенного флота войти в Наваринскую гавань, стать на якорь подле турецкого флота, дабы присутствием и положением союзных эскадр принудить Ибрагима сосредоточить свои силы на сем пункте и отказаться от всякого нового предприятия против берегов Мореи и берегов Греции".

Хитромудрые дипломаты, ничего не решив, отстранились от щекотливого Наваринского дела, предоставив трем адмиралам все расхлебывать самим. И те приняли это, как должное! Итак, три адмирала решили сознательно рискнуть своими эскадрами, честью и карьерой, чтобы единым махом разрубить накрученный политиками "гордиев узел". При этом все трое прекрасно понимали, что, входя в бухту, они почти обрекают себя на неизбежный бой, ибо как говаривал рейс-эфенди "не могут хворост и огонь безопасно лежать друг против друга".

На шканцах союзных кораблей читали приказ, повелевающий быть готовыми вступить в сражение при первом сигнале. Вскоре командиры доложили своим флагманам, что у них все готово. Везде непрерывно игрались артиллерийские учения.

Вот вдалеке показались два линейных корабля. То были "Генуя" и "Альбион", спешившие на всех парусах с Мальты. Последнее подкрепление перед решающими событиями.

С союзнических эскадр в нетерпении старались рассмотреть стоявший в глубине Наваринской бухты турецкий флот, насколько это было возможно. Еще ничего не было решено.

* * *

Наваринская бухта – почти правильный полукруг, отсекаемый, словно диаметром, со стороны моря вытянутым островом Сфактерия, оставляющим лишь два узких прохода со стороны северной и южной оконечностей. Именно остров Сфактерию захватил во время Пелопонесской войны Афин и Спарты знаменитый афинский стратег Демосфен, разгромивший гарнизон спартанцев и впервые в истории Греции взявший здесь в плен знаменитых спартанских "гвардейцев" – гоплитов. На Сфактерии отчетливо видны развалины. На их месте еще два года назад стояла церковь Вознесения, называемая греками в обиходе Панагула. Когда турки захватили Наварин, остатки греческих повстанцев заперлись в церкви, и, не желая сдаваться, взорвали ее вместе с собой.

Наваринская бухта

В 1770 году Наваринскую крепость штурмом взял посланный графом Алексеем Орловым отряд цейхмейстера Ивана Ганнибала. Затем в течение некоторого времени Наварин был главной базой российской средиземноморской флотилии. Там же находилась и резиденция графа Орлова. Предпринятая турками осада со стороны суши, вынудила Орлова покинуть Наваринский порт, чтобы, объединившись с отрядами адмирала Спиридова и контр-адмирала Эльфинстона дать решающее сражение турецкому флоту. Спустя месяц огромный турецкий флот был полностью истреблен при Чесме. Так что наваринские места были нашим морякам памятливы...

С юга от острова Сфактерии в самом центре Наваринской бухты видны еще три маленьких острова – скалы. Наибольший из них греки именуют Пилосом, турки же называют Цихлибаба. Меньший зовется ласково – Хелонаки, то есть Черепашка.

Со стороны Пелопонеса бухту охраняет цитадель, именуемая Неокастро, что означает Новая Крепость. Цитадель построена турками еще в шестнадцатом столетии, а затем еще и укреплена венецианцами век спустя.

Еще одна крепость Палайокастро прикрывает северный проход в бухту, который турки предусмотрительно завалили камнями еще в 1571 году, сделав его непроходимым для больших судов. Именно Палайокастро штурмовал со своими моряками цейхмейстер русского флота Иван Ганнибал в славном для русского флота 1770 году, и именно в ее церкви Преображения Господня праздновали русские моряки тогда сию победу.

Сам, сбегаящий красночерепичными домиками к морю городок Пилос, окружен со всех сторон кипарисовыми рощами и горами, высшая из которых вершина Святого Николая видна далеко с моря.

Сейчас крепости и город казались вымершими. Там тоже во всю готовились к, возможно, скорой встрече с союзниками.

Помимо турецкого и египетского флагманов флотом султана руководил еще и французский советник командор Летеллье. Командор прошел Абукир и Трафальгар, в его послужном списке прорывы сквозь английскую блокаду из Кадиса и отчаянные абордажи. Ему ли не знать, как готовить корабли к решающей битве!

Объединенный турецко-египетский флот был выстроен Летеллье фигурой полциркуля (или подковы). Левый фланг строя примыкал к Наваринской крепости, правый – оканчивался батареей острова Сфактерия. Сама крепость, прикрывающая вход, полностью перекрывала своими пушками узкий проход в бухту, кроме этого ее орудия прикрывали и правый фланг стоящего на якоре флота. На высоте мыса стояла еще одна артиллерийская батарея. За ней лагерь полевой армии Ибрагим-паши в двадцать тысяч человек. Вне стана на возвышенности шатры самого Ибрагима, который с гордостью взирал на неприступную позицию своего флота.

– Пусть только неверные попробуют сунуть свой нос в мое логово! – хвалился он. – Ядра, огонь и вода истребят их в прах!

– О, наш повелитель! – гибли спины вельможи. – Это будет воистину великая победа!

Историк пишет: «...На возвышенном холме, с коего весь порт виден совершенно, стояла ставка Ибрагимова, с коей он с гордостью взирал на твердую и почти неприступную позицию своего флота. Гибель союзников, по мнению его, была неизбежна. Ядра, огонь и вода должны были истребить и потопить их».

Алексей Фёдорович Орлов в 1825 году

Под крепостью и у острова Сфактерия разместились отряды брандеров. Начиненные до верхней палубы порохом и смолой, они были готовы внезапно выскочить из своих засад, сцепиться с дерзнувшими войти в бухту, и взлететь вместе с ними на воздух.

Сам турецко-египетский флот стоял в трех боевых линиях. В первой линейные корабли и тяжелые фрегаты, во второй, фрегаты, корветы и бриги, расположенные так, чтобы могли стрелять в промежутки между судами первой линии. В третьей прочая мелочь. Их задача добивать поврежденного противника и оказывать помощь своим.

Впереди боевых линий покачивались на пологой волне плоты с огромными бочками, наполненными горючими веществами. Пусть только кто-нибудь попытается приблизиться к такому плоту. Первый же выстрел в бочку разорвет в куски не только плот, но и то, несчастное судно, которому выпадет жребий оказаться рядом.

Отдельно в глубине бухты держалась тунисская эскадра в три фрегата, она выполняла задачу подвижного резерва. Известные морские разбойники, тунисцы были готовы атаковать на бордаж те суда противника, которые будут серьезно повреждены.

Высок был и моральный дух турецких и египетских моряков. Глашатаи наместника объявили, что тем, кто отличится в сражении, будут немедленно выделены большие земельные наделы в Мореи, даны рабы, а потому каждый сможет сразу стать настоящим богачом. Так не стоит ли ради своего будущего счастья поубивать зарвавшихся гяуров?

Относительно численности турецко-египетского флота мнения историков несколько расходятся. Однако суммируя различные источники, можно с большой долей уверенности сказать, что он включал в себя: 3 турецких линейных корабля: 96, 84 и 74-пушечные, 5 египетских 64-пушечных тяжелых двухдечных фрегатов (по существу те же линейные корабли), 15 больших 50-пушечных турецких фрегатов, 10 брандеров и до 50 корветов и бригов. Общая численность команд составляла от 22 до 29 тысяч человек, а количество орудий разных калибров от 2100 до 2690.

* * *

Немало крови попили у союзников за время Наваринской блокады и "нейтральные" австрийцы. Отряд венских кораблей под началом контрадмирала графа Дандоло все время настырно крутился рядом, мешая, провоцируя и выведывая. Задача у Дандоло была не из легких: пакостить союзникам и помогать туркам. Наши это понимали и видели все своими глазами, но поделаться ничего не могли, ибо петербургская инструкция обязывала пребывать с венцами "в добром согласии и оказывать приятное приветствие и расположение, сообразное с дружескими связями, между обоими императорскими дворами существующими..."

– Ну и накрутили! – качал головой Гейден, в который уже раз бумагу гербовую читая, – Так теперь мне их за все вредительства целовать что ли?

Англичанам и французам никто дружить с австрийцами не велел, но и они лишний раз связываться с нейтралами не желали.

Однако все же настал момент, когда припекло. Нагло шныряя вокруг объединенной эскадры, австрийцы затем мчались во весь дух в Наварин, где докладывали Ибрагим-паше все изменения в составе союзников и их намерения. Решительный Кодрингтон, рассерчив, отписал графу Дандоло письмо, где пригрозил, что если подданные Габсбургов не перестанут столь враждебно себя вести, то он не будет делать различия для себя между ними и турками. В ответном послании граф изыскано извинялся. Однако уже на следующее утро были усмотрены австрийский фрегат и корвет, спешившие на всех парусах в Наварин.

– Ну и Дандоло, ну и враль! – огорчился Кодрингтон и приказал дозорным фрегатам отсечь австрийцев от порта, а если те попробуют прорываться, то лупить пушками без всякой жалости.

Лупить пушками не пришлось, ибо австрийцы, завидев опасность, тут же кинулись бежать.

В адрес адмиралтейства вице-адмирал написал с горечью нескрываемой: "Я желал бы, чтобы было доведено до сведения его высочества лорда генерал- адмирала, что в числе египетского флота находится семь австрийских коммерческих судов, нагруженных военными припасами, и что австрийский корвет "Каролина" и одна, если не две австрийские военные шхуны часто бывали в Наварине и, согласно частному дознанию адмирала де-Риньи, служили постоянными развозчиками турецких депеш..."

Две австрийские шхуны англичане все же поймали. Затем отпустили, но те продолжали "любопытствовать" и все время нагло торчали неподалеку. Исчерпав терпение, Кодрингтон велел их капитанам прибыть к нему на "серьезный разговор". Один из капитанов (более сообразительный) сразу все понял и дал деру, другой (более послушный) прибыл на "Азию", где и был задержан и оставлен до окончания блокады, став, таким образом, невольным свидетелем последовавших вскоре событий в Наваринской бухте.

– Будь у венцев флот поболее, то они бы нам здесь цирк бы устроили! – говорили в те дни между собой наши, – Но, как говорится, бодливой корове Бог рогов не дал!

* * *

Общие распоряжения, диспозицию на вход в бухту и главное руководство, как старший по чину с общего согласия взял на себя вице-адмирал Кодрингтон.

Всю ночь между лежащими в дрейфе судами сновали шлюпки, развозя засургученные пакеты с инструкцией Кодрингтона. Капитаны срывали печати, читали назначенную им диспозицию, потом собирали офицеров и знакомили их с посланием командующего.

Внезапно у Наварина показался турецкий бриг "Крокодил", тот самый который Ибрагим не столь давно посылал в Константинополь с гонцом после памятной встречи адмиралов с наместником. Кодрингтон подумал-подумал и пропустил "Крокодила" в бухту.

– Несколько мелких пушек соотношение сил не изменят, зато на бригае могут быть бумаги султана, которые заставят Ибрагима быть сговорчивее! – так объяснил подчиненным свое решение Кодрингтон.

Из воспоминаний лейтенанта Рыкачева: "Ветер дует в губу; беспрестанные переезды с одного адмиральского корабля на другой, мелкие суда, маневрировавшие под самым берегом, – все это вместе предвещало, что дело клонится к действительной и трудной атаке. Но в 12 часов (т. е. в полдень – В.Ш.) мы были поражены видом турецкого брига, вошедшего в самую середину нашего флота... К удивлению многих, его пропустили в бухту. Это обстоятельство несколько умерило наше воинственное настроение и заставило делать мирные заключения. В то же время... потребовали капитанов на адмиральский корабль. Они разъехались оттуда очень скоро. Адмирал (Гейден – В.Ш.) приказал им, чтобы корабли и фрегаты были готовы следовать за ним в Наваринскую бухту, куда, может быть, сегодня же пойдет весь соединенный флот... Наш капитан, собрав лейтенантов, показал нам диспозицию, которую должен занять... флот в Наваринской бухте... Вслед за капитаном возвратились и офицеры, посланные за приказаниями на флагманский корабль. Они привезли приказ сэра Э. Кодрингтона и краткое воззвание графа Л.П. Гейдена..."

В преддверии входа в Наваринскую бухту определился и окончательный состав союзных эскадр. Англичане имели: три линейных корабля 86- пушечную «Азию» (флаг вице-адмирала Кодрингтона), 74-пушечные «Геную» и «Альбион», фрегаты 50-пушечные «Дартмут» и «Глазго», 48- пушечный Кембриан», 32-пушечный корвет «Тальбот», брига 18-пушечные «Роза» и «Филомель», 14-пушечные «Москито» и «Бриск», а также 10- пушечный тендер «Гинд».

Французская эскадра состояла из трех 74-пушечных линейных кораблей «Сципион», «Тридан» и «Бреслав», 60-пушечного фрегата «Сирена» (флаг контр-адмирала де-Реньи), 44-пушечного фрегата «Армида» и двух 14-пушечных шхун «Алсиона» и «Дафна».

Что касается российской эскадры, то ее состав в те дни был такой: 84-пушечный линейный корабль «Гангут», трех 74-пушечные линейные корабли «Азов» (флаг контр-адмирала Гейдена), «Иезекииль» и «Александр Невский», двух 44-пушечных фрегатов «Константин» и «Проворный», двух 36-пушечных фрегатов «Елена» и «Кастор», а также корвета «Гремящий».

Согласно плану Кодрингтон, весь союзный флот должен был войти в Наваринскую бухту двумя колоннами. Правая колонна в составе 3 английских линейных кораблей и следующих за ними 3 французских линкоров и фрегата. Эту колонну должен был вести сам Кодрингтон. Вторую колонну составила русская эскадра – 4 линейных корабля и 4 фрегата. Ее должен был вести Гейден.

Войдя в бухту, англо-французская колонна должна была встать против правой (восточной) стороны турецкой «подковы». Свою флагманскую «Азию» Кодрингтон предполагал разместить против турецкого линкора под флагом капудан-паши. Остальные британские линейные корабли должны были взять на прицел турецкие линкоры. К зюйд-осту от «Азии» напротив судов египетской эскадры должны были встать на якорь французские линкоры. В этом тоже был свой смысл. На египетской эскадре находилось много французских инструкторов, и Кодрингтон надеялся, что последние сделают все возможное, чтобы не допустить братоубийственной бойни. Фрегаты англичан и французов должны были совместными усилиями заблокировать западную сторону неприятельской дуги.

Русская колонна должна была расположиться вслед за англичанами в центре полукружия, усилив, тем самым, боевые порядки союзников.

Помимо этого, в особый отряд был выделен фрегат «Дортмунд» с несколькими мелкими судами. На него возлагалась задача отвода в сторону турецких брандеров «на такое расстояние, чтобы они не могли повредить какому-либо из судов соединенного флота».

Кодрингтон в своей инструкции писал: «...Если время позволит, то стараться прежде открытия огня со стороны турецкого флота положить противоположно один другому и перпендикулярно линии по два якоря и привязать к каждому еще по особому канату, посредством коих можно было бы удобно обращаться в обе стороны (т. е. стать способом фертоинг – В.Ш.). Без приказа не палить; если же который из турецких кораблей откроет огонь, то его истребить немедленно. В случае сражения и могущего случиться беспорядка советую привести на память слова лорда Нельсона: «Чем ближе к неприятелю, тем лучше».

Что касается Гейдена, то он в своем кратком воззвании к русским морякам высказался так: «Мне ничего более не остается желать, как того, в чем я, и уверен, что каждый из нас будет стараться исполнить долг свой и сделает честь Российскому флагу в виду наших союзников».

Всю ночь на союзных эскадрах готовились к возможному завтрашнему столкновению. Командиры проверяли подчиненных офицеров, те наставляли унтеров, последние же в свою очередь следили за тем, что и как делают матросы. Подле пушек ставились картузы первых выстрелов, чтобы первые залпы были незамедлительными, в деках щедро сыпали песок, чтобы ноги не скользили по крови. Священнослужители все время среди своей паствы: ободряют, внушают, поддерживают.

Под утро в жилых палубах одни разговоры и воспоминания: британцы и французы о жизни своей в Ливерпулях да Марселях, наши ж о деревеньках рязанских да тамбовских.

В кают-компаниях тем временем офицеры за столами. Ревизоры на сей раз, выдали всего щедро. Вначале тосты, затем песни и даже танцы. Когда ж расходились, то каждому, наверное, думалось о дне, предстоящем: будет ли жив он сам, что станет с его семьей. Заходя к товарищам, делали поручения на случай своей смерти, писали завещания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.